Валентина Берсенёва

Край родной — душа моя

Валентина Берсенёва

Край родной – душа моя

Издательство АМБ
2022

УДК 82-1
ББК 94.4
Б 51

Берсенёва, В. Е.

Б 51 **Край родной – душа моя. Сборник произведений.** / *Берсенёва В. Е.* – Екатеринбург : ИЗДАТЕЛЬСТВО АМБ, 2022. – 200 с.

Выражаю искреннюю благодарность работникам трудового коллектива МБУ ДО «Центра молодежи и дополнительного образования» и волонтерам, оказавшим помощь в выпуске книги «Край родной – душа моя».

Особую благодарность выражаю фонду «Центр гражданских и социальных инициатив Югры» за предоставление гранта губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на развитие гражданского общества.

Валентина Берсенёва

УДК 82-1
ББК 94.4

© В. Е. Берсенёва, 2022
© Оформление. ИЗДАТЕЛЬСТВО АМБ, 2022

Биография

Я, Берсенёва Валентина Егоровна, родилась в мае 1940 года в поселке Славный, Красавского района, Саратовской области.

В этом поселке, где было всего тридцать домов, прошло мое детство со слезами на глазах.

Хорошо помню (уже шёл шестой год), как вечерами собирались в одном огромном доме всем поселком и просили Господа Бога прекратить войну.

Вечерами в этом доме молились, а с утра он превращался в школу. В одной из самых больших комнат велись занятия с учениками. В комнате стояли пять парт, школьная самодельная доска, покрашенная зелёной краской, – всего было 10 учеников разных возрастов.

В школе преподавали урок Закона Божия, учили быть справедливыми, милосердными, честными и трудолюбивыми, уважать старших, почитать отца и мать, быть вежливыми и уважительными, не сетовать на трудности жизни. Учили песнопению молитв – мы вместе со взрослыми читали по вечерам молитвы, до сих пор они в моей памяти сохранились.

Детские годы были безрадостные, полные страха, нужды и голода: шла война, жестокая и несправедливая.

Помню, питались мы желудями, жмыхом, соей, и, конечно же, лебедой. Каждый день варили из лебеды похлебку, она всех спасала. Безусловно, держали корову, но молоко, масло, сметану сдавали в сельский кооператив: все шло для фронта, для Победы – так мы были приучены думать об этом.

Со слов взрослых знаю, что мама всегда старалась выделить нам, детям, по стакану молока в день, но такое не всегда получалось. Я ни разу не видела, чтобы она сама когда-то выпила хотя бы полстакана молока.

Разумеется, у каждого деревенского жителя был огород, он и спасал каждую семью.

Шла война, долгая, и, казалось, ей никогда не будет конца… Сколько слез было пролито нашими матерями и бабушками! Пап и дедушек не было – все были на фронте.

В такой сложнейшей обстановке мы росли, взрослели не по годам, все понимали с юных лет, терпели, ждали, когда страх, мучения и тревоги кончатся. Приходили бесконечные, тогда казалось именно так, похоронки, которые читали всем поселком, соболезновали, сочувствовали, поддерживали получивших эти трагические послания.

Наши родственники тоже не уцелели. Погибли почти все ушедшие на фронт. Некоторые были тяжело ранены и прожили недолго. Погиб и мой отец в возрасте 25 лет. О своем отце я просто обязана сказать несколько добрых слов.

Это был удивительный человек, каких мало! Он был среди своих пяти братьев самый молодой, но, как никто другой, уверенный в себе, трудолюбивый, высоконравственный, милосердный. Отец, Егор Федорович, был талантливым человеком во многих областях науки и техники: был мастером-самоучкой во многих ремеслах, человеком творческим, очень практичным в житейских делах, сейчас сказали бы, креативным.

Он сам изготовлял музыкальные инструменты и мастерски играл на них. Отец тачал сапоги, шил на машинке одежду для семьи. В деревне он был отменным кузнецом – это была его основная работа.

А еще он писал стихи и выразительно читал их публике.

И, конечно же, был хорошим мужем и заботливым отцом – все это я знаю со слов мамы и близких людей. Сама я, к великому сожалению, отца не помню: мне был всего один год, когда он ушел защищать нашу многострадальную Родину. Ушел на фронт и не вернулся…

Похоронка пришла маме не сразу. Пришло извещение «Пропал без вести». И только мой внук незадолго до 75-летия Великой Победы сумел восстановить справедливость. Он нашел все документы, свидетельствовавшие о том, что мой отец был связистом и, выполняя очередное важное задание, был тяжело ранен на поле боя, попал в госпиталь в г. Орле, был прооперирован и на шестой день умер от ран.

Вот такой был мой отец! Повторюсь, я его не помню, зато твердо знаю, откуда у меня поэтический дар писать стихи, а у сестры – виртуозно играть на скрипке и домбре.

От отца я унаследовала не только талант к художественному слову, но и открытость души, безудержное стремление быть полезной обществу, неиссякаемое трудолюбие и умение доводить дело до конца. Гены говорят сами за себя…

Безусловно, я должна сказать несколько добрых слов и о маме, от которой я унаследовала много хороших качеств, которые всегда в цене. Она учила нас, детей, энергичности, активности, мудрости, целеустремленности, умению быть полезным обществу, открытости души, щедрости, любознательности и заботе о ближних. Эти качества я впитала в себя с юных лет, скажем так, с молоком матери.

Мама была доброй, заботливой, немногословной. Она с уважением относилась к людям, была с открытой душой и горячим сердцем. Помню, у нее всегда была улыбка на лице. Внешне я очень похожа на маму, а внутренне – на обоих родителей.

Мама всегда гордилась нами, детьми. Учились мы отлично, были вежливыми в обращении с людьми – таковыми и остались по жизни.

Я рано начала рифмовать, писать стихи, мама поддерживала меня в этом, понимала: иногда я не могла уснуть, не написав хотя бы четверостишие. Порой мы сочиняли с ней вместе стихи о природе, о моих друзьях, о школе, о нашем крае.

Сейчас я работаю в Центре молодежи и дополнительного образования, участвую в конкурсах, у меня бывает такое же состояние: пока не напишешь сиюминутно, не уснешь. Я никогда не откладываю дела на потом – приступаю к ним тут же. Этому научил меня великий человек – Либов Лев Иосифович. Это был человек-титан, не человек, а человечище! Планета. С ним в школе иностранных языков я работала множество лет. Он был человеком мудрым, дальновидным, знал, что он хочет, шел всегда в ногу со временем, часто забегая вперед, учил нас «не стоять на месте», добиваться больших результатов. Литературные вечера в школе иностранных языков, в школе Л. И. Либова,

предполагали встречи с большими тюменскими, екатеринбургскими и окружными поэтами: Н. Шамсутдиновым, Е. Д. Айпиным, Н. Мережниковым, А. Б. Керданым, Е. Бунтовым, С. Мартовским – и урайскими: Н. Г. Мокшиной, В. Дыдыкиным, Е. Скрябиным, В. Шабуровым, С. Ефимовой, О. Семёновой, Л. Кирилловой, А. Елькиной, Г. Кайгородовым и многими другими.

Безусловно, встречи с такими выдающимися личностями оказывали плодотворное влияние на мое творчество. Среди них я чувствовала себя чаще всего на равных, делала выводы из каждой такой встречи, выносила для себя много полезного. Работали продуктивно на протяжении десяти лет. Итогами наших встреч были выпуски новых литературно-художественных сборников «Оттиск», «Урайские горизонты» и «Шаимские находки».

В этих сборниках я печатала не только свои стихотворения, но и стихи учащихся. Это юные поэты: Георгий Вахрушев, Софья Сулейманова, Полина Панцевич, Анастасия Киняева и многие другие. Кружок «Поэтическое вдохновение» я веду уже более 20 лет. За это время многие мои ученики стали педагогами или учителями гуманитарных предметов, а некоторые юные таланты – начинающими поэтами.

За 60 лет работы мною написаны сотни стихотворений на самые трепещущие темы. В моих стихах чувствуется душа и горячее сердце – я очень впечатлительная от природы.

Считаю, что за 60 лет педагогического труда я внесла (да, так оно и есть!) достойную лепту в дело образования и воспитания подрастающего поколения.

Хотя я разменяла девятый десяток, но тружусь, готовя выпускников к Единому государственному экзамену, а девятые классы – к основному (по русскому языку).

Результаты учащихся радуют. Многие из них поступают в элитные вузы на бюджетной основе. Некоторые, особо одаренные, становятся начинающими поэтами, продолжая заниматься гуманитарными предметами и вплотную – иностранными языками.

За 60 лет работы имею множество наград, благодарностей от родителей и учащихся, но главной своей наградой считаю талант, данный мне от природы, – стихотворчество.

Своим опытом и умением я всегда готова поделиться с начинающими поэтами, с любителями поэзии и с людьми, неравнодушными к прекрасному!

1 глава
Округ

Рисунок Матвея Мельника

Мой край воспет
в легендах и сказаньях

Нельзя в одном стихотворении
Поведать все о крае нашем.
Но знаем все мы, без сомнения:
Югры на свете нету краше.
Щедрей нет края, чем Югра.
Нет самобытнее народа.
И наступила уж пора
Сказать слова такого рода:
Писатели, поэты края,
По-своему, в традициях культуры,
Югры природу в красках освещают,
Ну, а живут тут цельные натуры.
Наш край… Он сказок полон и преданий,
Легенд и песен северных народов.
И, отдавая также правде дань,
Скажу, что край растит талантов самородок.
И Еремей Данилыч Айпин тоже здесь –
Писатель, творчества основа.
Шесталову, Вогатовой, Коньковой – честь.
И славит округ мастерство Луцкого.
Коняев Николай – прозаик, романист…
Козлов Сергей – весь в поисках, находках.
Да, в нашем крае жизнь поистине бурлит –
Прямая, ровная у жителей походка.
Андрей Тарханов славит человека.
Его герой приближенный к природе.
Любимый край, тебе еще нет века,
Но сложен гимн могучему народу.
А твой фольклор… Что может с ним сравниться?
Твои дерзанья – смелому под стать.
И как могу я краем не гордиться?!
И как могу стихи я не писать?!
Хотя в стихотворении одном
Возможно ли воспеть его деянья?
Любимый край, мы песнь тебе поем.
Хоть ты воспет в легендах и сказаньях!

Урай

Урай, ты станешь исполином всей Земли!

Урайцы – это люд совсем особый.
Там, где они, уж точно ждет успех:
Вписали в жизнь страны строку особую –
Их нефтяные вышки покорили всех.
Вгрызаясь в землю, к небу поднимались.
Вокруг мерцали факелов огни.
Шли напролом нефтяники и знали:
Прославят Родину своим трудом они.
Порой без устали шагами сквозь бураны.
Как часто их валила с ног пурга.
Вновь поднимались, зная, поздно или рано
Войдет в историю их веская строка!
И нефтяных истоков рек уже немало…
Творенья их преобразили край.
С болотной пастью в схватках небывалых
Вошел в историю страны герой – Урай.
Идем с ним в ногу, в будущее веря.
У каждого из нас он есть в судьбе.
Его души распахнуты нам двери –
Там места хватит всем: ему, тебе!
Люблю свой город, им я восхищаюсь:
Он труженик, каких и мир не знал.
И я, мой друг, Урай, тебе признаюсь:
Здесь обрела я жизненный причал!
Любимый край, я знаю: рано или поздно
Твои питомцы из любой дали
Слетятся все в насиженные гнёзда –
Ты станешь исполином всей Земли!

Всегда будь таков!

Есть на карте России один городок.
Далеко он стоит от железных дорог
Средь болот и лесов на сибирской земле,
Но как дорог он всем: маме, папе и мне!
Он совсем небольшой, этот город Урай.
Он украсил собою наш северный край.
Рядом с лентой реки поднял сотни домов
Средь безбрежной тайги нефтеносных широт.
Я живу здесь взахлёб – родилась ведь я тут.
Если вдруг упадёшь – то руки подадут.
Тут не плачут в жилетку – особый народ
Прославляет Урай средь таёжных широт.
Только сильным душой город наш по нутру.
Вертолёты на вахты спешат поутру.
Незаметно Урай прибавляет в годах.
Юбилей у него – уж ему пятьдесят!
Вдаль с надеждой уверенно, гордо глядит.
Знаем, трудности все на пути победит.
Не беда, что он мал: он не раз побеждал
Себе равных по возрасту; старше себя.
Дорогой город наш, как мы любим тебя!
Надувай паруса – и вперёд! Процветай,
Наш любимец, красавец наш, город Урай!
Да, не мало других нефтяных городов,
Но ты первый, нефтяник. Всегда будь таков!

Урай вчера, сегодня, завтра

Болота, болота, болота...
Кругом непролазная мгла.
Работу до крови и пота
Природа неслабым дала.
Она проверяла на прочность,
На дружбу и силу ума,
Но тут вот, в районе Восточном,
Пласты предложила сама.

Мы день тот навеки запомним –
Средь дат самых памятных есть,
Ведь нефть же не струйкой, фонтаном
Сдалась славной скважине «Шесть».
Работа в трясинах опасна –
Монтажники стройки вели.
И вот уж посёлок вчерашний
Свои зажигает огни.
Меняется жизнь с каждым годом:
На карте России – Урай.
И звонкий гудок парохода
Приветствует доблестный край.
А город становится краше –
Ему новостройки к лицу.
Торжественным, праздничным маршем
Шагает теперь по плацу.
55... И душа замерла.
И, казалось, секунда упала.
55... Далеко от начала,
Но вторая секунда пошла,
Чтобы жить, соблюдая законы
Тех людей, кто нам путь проторил.
Первым было трудней, но без стона
Каждый взвешенно шаг проходил.
Безусловно, всем правила дружба,
А романтики… Хоть отбавляй.
Шли сквозь топи болота, ведь нужно,
Нужно было открыть этот край,
Что теперь называем Урай,
У которого в жизни крутой поворот.
Город наш, тебе верим и знаем,
Что ты вырвешься снова когда-то вперед.
Наш красавец, любимец, тебе всё под силу:
Твою прыть киноленты хранят.
Сколько встреч знаменательных было!
И не счесть твоих ярких и памятных дат!
55... И душа как-то вмиг встрепенулась,
Даже, кажется, стрелки замедлили бег.
Это молодость в нас, ветеранах, проснулась,
Так устроен, как видно, любой человек.

Сверстник мой, ты для города сделал немало:
Это ты в 25 наступал на тайгу.
Ты рассказывал мне, что и ветер, бывало,
Признавался: «Устал, не могу, не могу!»
Город соткан из чудных улиц,
Парков, скверов и площадей.
Переулки от солнца щурятся,
Добродушно встречая людей.
Роскошь видится в каждом празднике –
Это вехи Урая... Жизнь.
И лукаво, по-детски дразнит нас
Колеса обозрения высь.
А на сердце – спокойствие, нега –
Вот бы так на любой земле!
Если, друг, ты в Урае не был,
То, считай, не бывал нигде!
Волны звуков праздничных множатся.
И на гребнях высоких нот
Даже воздух, из песен спрессованный,
Сам отправил себя в поход.
Всё слилось в однородной массе:
Ликованье и пенье птиц.
День Урая... Добра и Согласия –
Гордость с счастьем не знают границ.
Всё цветёт, утопая в зелени.
От цветов вся земля пестра.
Облака проплывают медленно –
Завораживает красота.
Будет город с сотнями башен
И с домами причудливых крыш.
Но мы помним и город вчерашний,
А сегодня он – «чудо-Париж».
Он вписался достойно в строчку
Лучших округа городов.
Но на этом не ставит точку –
Он поспорить с любым готов.
Ведь пробил он дорогу сквозь нефть,
Путь избрав совершенства, уюта.
И на равных поспорит он впредь
С непреклонностью вида Сургута.

Он оставит еще позади
Нижневартовск, столь важный по нраву.
Вдаль уверенно город глядит,
Побратиму кивая лукаво.
Он уверенным шагом идёт,
И ему не страшны километры.
И объявлен ему уже взлёт –
Пожелаем попутного ветра!

Смогу тебя достойной быть!

Урай, любимый городок,
Тебя воспеть спешу я лирой.
Я извела немало строк,
Чтоб выразить, насколько мил мне.
Я распознала все секреты,
Что устремляют вширь и ввысь.
И пусть ты точка на планете –
Здесь зародилась моя жизнь.
Тобой душа моя согрета:
Со мной ты в радости и грусти.
И пусть – зима… Но в сердце – лето –
Уж холод в душу мне не пустит.
А за окном – мороз за сорок…
Заденешь чуть – и треснет рама.
Я с песнею в душе, веселой,
Наперекор иду упрямо
Тому, что мне противоречит,
Что не подруга доброй мысли.
Любовь все раны мне залечит,
Разгонит тучи, коль повиснут.
Я поняла, хоть с опозданием:
Мой край родной – ты лучик света.
Тебя, частицу мирозданья,
Я воспою строкой поэта.
Живая в тревожное столетье,
Я сберегу меж нами нить.
Хочу тебя душою греть я,
Ведь на земле нам вместе быть.

Ты дал мне все: надежду, цели…
Без них нельзя и дня прожить.
Не на словах – в труде, на деле,
Смогу тебя достойной быть!

Пусть весна… Но в сердце – лето!

Разлилась Конда-красавица,
Затопила правый берег.
Рядом я – как мне всё нравится –
Я глазам своим не верю:
Громоздятся льды, как скалы –
Провожаю их я взглядом.
«До свиданья!» – им сказала,
Но другие тут уж, рядом,
Рядом с берегом. Застряли…
Полминутки постояли,
Повертелись, покружились –
В путь неведомый пустились
Осторожно. Без заторов.
Солнце шлёт им лучик жаркий.
Им кивает мило город,
Осветив улыбкой яркой.
Волны пляшут и резвятся
Вдоль Конды посередине.
И мне хочется признаться –
Я в плену такой картины:
Налетают друг на друга,
Поднимаются валами
В белой пене, словно вьюга,
Что зимой играет с нами.
Я любуюсь кутерьмой –
Не поспоришь со стихией.
Мой Урай! Он здесь, со мной.
И пишу ему стихи я:
Как в воде он, отражаясь,
Очищается от пыли.
Городов других не знаю,

Чтоб близки так сердцу были!
Ну, а льдины торопливо
Друг за дружкой разбежались.
И стою я молчаливо –
Волны лишь со мной остались,
Да весна стучится в душу –
Столько сил в ней и доверья!
Позарез блокнот мне нужен –
Отворила муза двери.
Первозданных чувств букеты
Подарю тебе я, город.
Пусть весна, но в сердце – лето!
Город мой, как ты мне дорог!

Урай цифровой

Шагает в ногу со временем Урай.
Достоин лучших слов он и оваций,
Прошёл, как все, процесс механизации.
Кричит автоматизация: «Встречай!»
На смену ей пришла информатизация –
Наш город ею жил, как все, тогда
Легко вошёл в процесс компьютеризации,
Как округа большие города.
Урай всегда на пике новой славы.
Ему не подобает старым жить.
Когда-то внёс свой вклад он в мощь державы.
Начертано с рожденья первым быть.
Ребёнок каждый, даже из детсада,
С компьютером на «ты». И все как надо!
Урай все называют «Цифровой» –
И это справедливо и по праву:
Всегда во всём несёт России славу,
Большую славу… Хоть и небольшой.
В Урае нашем – все для человека!
Так было. Есть. И будет век от века,
Хотя ему и века вовсе нет.
Урай, ну, в чем же твой секрет?

Моему городу Ураю посвящается

У самой кромочки реки,
Что называется Кондою,
Наш город утром сладко спит…
Ты не буди Урай. Не стоит!
Не надо сон его ломать –
Он сам проснётся в одночасье.
На ушко шепчет чья-то мать:
«Вставай, сыночек, моё счастье!
Проснись, уж город на ногах,
Вставай, дитя, моя надежда!»
А город слышит шепот трав:
«Сегодня ты красив, как прежде!»
И птицы гимн ему поют:
В нем мудрость, красота, величье.
Кондовый лес и вышки шлют
Ему привет под хоры птичьи.
И сердце трепетно стучит,
Оно к тебе, мой город, рвётся.
Туманная река молчит,
Воспоминанье давних лет
В ней громким всплеском отзовётся:
Раскроет тайны детских снов
Красавца-города ночного,
Как сбросил призраки оков –
И мы дождались дня такого!

Мой город

Тайга протянулась на тысячи верст...
И там, где небесная синь прорывалась
Могучими соснами, встал во весь рост
Город-жемчужина, нефть добывая.
Понятно, не сразу он городом стал,
Но с детства к работе приучен.
И рос, хорошел он, а также мужал…
И нет в мире города лучше!
Людей не делил на своих и чужих.

Ураю стонать не пристало.
Учился всегда на ошибках своих.
И шишек набил он немало.
Он первенец – город судьбы нефтяной,
А первому – всюду непросто.
Расту и мужаю я, город, с тобой,
И оба стремимся мы к звездам.

Урай, я с тобою навеки…

Ты так многоцветен и так многолик:
Скромен по формам, но как ты велик!
Как ярки рассветы, так ярки закаты,
Ты чист своим сердцем, с душою крылатой.
А души у всех нараспашку – смотри,
За пазухой камень не прячет никто.
И чистые взгляды, улыбки светлы,
И радость на сердце, уют и тепло.
Людей отличает особая стать:
Не принято плакать здесь, ныть и стонать.
И гордость в душе, и уверенный взгляд –
Не стыдно порой оглянуться назад.
Пусть светят в пути тебе тысячи звёзд!
Урай наш, красавец, ты встал во весь рост:
Любые задачи тебе по плечу.
В мечтах своих смелых с тобой я лечу.

Урай

Урай, моя душа к тебе стремится.
И, где б ты ни был, я всегда
В мечтах лечу к тебе, как птица,
Спешу подняться в небеса.
Пусть не Париж ты и не Лондон –
Милее края сердцу нет.
И голос колокола звонкий
Находит отзвука ответ.
Я очищаю в церкви душу,

Струёю льётся в разум свет.
Мой край родной, ты так мне нужен,
С любой земли я шлю привет
Твоим лесам, озерам, рекам;
Твоим болотистым местам;
Ты дорог мне сейчас, навеки –
Тебе пою я дифирамб.

Не сменяю Урай я на…

Прилетай без раздумья, далёкий наш друг,
Красотою Югры от души насладиться!
Вот Урай, наш красавец, озёра вокруг…
А тебе красота, видно, только лишь снится.
Улыбается речка изгибами волн…
Лес зелёный над кем-то надменно смеётся…
А по речке Конде плывёт маленький чёлн –
В схватке с ветром ему поднапрячься придётся.
И красуется берег, ну, как бриллиант:
Чистый, солнечный, весь изумрудный.
Я люблю этот край – знать, в награду мне дан –
Я прославлю не раз ещё город мой чудный!
Мишурою струится с небес синева…
Как тут птицы поют в унисон в поднебесье!
И поверь мне: здесь даже природа сама
Новый день начинает затейливой песней.
Ветерок гладит шёлк бархатистых листов…
И Конда засыпает под песни деревьев.
Голосок еле слышится юных птенцов…
Прилетай, дальний друг, тут прекрасно, поверь мне!
Воспою я в стихах наших парков цветы.
Воспою красоту колеса обозренья.
Исполняются в городе нашем мечты,
Приложи лишь старанье, большое хотенье.
Не сменю Урай я на чудный Париж
И на Лондон, хоть город стоит на болоте…
По душе мне Урая вечерняя тишь,
А с утра он в заботах больших. И в работе!
Не сменяю Урай я на…

Нам Россия природой в награду дана

Синь озёр, говорливые реки,
И журчанье ручьёв, и небесная высь
Безвозмездно природой даны человеку,
А без них, согласитесь, немыслима жизнь.
Сохраним красоту для других поколений!
Насладимся дыханием чистых лесов!
И принять все законы природных явлений
Каждый русский всем сердцем с рожденья готов!
Шум деревьев и птичье пенье –
На российскую душу – бальзам,
На природу смотрю я с таким упоеньем –
Я её ни за что никогда не отдам!
И земной красотою всегда восхищаясь,
Я умножу её и другим передам.
Я Россию люблю. Я уверена. Знаю.
Что в награду дана она Господом нам!
Не устанем творить мы добро для России.
Не устанем её прославлять.
Ведь она же для нас, что бы ни попросили,
На благие дела всё готова отдать.
Честь великая дней своих встретит начало
В колыбели твоей под напевы листвы
Там, где Пушкина, Бунина имя звучало
И Есенина, Блока – это всё ты!
Всё вокруг мне в Урае до боли знакомо:
Темнотой набухает речная вода.
А закаты Урая – это ж гривастые кони!
А туманы седые – легенд череда!
Край родной, город, округ, Россия! –
Всяк без вас одинок, как орёл без крыла,
Пусть над вами всегда небеса будут синими,
Чтоб Россия как вечная сказка жила!
Ну, а мы, россияне, твои патриоты,
Не допустим, чтоб враг нашу землю топтал:
Словно птицы поём тебе песни без нот…
И по нотам.
Тебе гимны слагать наш народ не устал!
Я люблю свой Урай, когда тихая осень,

Когда спит сном спокойным в ночи городок.
Разве можно когда-нибудь всё это бросить,
Если даже когда уже вызрел твой срок?!
Покидать тебя буду совсем ненадолго,
Возвращаясь к любимым родным берегам.
Край родной, хорошей и живи долго-долго –
Я тебя никому никогда не отдам.
Синь озёр, говорливые реки,
И журчанье ручьёв, и небесная высь
Безвозмездно природой даны человеку,
А без них, согласитесь, немыслима жизнь.
Сохраним мы огонь своего очага,
На костры не позарясь чужие!
И будет Россия моя жить века,
Если дочери есть у неё… Вот такие!

Урайский лес, тебя готова слушать

Лесной простор… Лес дарит нам свободу…
В любое время года – благодать.
Пусть легкий ветерок; пускай и непогода –
За красоту лесов я все могу отдать!
В родном краю и речки-то иные:
Порою они с нами говорят.
Ручьи и родники… Поистине, живые,
А если нет, как чудеса творят?!
Леса родные, вы моя отрада!
И трепет сердца мне не усмирить.
Люблю леса… Они дают прохладу…
Дают мне все, что называю… «Жизнь».
В родном краю и воздух даже чище.
И звонче птичий хор лесных жильцов.
В лес захожу – меня встречают тыщи
Питомцев леса разных голосов.
И тишины лесной я не нарушу.
Не затопчу цветочка на траве.
Урайский Лес, тебя готова слушать
Вечерней ранью, днем и на заре.

Я всей душой тебя благословляю,
Урайский Лес, на многие века!
Желаю тебе здравствовать! И знаю,
Шатры дерев твоих упрутся в облака.

Лето в Урае

Кто на Юг, кто на Канары –
Я в Урае остаюсь:
На Конде позагораю –
Неплохой загар в Урае –
Им же тут и подлечусь.
Нет, люблю я очень море,
И озера я люблю,
Но с бюджетом не поспоришь,
Не беда это, не горе –
В другой раз с семьей на море.
Я улыбкой здесь свечусь:
В нашей речке заныряю;
На Конде позагораю;
Много книжек прочитаю
И душою засвечусь.
Один миг – и я раздетый –
Ведь на то оно и лето!
Только плавочки на мне,
Солнца лучиком согретый,
Ну, найди меня на дне!
Не старайся: я, как рыбка,
Иль лягушечка, нырну.
На лице – всегда улыбка,
И скажу вам, почему:
Я с водою в дружбе с детства.
Я под солнцем закаляюсь.
Лишь на пляже я разденусь –
Шоколадный, словно заяц!
Жалят лучики мне спину.
Плечи, как огнём, горят.
Вот сейчас я туфли скину –
Пусть и ступни загорят!

Солнышко всегда в зените.
Вода – парное молоко.
На Конду скорей бегите –
Будет тут и вам легко!
Кто куда… А я в Урае
Летом часто остаюсь.
Сил к учебе наберусь.
Мы на даче вечерами:
Папа, мама, брат Антон.
Отдыхайте вместе с нами!
Приходите, гости, в дом!
Фрукты, овощи созреют –
Приглашаю угоститься.
Для друзей мы не жалеем:
Всего много уродится!
Кто куда… А я в Урае,
Дорогом для сердца крае,
На все лето остаюсь.
И, признаться, тем горжусь,
Что поплаваю в Конде!
Что, завидуете мне?!

2 глава
Нефтяная эпопея

Рисунок Карины Ивановой

Для подвигов на свете место есть

На перегибе лет ещё заметней даты,
Важнее и значительней, чем прежде.
И тот огонь, что был зажжён когда-то,
В тумане служит маяка надеждой.
И край наш не устанет восхищаться
Героями давно прошедших лет.
И будет нашим правнукам казаться,
Что уж таких героев больше нет.
Нет, я беру свои слова обратно:
Для подвигов на свете много есть!
Потомкам нашим нефтяные пятна
Подскажут: «Нефть ищите здесь!».
И на привале, доставая фото,
Разглядывая прадеда черты,
Воскликнет кто-то: «До седьмого пота
Здесь каждый день тружусь, как это сделал ты!».

Всё вы делаете правильно!

Жизнь идет и листает страницы
Героических пройденных лет.
Ветеранам порою не спится:
«Все ль успели? А может быть, нет?».
Я спешу успокоить героев:
«Биографии ваши – маяк!
Волноваться вам вовсе не стоит –
Все вы делали правильно, так!».
Вы напористы были, суровы –
Шли на бой за Шаймскую нефть,
Доведись, я уверена, снова
Вы бы недр распечатали твердь,
Чтоб забили на благо фонтаны;
Чтобы каждый почувствовать смог:
Только вместе, трудом неустанным
Проложить можно клады у ног!

60 лет... Срок довольно немалый,
Но приветствий звучит еще шквал,
Ведь ваш подвиг, такой небывалый,
Мощь страны нашей разом поднял!

Пускай поведает о нашем крае тот…

Пускай поведает о нашем крае тот,
Кого седая вьюга с ног валила,
Кто был во власти яростных болот
И побеждал их недюжинною силой.
Еще поведать правду может тот,
Кому буран был брат, тайга – сестрою.
Кто дням, загубленным не вел в блокноте счет, –
Поведать о Шаиме может тот.
Раскрыть все тайны края может тот,
Кто мерзлоту болот зубами выгрыз,
Кто в непролазье, вырвавшись вперед,
Друзей не бросил ослабевших – вынес.
Нам рассказать о крае может тот,
С кем был на «ты» медведь – тайги хозяин;
И кто прошел дорог не меньше сот
Без сна подчас, усталости не зная.
Имеет право все поведать тот,
Кого ветра шальные с ног не сбили.
И чья душа пожизненно поет,
Кто гимн слагает Западной Сибири.
Пусть память вороша и напрягая,
О нашем крае нам расскажет тот,
Кому, однажды покорившись, нефть большая
Поныне в сердце нефтяным фонтаном бьет.

Если надо, – так, значит, надо!

Тут в чащобах пробраться б зверю,
Не гудел здесь машин мотор,
Шли бурильщики, в чудо веря,
Разводя за костром костёр.
На привале порой, бывало,
Только стихнут шальные ветры,
Вспоминал Урусов, усталый,
Фронтовых дорог километры.
«В черном теле себя держал я,
Рано матери я лишился,
Но от трудностей не бежал,
На ошибках своих учился».
От помбура – и в мастера
Он шагнул семимильным шагом.
Наступила его пора:
«Если надо, – так, значит, надо!».
С полуслова он понят был:
На подхвате Распопов, Шидловский.
Вот Петров и Шакшин забурили,
И Усольцев работал ловко.
Затерялся Шаим вдали –
И ни слуху о нём, ни строчки.
А теперь-то он стал, смотри:
Нефтяной отправною точкой.
Голос Губкина резал тайгу,
И команда лилась потоком,
Словно нефть, что, струясь в трубу,
Устремлялась в Сибирь с Востока.
И забил нефтяной фонтан,
Замолчал на мгновенье лес.
Стих на миг таёжный буран,
Не поверив в страну чудес.

Мёдом вовсе тут не пахнет...

Тянут вышку-долговязку
Вверх под облака.
То ли быль, а то ли сказка? –
Не понять пока.
А на завтра рев моторов
Разбудил леса.
В сто фонтанов хлынет скоро
Нефть. Вот чудеса!
И не думал косолапый,
Не гадал он впредь,
Что потрогать можно лапой
Этой вышки твердь.
Силачом себя надменным
Он считал всегда.
Он хозяин здесь бессменный…
Что за ерунда?!
Что за люди с вездеходом?
Рёв мотора жгуч.
И, поди-ка, не уходят,
Не боятся туч.
И дожди им не помеха,
Комарьё, жара.
Тут уж, братцы, не до смеха –
Действовать пора:
Оробев, к бригаде ближе
Всё ж он подошёл.
Наклоняется пониже:
«Что за запашок?
Медом вовсе тут не пахнет…
И сказал «Урус»:
Ты намажь себе на лапу,
Чтоб понять на вкус!»
И, поняв всё, косолапый
Бросил взор окрест.
Помахал мохнатой лапой
И ушёл с тех мест.
Губы, вздрогнув, прошептали:

«Что за странный вкус?!».
А бригада ликовала,
И в округе раздавались
Возгласы: «Урус»!

А ребята бурили… надо!

Сколько было бесплодных лет,
Трудных, хлопотных и суровых,
Но себе говорил он: «Нет,
Надо пробовать снова и снова!».
Заплывали порой глаза
От мошки, комариных укусов.
Но никто не свернул назад –
Вёл вперёд всех Семен Урусов.
Инструмент бурильный был слаб,
Турбобуров сыщи, пожалуй! –
«Мы единства людского сплав,
И у нас всех особый нрав!
Ну, а этого уж немало!»
Здесь понятия не было «зависть»,
В дождь, в пургу ли, не зная преграды,
Как стальные шли, не сгибаясь,
Напролом шли одной бригадой.
Брали нефть из артерий сердца
У земли, у Родной Сибири.
Гимн слагали героям ветры,
Что попутными чаще были.
Мошкарье водопадным обвалом
Обступало – бросало в дрожь,
А ребята бурили... Надо!
Находили природные клады
И кричали: «Шаим даёшь!».

3 глава

Великая Отечественная война

Рисунок Матвея Мельника

Дорога Жизни – Ладога

«Дорога жизни» – магистраль живая:
Чрез Ладогу – водой; зимою – через лед.
Железная дорога, «пробегая»,
Шла тоже, как живая, но в обход.
А эта, на себя взяв столько груза,
Спасителем была у ленинградцев.
Брала на буксировку сухогрузы –
Ни от чего не смела отказаться.
Прорытые фарватеры…Причалы –
Все это всплески мысли инженерной.
«Дорога жизни»… Никогда не отдыхала,
Жила трудом тяжелым, непомерным.
Трагедий было много на дороге,
Ведь сотни тысяч тонн она несла!
Но помогали ангелы и боги –
Все выдержала – всех она спасла!
Бывало, сотни барж шторма глотали,
Казалось бы: пора бы захлебнуться.
Но верили строители и знали,
Что мир никто не принесет на блюдце!
Шла самая зловещая война…
Конца, казалось, никогда не будет, края.
«Дорога жизни»! Сколько жизней ты спасла –
Служила честно ты своей Отчизне!
И память о героях будет жить,
Пускай пройдут века, тысячелетья.
Тех грозных дней не в силах всяк забыть.
Их помнят все – и взрослые и дети!
Живут в Югре участники боев,
Ведь, к счастью, живы люди тех событий.
«Дорога жизни»… Не забыть ее,
Как не забыть имен ее открытья.
Тех не забыть, кто точно вел расчеты:
Паромщиков, водителей, охрану.
Своим трудом с войной сводили счеты…
Война легла у каждого на сердце раной.
«Дорога жизни» – Ладоги-вода…
Из уст спасенных слышится: «Спасибо!».

Прошли года…И вот издалека
Оно звучит с какой-то новой силой.
В нем стариков спасенных голоса.
В нем голоса изнеможённых женщин
И в нем детей испуганных глаза:
Признание дороги жизни вечно!
Ее запомнил ветеран Победы,
И на себе всяк ленинградец испытал.
Все ценят вас и берегут вас, деды,
И ставят высоко на пьедестал.

Памяти павших

Снарядным полётом изранен был воздух не раз,
А бомбы поля на сто раз перерыли.
И командиры едва успевали приказ
Настрочить – где кого схоронили.
И снова земля, резко корчась от боли,
Прошита осколком… замолкла на миг,
А юный солдат, что стоял в карауле,
Уж в эту минуту на вахте … лежит.
Исполнил он долг свой сполна и как надо.
Пускай он погиб, но врага уложил
Своим неизменной винтовки прикладом –
Он честно военный свой год отслужил.
Уже не понять, где свист ветра, где пули…
И гибнут солдаты один за другим.
И встали на место юнцов в карауле.
В отцы или деды… сгодились мы им.
Насупились брови… И взгляд исподлобья
Пощады сегодня врагу не сулит.
Склонились солдаты-друзья к изголовью
Тех юных бойцов, кто не будет забыт.
И вновь закрутилась войны мясорубка:
Минуты две-три передышка была.
Друзьям показалось: солдата улыбка
В память о нём на момент ожила.

И день уже не был так хмур и печален,
Хоть яростью гнев сослуживцев кипел.
Осколок луны, что снарядом был ранен,
Фашистам светить уж никак не хотел.

Нормандия – Неман

(перевод с французского)

Вот «Як» наш мчится, издавая вой.
Страшны сирены и звучат багрово.
И точно глянул гром над головой,
Но крикнул ты, мой друг-француз: «Готово!»
Ты действовал и «фразу» повторил семь раз
На русском ломаном нечисто:
«О сколько я с тобою жизней спас!
О сколько истребили мы фашистов!».
А «Як» наш мчался, яростно пыля;
Шёл в стан врагов, бесчисленных и лютых.
Горел над нами воздух… А земля…
Земля стонала от коросты вздутой.
Война прошла… Мы выстоять смогли.
Но где же вы, друзья-однополчане?
Коль умерли – я брошу горсть земли
На землю ту, где в люльке вас качали.
Мне не забыть, друзья-пилоты, вас:
Делили мы по-братски крошки хлеба,
Одно над нами близко было небо,
Вы, техники, механики, я не забуду вас.
В груди огонь… Еще он не погас!
Мы были эскадрилией одной – «Нормандия и Неман» –
Война спаяла нас в единый сплав.
Поклон вам низкий, вам, друзьям-солдатам!
Своей страны ни пяди не отдав,
Врага мы расщепили, словно атом.
«Мой друг-француз, коль жив, то как дела?
Не забывай, как вместе воевали!
Что? Нет в живых? Но память-то светла:
Твои дела цены не потеряли!».

Мне сегодня уже девятнадцать

«Мне сегодня уже девятнадцать –
Имениннику выпало – в бой,
И мне хочется, мама, признаться:
Так хочу я вернуться живой.
Ждут ребята меня с поздравленьем
И готовят солдатский сюрприз.
А вчера на вечерних ученьях
Похвалил меня строгий комдив.
Отвоюю сегодня, родная,
Письмецо допишу уж тогда.
Как по нашему краю скучаю!
Как во сне тебя вижу всегда!
Мне сегодня уже девятнадцать.
Как за год повзрослели мы тут.
Ну, пора уже в бой собираться,
Ведь враги, они, мама, не ждут.
Обнимаю, родная, целую,
Верю в Господа, верю судьбе.
Вот сейчас письмецо запакую,
И, как птица, помчится к тебе.
После боя продолжу другое…
День рожденья я в нём опишу,
И всё будет потом, после боя.
Мама, знай, я тобой лишь дышу».
Почтальон письмецо утром рано
Вёз окольной дорогой сквозь лес,
А на завтра пришла телеграмма:
«Сын ваш был настоящий боец…»
Мать в минуту одну поседела,
Слёзы градом из глаз полились.
Всё на карточку сына глядела.
Ей не верилось: кончилась жизнь…

Мать солдата

«Если, мама, умру я, то в рай попаду,
Но беду от России я собой отведу.
Ты не плачь, дорогая, буду где-то вверху.
Ты не плачь…Понимаю…Но обнять не могу.
Стану неба кусочком или, может, ручьем.
Или звездочкой-точкой, или нежным лучом.
А пока, дорогая, в бой я ринулся снова
И тебе я желаю: «Будь спокойна, здорова!
За меня тебе, мама, не придется краснеть,
А сегодня, родная, нам врага б одолеть…».
Мать очей не сомкнула – все читала письмо.
Почтальон через месяц постучал к ней в окно,
Протянул «треугольник» и поспешно ушел.
Мать в слезах прочитала: «Все у нас хорошо!»
Так из месяца в месяц сына письма ждала.
Он пришел невредимый… А она…умерла.

Победное знамя

О, как мы хотели тогда, в сорок пятом,
Свой флаг водрузить над рейхстагом! Солдаты,
Наши солдаты шагали упрямо:
Их ненависть жгла и кровавая рана.
Их краткие речи и хмурые взгляды
Кромсали врагов, как осколки снарядов.
Шагали по улицам сверхчеловеков…
На Унтер-ден-Линден проносится эхо:
«Да здравствуют Родины крепкие сплавы!
Мы мощь доказали советской державы!!!».
Скажите на милость, в каких вы окопах
Сейчас притаились, ди херрен Европы?!
Не в радость вам музыка парках и скверах,
Вам, прихвостни Гитлера, «Хайль – офицеры?!
Ну как?... Вам понравились русские степи?
А как города? Севастополь? Как Тула?

Да, мы превратили мечты ваши в пепел –
Ветрами сражений в полях их раздуло!
За Родину гибли мы, зная, расплата
Наступит за всё: за спалённые хаты,
За слёзы детей, изощрённость фашизма.
За вдов, стариков встали всей мы Отчизной.
Теперь не уйти тебе, изверг проклятый:
Мы ждали его, этот день, в сорок пятом!
И вот уж над Одером наши орудья
Вам каждому правду несут, словно судьи.
Ну что приостыли? Замешкались в марше?
Мы шагом чеканным по улицам вашим
Шагаем, чтоб вывесить знамя Победы,
Чтоб нами гордились потомки и деды.
Чтоб внуки и правнуки наши когда-то
Другим рассказали про подвиг солдата!
Чтоб сердцем слагали стихи, ну, а фрески
Не дали забыть, что победные песни
Уж слишком ценой дорогою достались,
Чтоб мы под фашистский каблук не попали.
И вот уж оно – развевается Знамя
Победное, наше, фашисты, над вами!

Советскому солдату, погибшему в Берлине, посвящается

О смерти вовсе он тогда не думал,
О чём в тот миг он думал? Не узнать,
Когда фашисты пулемёта дуло
Направили на девочку. Видать,
Она, живая, их мешала планам…
Да как она могла им помешать?!
Горело всё огнём; в объятом пламенем
Не виден ни восход был, ни закат.
А наш боец… в видавшей виды каске,
Пропахший порохом от головы до пят,
Вдруг повернулся, словно по указке,
А за спиной – сто вражеских солдат!

Успел боец собой прикрыть ребёнка,
Подкошенный свинцом, на землю пал.
И, затаив дыхание, девчонка
К нему прижалась… Он уж не дышал.
Всё полыхало: улицы и парки,
Берлин пылал с восхода до зари.
И где-то голубою краской яркой
Пробился точкой небосвод вдали.
Прошли года… Но не стереть из памяти
И из сердец не вытравить тоски.
Стоит советскому солдату памятник,
Не трептовпарковской земле стоит.
В одной руке как символ – меч солдата,
Другую – к сердцу девочку прижал.
И девушка… ему, чьё имя свято,
Кладёт цветы к ногам на пьедестал.
Не стерлись дней далёких тех страдания,
Хоть не один прошёл десяток лет.
Спасённая от врагов Германия
Солдату-победителю к ногам несёт букет.

А мама верила и каждый день ждала

Когда уже закончилась война,
Обильно разносили похоронки,
Зловещая стояла тишина,
Лишь слезы, падая, о пол стучали громко.
Мне в сорок пятом было только пять –
Тот возраст, что зовётся «непоседа».
Но я уже умела понимать,
По настроенью мамы узнавать:
«С вестями плохо от отца и деда».
Я мать спросить боялась лишний раз –
Неосторожным словом, чтоб не ранить,
Когда же, наконец, дадут приказ –
Отца домой ко мне с сестрой отправить?
Нас мама утешала, как могла:

«Отца дождётесь вы с войны. И деда…»
Как вынести душа ее смогла,
Ведь похоронка в сорок первом к ней пришла,
Ну, а она, как все, ждала Победы!
Взрослея не по дням, а по часам,
Читали мы по взгляду её душу.
И правду узнавали по слезам,
А этих слёз в избе скопились лужи.
Казалось ей: ошибся командир
В фамильях, отбивая похоронку.
С овчинку небо, да и целый мир
Ей виделись, на вид ещё девчонке.
Я помню, мы сидели за столом
Вдвоём с сестрой и вспоминали деда,
Как во дворе раздался шум и гром –
Все ликовали: «К нам пришла Победа!»
А наша мать, красива и стройна,
Зашла в избу со сдержанной улыбкой:
«Мои родные, кончилась война.
А похоронка мне давно пришла,
Все эти годы с нею я жила,
Ждала отца и верила в ошибку!
Не плачьте дети, вот вернётся дед –
Не всё ещё потеряно на свете –
Хоть и отца на свете больше нет,
В семье я за двоих вам буду, дети!».
Она уже не плакала теперь –
Все слезы пролила в четыре года.
От ветра распахнулась настежь дверь,
А там стояла чудная погода.

Мой прапрадед защищал страну

Мой прапрадед защищал страну.
Он пережил страшнейшую войну.
Ну, а мы, праправнуки его, –
Мы тоже не забыли ничего.
Мы, школьники, не носим ордена,
Хотя, бывает, кто-то отличится.
Но на земле кровавая война
Ежеминутно в чей-то дом стучится.
Из книг мы знаем только о войне
Да правду знаем всю от ветеранов.
Прапрадед мой, случается, во сне
Кричит: «Перевяжите другу рану!».
С годами начинаю понимать:
О, сколько ж бед все войны натворили!
И сколько ж боли в сердце держит мать,
Что говорит о детях в прошлом: были…
Остался мой прапрадед, к счастью, жив,
Но жил недолго: слишком раны ныли.
Всех помнил поименно фронтовых –
До самой смерти память не остыла.
Минуло 77, как кончился кошмар.
Но не забудут те года все ветераны,
Им память душу обжигает, как пожар,
И все еще болят и ноют раны.
Минуло 77 – остались единицы
Освободителей, участников войны.
Это их кровью писаны страницы
Победной вехи в биографии страны.
Пусть пулеметы больше не строчат;
Гранаты, мины, пушки грозные молчат.
И войн пусть не клубится дым!
Пусть будет небо вечно голубым!
Прапрадед защищал свою страну,
В которой мне живется так привольно.
Я проклинаю ту ужасную войну
И тех, кто сделал людям слишком больно.

Не властно время

Мы слов цветистых говорим немало:
Мол, помним тех, кто Родину сберег;
Кто в самых страшных сватках небывалых
На ветер не бросал красивых слов.
Кто шёл на бой с «коричневой чумою»,
Кто развенчал «сверхчеловеков» миф;
Кто миру мир принёс. И нам с тобою.
Чей голос преждевременно затих.
А это были ведь друзья соседей,
Друзья друзей, знакомых и родных.
В боях кровавых, мысля о победе,
Порою воевали за троих!
Вон там, в альбоме, пожелтев с годами,
Есть фото очень юного бойца.
С войны он не вернулся. Он не с нами.
На фото неясны черты лица.
Года, года… О, как они жестоки!
Покрыть стремятся мраком забытья.
Но можно прочитать такие строки:
«Внизу второй от края – это я»…
И мать в слезах нам объясняет с пылом:
«Он был у нас красив. Голубоглаз.
Вот только я не знаю, где могила,
Ведь всех погибших в ров кидали враз?».
На фото, нам казалось, все похожи:
С усталым, но воинственным лицом.
И только, видно, мать увидеть может,
Как сына взгляд наполнен был свинцом.
Она не плачет. Говорит степенно:
«Он честно долг отдал стране, как все.
Он, как и все в России, незабвенный…
Погиб в Зеленоградской полосе…»
И вдруг ведет на кухню нас поспешно,
Стараясь нам побольше рассказать.
Внезапно зарыдала безутешно –
И мы её не стали утешать:
Пускай поплачет, ведь на то и мать…
Молчали мы… Её не утешали:

Боялись словом сделать ей больней.
Но сердце наше как-то больно сжалось,
В минуты эти нам самим казалось,
Что в чём-то виноваты мы пред ней.
Опять она на фото посмотрела:
«Ровесник ваш. И кинуло нас в дрожь.
А здесь, смотрю я, что-то в самом деле,
Он на себя нисколько не похож…
Была девчонка… И она вздохнула…
Уж как её Ванюшка мой любил!».
И мать опять над карточкой всплакнула:
«Веселым был… Послушным… Не курил».
Таким она запомнила Ванюшку…
Всё целовала карточку его.
И плакала, и плакала в подушку –
Уже не говорила ничего.
А рядом мы… Пронзительно молчали,
Хотя никто пред ней не виноват.
В углу на столике победные медали,
Казалось, Ваниными глазками глядят.
И видят путь, проделанный огромный.
И памятных немало помнят дат.
И вместе с ним мы павших будем помнить:
Не властно время, хоть и минуло семьдесят пять.

Когда был враг разгромлен в сорок пятом…

Когда был враг разгромлен в сорок пятом,
Отец не возвратился мой с войны…
На поле боя пал отец солдатом,
Отец мой был связистом, рядовым.
Стоит солдату обелиск у моря,
Едва не задевая облака.
А рядом с ним окутан чёрным, в горе,
Какой-то человек… Издалека
Всего лишь точка перед той громадой.

Убитый горем человек стоит.
Он каждый день сюда приходит – надо –
Он в тишине, в молчании скорбит.
Наверно, мать… А может, просто близкий,
Кого сроднила страшная судьба.
Мы к вам идём, солдаты, к обелискам,
И наш поклон вам самый, самый низкий,
И первые цветы у нас в руках.
Мы к вам идём и в стужу, и в ненастье.
Мы вам обязаны своей судьбой,
Ведь вами завоёванное счастье
Не унесли вы под гранит с собой.
Танкист в граните, слесарь, токарь, лётчик –
И имена их память сохранит.
Шевелятся «вблизи живые точки» –
И, кажется, раздвинется гранит.
И снова я шагаю к обелиску
И тяжело ступаю по тропе.
Поклон и мой примите самый низкий –
Я лучшие цветы держу в руке.
И, кто б ты ни был, рядовой Отчизны,
Ты жив в сердцах на многие века.
Тебе обязаны счастливой жизнью –
Несём бессмертники в своих руках.
Все подвиги твои навеки
В сердцах людская память сохранит.
Ты честь страны и совесть в человеке –
Солдат, навек укутанный в гранит.
Когда был враг разгромлен в сорок пятом,
Отец не возвратился мой с войны.
На поле боя пал отец солдатом.
Отец мой был связистом, рядовым.

Могила неизвестного солдата!

– Их столько… Просто все не сосчитать!..
В кромешных днях войны их вырыли когда-то.
Где и кому? Теперь уж не узнать...
Лишь только разве холмик у дороги,
В котором на века погребены
Солдаты… Вместе думы и тревоги,
Мечты, надежды воинов страны.
Гремели марши… Бой сменялся боем.
И где уж тут построить обелиски?
Остаток карандашный под рукою...
А враг?... Он рядом... Он всегда так близко.
Рожденье... Гибель... Даты две скупые...
Фамилия и имя...Что ещё?
Пройдут дожди – и смоются все даты.
И холмик заровняется с годами...
И не найти уж места, где солдаты
Схоронены. Лишь в сердце они с нами.
Защитнику забвенья не бывает,
И потому погибшего в бою
Старшины на повестке выкликают,
Как будто он стоит в одном строю.
И каждый, кто познал, где край передний,
Кто сотню раз товарищей терял,
Не раз тот боль и ненависть познал,
Копая ров своим друзьям. Последний…
Идёт война.... Сражаются ребята…
И тут неподалёку, в трёх шагах
Едва заметный холмик. Весь в цветах –
Могила неизвестного солдата.

3 глава
Космонавтика

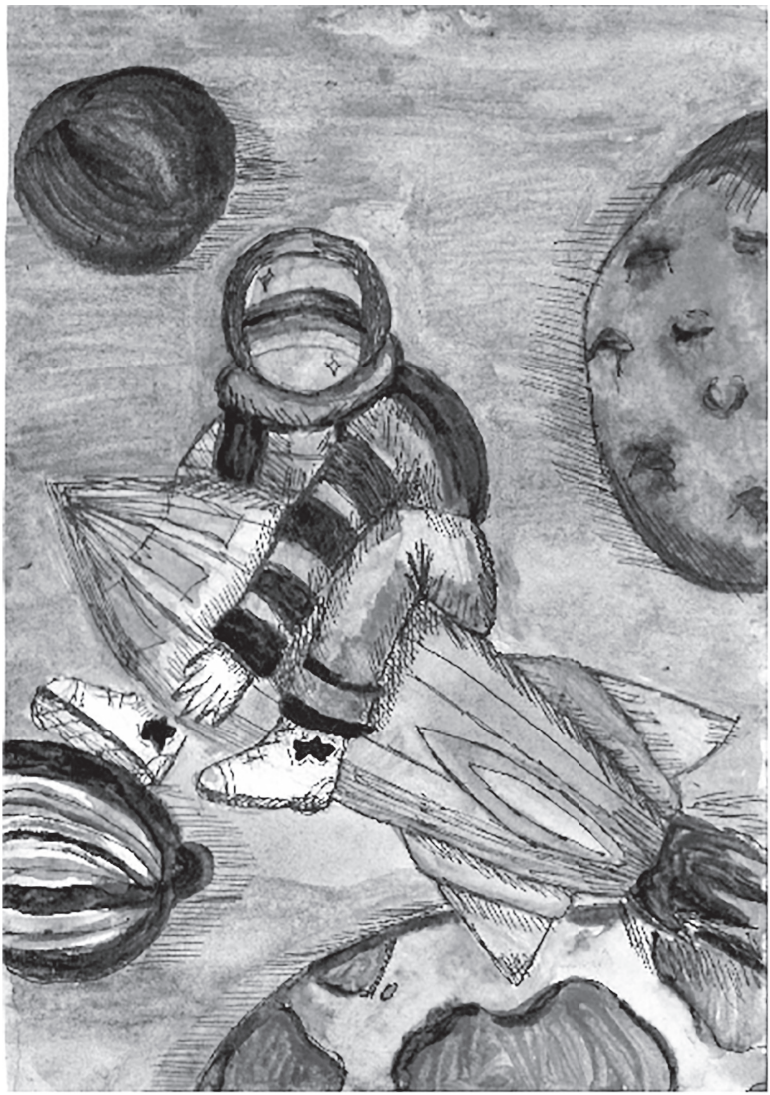

Рисунок Юлии Мануйленко

Он первым был

«Поехали!» – сказал Гагарин.
Понесся в космос на ракете.
Он был другой эпохи парень,
Хоть и пытливый, как все дети.
И вот взлетел он на ракете –
Она вперед и ввысь неслась.
И на земной, большой Планете
Другая эра началась:
Загадок, тайн, больших открытий,
Прогресса, мира и труда.
И светлых, радостных событий,
Ну, и дерзаний, как всегда.
Желаний искренних эпоха…
Надежд, мечтаний с давних пор.
А он вошел в корабль без вздоха
И вел с Землею разговор.
И знал, что Родина все слышит.
И пел, что Родина все знает.
И сердце вдруг забилось тише –
Он в невесомости… «Летает»,
Вернее, плавает в кабине.
О многом он сейчас мечтает,
Но страха нету и в помине.
Момент страшнейшей перегрузки
Настал, но не сумел сломить.
Ведь наш Гагарин – парень русский –
Обязан, должен стойким быть!
И долг свой выполнил он с честью –
Он Родину прославил вмиг.
И наш народ с героем вместе
В просторы тайные проник.
Страна ликует, им гордится.
А сам он скромен, как всегда.
И будет долго ему сниться
Небесной сути синева.
Да, наш Гагарин – звездный парень,
Открыл нам новую эпоху.
Все хорошо, одно лишь плохо:

Мы говорим о нем: он был…
Нет! Мы не будем о нем в прошлом!
Он первым был, он есть, он с нами!
Он гражданин, как все, но просто
Прославил Родину делами!

И рукоплещет сыну вся Земля

Как долго ждали – и свершилось чудо.
Шагает Мать – и замер весь народ:
Ведь сын ее вернулся, а откуда?
Да из самих космических широт!
И Мать, волнуясь, к сыну устремилась:
А в сердце – радость и за сына – честь.
Ликуют все: ведь вот оно, случилось –
И космонавт в России первый есть!
Как смело он ворвался в наше завтра!
И было то фантастике под стать.
С любовью прикасаясь к космонавту,
Целует, обнимает его Мать.
Она стоит, ну вся в слезах... от счастья!
Все глубже вглядываясь в милые черты.
И сердце разрывается на части:
«Ужель, сынок, страну прославил ты?!
Сынок мой милый, самый добрый, смелый,
Ты верен своей Родине всегда.
Бесстрашен ты!». Но все же побелели
Виски у матери Гагарина вчера.
И вся Россия сына обнимает...
И, радость всенародную деля,
Весть о Гагарине Планету облетает...
Весь шар земной ликует! Вся Земля!
Как долго ждали – и свершилось чудо.
Шагает Мать – и замер весь народ:
Ведь сын её вернулся...! А откуда?
Да из самих космических широт!

И к звездам путь – уже реальность

Отец ракетной техники сказал.
Ну, а, верней, сказал-то Циолковский:
«Земля для всех землян и есть причал,
Но можно ли на том поставить точку?
Земля для человека – колыбель...
Но кто ж всю жизнь бывает в колыбели?».
Великий Циолковский так хотел,
Чтоб мы скорее к звёздам полетели.
Учёный-физик издавна пророчил,
Что в космос скоро выйдет человек.
И зодчий верил в чудеса, но точку
Поставил всем мечтам двадцатый век.
Развеял страх, неверье и сомненье,
Ведь гражданин страны Советов смог,
Прорвав усилием земное притяжение,
Вокруг Земли свершить несбыточный виток,
Один виток, всего лишь, но победный,
Порвав клубка неведомую нить.
Полёт наш первый – в космос шаг заветный,
И этот шаг уже нам не забыть!
О, как страна в апреле ликовала:
«Увидим, как на Марсе яблони цветут!».
Да, наша Родина и верила, и знала:
Привычным станет пройденный маршрут.
Что устремимся все мы глубже в дали,
Разрушив все преграды до одной.
И почти каждый из романтиков сказал:
«Второй полет, поверьте, будет мой!»
И если б Циолковский жил поныне,
Его б восторгам не было конца;
Штурмуя недра космоса, все именно
Там славили ракетчика-отца.
И в душах чтили, ведь к далёким звёздам
Он с Королевым путь нам начертал.
Открылся нам великий космос грозный,
Час покоренья космоса настал!

Космонавтике – 50

Смотрю на небо голубое,
Забыв про день календаря,
Оно сегодня «расписное»,
Игриво яркое такое –
И не случайно всё, не зря:
В нем отблеск праздника пылает
Иллюминации огней.
Да кто в моей стране не знает:
Сегодня славный юбилей?!
День космонавтики особый –
И звуки музыки, как трель.
Полсотни лет прошло.... Еще бы!
Прославил мир собой апрель!
И космонавтом самым первым
Гагарин стал – он парень свой.
Пульс выдержал.... Не сдали нервы –
Он в сердце каждого – живой!
Все, кто с космической наукой
С любовью жизнь свою связал
Простерли к звездам свои руки,
Страну прославив на века.
И день 12-ое апреля
Весом для нас, как океан.
В душе он соловьиной трелью
Останется у россиян.

Кто не хотел бы…?

Кто не хотел бы, скажите, слетать на Луну,
В таинственный мир окунуться?
Я тоже хотела, подобно бы сну,
К ярчайшей звезде прикоснуться!
Кто б не хотел долететь до далеких орбит,
До тайны других измерений,
Где космос загадочный тайны хранит –
Тысячи тайн необъятной Вселенной?!

Хотела б и я на планетах других побывать,
О которых наука пока что не знает.
А также существ неземных повидать,
На тарелках, что в небе летают.
Я б их расспросила о том и о сем:
Есть ли осень, зима там у них или лето?
Рассказала б о жизни земной. А потом
Возвратилась на нашу планету.
Мой возраст такой: фантазируй, твори
И верь – на снегу зреют яблоки, груши.
Но знаю: нет краше российской земли.
В гостях хорошо, ну, а дома-то лучше.
Конечно, неплохо б слетать на Луну
И к ней наяву прикоснуться.
Но клонит меня уже что-то ко сну...
Сейчас я усну, чтобы утром проснуться
И снова мечтать, и летать в облаках.
И космос увидеть воочию.
И будет все завтра. Потом.... А пока....
Спокойной всем ночи! Спокойной всем ночи.

Победе – 50

Пилот в космической ракете
На Землю глянул с высоты.
Еще никто, никто на свете
Такой не видел красоты!
Внизу, за стеклами кабины,
В молочных облаках лежал
Далекий, маленький, любимый
Земной голубоватый шар.
Вылетают в космос Стрелка с Белкой –
Вот так придумал человек!
И устраняет недоделки Стремительный XX век.
И космос покорился силе...
Нет, не физической – ума.
И вот уж слышен возглас в мире:
«Гагарин в космосе!... Ура!».

Титов чуть позже. Терешкова,
Попович, Николаев, Ишлев...
Леонов, и Быковский, и Егоров –
Да разве всех их перечислишь!?
И гордость в сердце за науку,
Шагнувшую через века вперёд.
И жмут Гагарину народы руку
Вселенной всей, не только наш народ,
Он первый был, а первому – труднее.
Потом десятки в космос полетят.
Полсотни лет прошло... С годами всё виднее…
Давайте же оглянемся назад!
Оглянемся – и сразу же увидим,
Чем так гордятся прадеды и деды.
Да, нелегко им было, видимо,
Дойти до даты – 50, к Победе!

Проснулись люди с именем его

В тот ранний час страна не знала ничего.
Звучали, как всегда, последние известия…
Гагарин…Он летел уже через созвездия –
Проснулись люди с именем его!
Как тут не вспомнить голос позывных?!
Восторженный! Знаком был всем до боли!
И скажем прямо: «Сводки начинались с них,
Ну, а теперь: Сам Бог велел тем более.
Откуда нам подмог ждать? От кого?
Спокон веков страна, не знающая страха,
Из пепелищ воскреснув и из праха
В просторы космоса шлет сына своего.
И эта дата будет не забыта:
За мирный космос мы отныне и вовек!
Ведь наш корабль на мирную орбиту
Гагарин вывел – русский человек!
Да, гражданин Советов все же смог,
Развеяв страх, неверье и сомненье,

Вокруг земли свершить несбыточный виток,
Порвав усилием земное притяженье.
И вот взлетел он на ракете –
Она вперёд и ввысь неслась.
И на земной большой Планете
Другая эра началась.
Да, наш Гагарин – звездный парень....
Открыл нам новую эпоху.
Все хорошо... Одно лишь плохо:
Мы говорим о нем: «Он был».
Нет, мы не будем о нем в прошлом:
Он первым был, он есть, он с нами!
Он гражданин, как все, но просто
Прославил Родину делами!

5 ГЛАВА

Сказки Е. Д. Айпина

Переложение сказки в стихи

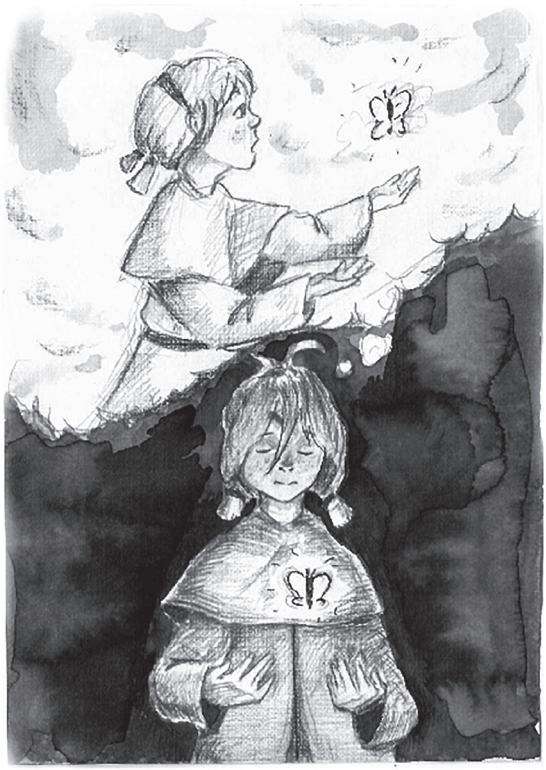

Рисунок Матвея Мельника

Жена с мужем и кулик

Однажды охотник, вернувшись домой,
Жене кулика протянул: «Ощипи, мол, помой,
Огонь разведи, да свари повкусней,
При варке жир с накипью тщательно слей!».

Жена моментально огонь развела,
Большую кастрюлю для птицы взяла.
Кулик уж в просторной кастрюле лежит,
А жир пузырится – вот-вот убежит.
Хозяйка берет поварешку и чашку,
Чтоб жир собирать, чтоб не капать на пол.
И черпает жир, и сдувает: «Ну, надо ж –
Жирнющий какой! Где такого нашел?!».
И чашка одна за другой наготове.
Наполнена третья до самых краев.
А вот котелки уж стоят на подходе,
И эти полны, как и первые, вновь.
Посуды пустой не осталось в квартире,
А муж посоветовал: «На пол сдувай!».
И дом моментально наполнился жиром.
Жена с перепугу: «Мой милый, вставай!
Утонем с тобой мы в кипящей лавине.
Смотри: жир поднялся уже до колен!».
И не было мыслей у мужа в помине,
Что можно погибнуть. А может быть, лень
Его заставляла лежать преспокойно?
Он, нежась на нарах, советы давал.
На сердце жены было тяжко и больно –
Кулик ей покоя теперь не давал.
«Ты, женушка, дуй, жир сдувай, станет легче», –
Советовал муж, не предвидя беды.
«Куда же мне дуть? Жир поднялся по плечи,
Скорее, прошу, мне на помощь приди!
Смотри, дорогой, жир уже мне до шеи.
И вот подбородок скрывает в жиру».
«Ты дуй, дорогая, работай шустрее!
Устал на охоте. Не жди. Не приду!».
И оба они захлебнулись в лавине.
Варились, порой издавая: буль-буль…
В народе жива эта сказка поныне,
А может, не сказка? А, может быть, быль?
А ты поразмысли, мой милый читатель,
Возможно, был пойман волшебный Кулик?
Ну, чем объяснить: вместе с ним в одночасье
Две жизни ушли в один миг?

Кави

Был отец на охоте –
Промышлял для семьи.
Мама – дома, в работе:
Один шаг до зимы.
Мать на нарах сидела
И одежду латала.
Дочка песенки пела
И с братишкой играла.
Маме трудно спуститься,
А ей было невмочь.
«Дети, дайте водицы,
Ты, сынок, или дочь!».
Мама шила одежду –
Уж зима на носу.
«Дети, дайте напиться!».
«Мам, са-сар принесу», –
Тут промолвил сыночек,
Увлечённый игрой.
И сынок её с дочкой
Снова был, как глухой.
Маму жажда томила –
Пересохло внутри.
«Слышишь, доченька милая,
Мне воды принеси!».
«Подожди хоть минутку –
Са-сар, выйду за дверь».
Ну, а ей не на шутку
Пить хотелось теперь.
Ей совсем стало плохо –
Уронила доску,
Где она вырезала
По рисунку тесьму.
Разделилась на части,
На две части доска.
Тут случилось несчастье,
Обуяла тоска.
В один миг обернулась –
Мать кукушкою стала

И домой не вернулась –
Все в округе летала.
Из игольницы ражной
Хвост роскошный пушится.
Где-то там, за овражком,
Птицей мама кружится.
Горло бедной кукушки
Пересохло от боли.
Дети здесь, вдоль опушки,
Ковшик взяв, да по полю:
«Мама, мамочка, слышишь?
Вот вода ключевая.
Опускайся пониже,
Наша мама родная!
Ну, испей же водицы,
Мы зовем тебя, плачем».
Ну, того не случилось:
Не могла мать иначе –
Про детей позабыла
И безродною стала.
Ой, как плохо ей было,
А она всё летала…
Всё летала… Летала…

Клюквинка и Травяная Косичка

Клюквинка с Травяною Косичкой
Живут, поглядите, словно сестрички.
Живут они вместе, живут они дружно,
Живут-поживают и, в общем, не тужат.
Лишь солнышко брызнет лучом золотистым,
Несет уже Клюквинка с речки водицу,
Разводит огонь, чтобы что-то сварить,
Косичка готова посуду помыть.
По дому порядки Косичка наводит –
Без дела минуты одной не проходит.
Вот Клюквинка утром к подруге подходит:
«Вставай, – говорит, – и огонь разведи».

Ответ Травяная Косичка находит:
«Не видишь, косичка моя впереди!».
«Да вижу я, вижу. Но что тут случится?
Хоть раз по утру ты огонь разведи!».
И вот уж растопка в чувале искрится,
И пламенем ветер косу подхватил.
Вот вся Травяная Косичка пылает,
Безжалостно пламя сжигает дотла.
От хохота Клюквинка средства не знает,
Не может уняться: так лопнет она.
Погибли они в одночасье, поди же.
А были дружны, что водой не разлить.
Но если б душой они были чуть ближе,
Пожалуй, могли и поныне бы жить!

Ланрели

Жил был мышонок по кличке Ланрели.
Он рано любил подниматься с постели.
Проснётся – скорей за весло – и в обласок.
А… вот и село вдалеке показалось.
«Плыви к нам скорее! – зовут его дети. –
Нет нашего края прекрасней на свете!
Мы вместе за чаем с тобой посидим
И хвост на обед тебе рыбий дадим!».
«Подумаешь, хвост… хвост имеется дома», –
Ланрели гребёт уж к селенью другому.
Он песни поёт, иногда он мечтает;
Мышонка веселого лодка качает.
Зовут его дети: «Ланрели, скорей,
Горячего чаю здесь с нами попей!».
«Я рыбью огромную голову дам,
Ланрели, дружочек, причаливай к нам!».
Не нужно ему угощений таких –
Обласок его уж чуть виден вдали.
И держит он голову прямо и гордо,
Что надо ему – знает точно и твердо.
«Плыви к нам, Ланрели! Наш чай не остыл».
«А я тебе сул твой любимый сварил!».

Доносятся четко слова до обласка.
«Вот это обед! Сул...Так это же сказка!»
И слюнки текут у Ланрели на ложку.
И он оторваться от сула не может.
Один котелок, второй, третий пустеет –
Живот почему-то его тяжелеет...
Живот опускается ниже и ниже.
Да… Сул с потрохами – лапки оближешь!».
Сидеть за столом уж Ланрели не может,
Но крепко он держит огромную ложку.
И тут сообщение: «Лодку уносит!».
Ланрели вскочил – только видели гостя.
Споткнувшись, упал он у самой воды –
И шаг остаётся до страшной беды:
При сильном падении лопнул живот.
Ну кто же поможет, ну кто же зашьёт?
«Где скорая помощь?» – галдели ребята.
Вновь лодку уносит теченьем куда-то.
Но сказка, простите, на то она сказка –
Счастливая в сказке должна быть развязка:
На помощь ему две девицы спешили
И шелковой ниткой животик зашили!
А тут и обласок уж был наготове:
«Ребята! Не нужно так вкусно готовить!».

Паки

В старину в лесу охотник
Медвежонка подобрал.
Накормил его он плотно,
Кличку «Паки» ему дал.
Ел малыш и пил все то же,
Что имел хозяйский стол.
«Взрослым стал и сам жить сможешь», –
В лес его охотник свел.
Расставаясь, напоследок
Он его поцеловал.
Накормил его обедом,
И, как сделали бы деды,

Знак отличья подыскал.
Так прошло немало лет –
И в урман охотник едет,
Позабыв о том медведе,
Варит на костре обед.
Ветка хрустнула, другая,
Глядь – медведь пред ним стоит.
Смотрит в душу, не мигая,
Только что не говорит.
Тут медведь, с душой открытой,
Понимая, что забыт он,
Лёг и лапу приподнял,
Чтоб кору на лапе левой
Наш охотник увидал.
А охотник-то со страху
Чуть не дал, так скажем, маху:
Он любимого питомца
Чуть стрелой не уложил –
Вот бы где весь век тужил!
А медведь – не будь дурен –
Доброту ведь помнит он:
С лапой, поднятой всё ближе,
А на ней – кусок коры –
К человеку: «Мол, не видишь,
Берегу я с той поры?».
Ошалев, узнал охотник:
«Это ж младший его брат!».
Удивленный и смущенный,
Был он встрече этой рад.
«Не забыл меня, поди же!».
А медведь к нему все ближе,
С искрой Божией в глазах,
Что-то хочет рассказать.
Обнялись, поцеловались.
Паки лапу показал:
«Мол, повязка очень давит,
Но ее я все ж не снял!».
И охотник шнур ослабил:
«Ох, как вырос ты, дружок!».
Приласкал его, погладил:

«Да... прошёл немалый срок».
Ночь надвинулась внезапно
И сморила в сладкий сон.
Спал охотник, ну а Паки...
Рядом бодрствовал он.
Страшным грохотом и ревом
Был охотник вдруг разбужен.
Младший брат был наготове:
Вот где службу он сослужит!
Огромадный, словно глыба,
Напролом шел зверь-пришелец,
Стрелы тут не помогли бы.
Младший брат броском с постели
Так вонзил когтищи в кожу,
Что пришелец скорчил рожу,
Сил и жизни не жалея,
Рвали шерсть друг друга в клочья
В этот жуткий час полночный,
И, захлёбываясь кровью,
Всяк стремился к изголовью.
Будто чудище лесное
О восьми ногах. И что же?
Рвали шерсть, сдирали кожу,
Выбирая миг, стараясь
Всё друг друга уничтожить.
«Жив ли ты, мой братец верный?
Если жив, подай мне голос!».
И вздымался дыбом волос:
Паки голос подавал.
А охотник, изловчившись,
В темноте, настолько можно,
Очень даже осторожно
В чужака, пришельца-зверя,
И, ушам своим не веря,
Голос Паки ощущал.
И теперь всегда в округе
За столом и на досуге
Вспоминают эту быль:
Что один охотник был,
Медвежонка приютил,

Вырос тот и стал медведем,
И, представьте, как-то раз
Жизнь хозяину он спас.

Птичек с Сестричкой

У самого леса жил Птичек с сестричкой.
Летал на охоту – еду промышлял.
В глубь леса однажды отправился Птичек –
И там он избушку одну увидал.
«Вот здесь я смогу кое-чем поживиться!
Подумал и начал он крошки искать –
А вот котелок за чувалом хранится
С жиром топлёным. На зиму, видать.
Не часто, – подумал, – увидишь такое!».
Ион уж собрался в дорогу поесть –
Его аппетит увеличится вдвое,
Когда в дом ввалился один людоед.
Схватил Великан Птичка мощной ручищей,
Крича от восторга: «Пожаловал сам!
Ты будешь, пожалуй, сверхсотым, дружище!».
И слюнки стекали уже по усам.
«Смотри, Великан, пред тобою я крошка.
Ты сыт мной не будешь. Прошу: отпусти!
А я полечу вдоль тенистой дорожки,
Где домик стоит моей старшей сестры».
«Ты что там бормочешь-чирикаешь, птица?
Слова повтори – обмануться боюсь.
Отдашь на обед мне родную сестрицу? –
Да лучше на ней я, пожалуй, женюсь!
А как же сейчас за тобой я поспею,
Ведь ты же летишь, – я по тропке пойду?».
И Птичек отметочки крылышком делал –
Заметки ему оставлял на снегу.
Он в дом прилетел – и скорее к сестричке:
«Послушай, родная, – он ей говорит, –
К нам в дом Великан-людоед постучится,
О, как бы его нам с тобой обхитрить?!».

Земля задрожала, дом вздрогнул пугливо –
К селенью спешил людоед-Великан.
А Птичек не мешкал: ведь он торопливо
Рыл яму огромную – пропасть – капкан.
Вот Великан уж к двери подобрался,
Хочет войти, да узка эта дверь.
Он боком, бочком, так и эдак старался –
Спиной остается ввалиться теперь.
И он изогнулся, влез в двери – и рухнул,
В огромную яму на дно угодил.
И что-то из страха и гнева он буркнул,
А Птичек пешню в него резко вонзил.
И не было больше живого Великана.
Не верилось просто, настолько был зол!
Сестра на него кипяток выливала,
И пар ядовитый из пропасти шел.
«Как вызволить тело из ямы глубокой?» –
Ломал себе голову юный птенец.
И вот уж костер разведен недалеко,
И брошено тело в костер, наконец.
И раскалённой пешнёю сражённый,
Исподволь дух людоед испускал.
Сгорел Великан, превратившийся в пепел,
Но голос утробный нет-нет подавал:
«Из каждой моей пепелинки, друг-ветер,
Создай кровопивца врага – комара!».
И добрый наш Птичек, услышав такое,
Хотел пепелище скорей заслонить.
Но ветер-предатель усилился вдвое
И ну над землёй пепелинки носить!
С тех пор комары кровожадные разом
Собой заполняют планету обильно.
Порой, не успеешь моргнуть даже глазом,
Как словно шприцом, ты уколот стерильным.
Птенец благородный сидел, размышляя:
«Комар с Великаном... куда там тягаться?!
Укус комара... незадача какая:
Потерпит народ. А куда же деваться?».

6 глава

Весна

Рисунок Карины Ивановой

Апрель

Теряют власть свою морозы.
По нотам песнь поёт капель.
Невестятся уже берёзы…
И громко в дверь стучит апрель.
Спешат ручьи пробиться в реки.
Спешат… И гимн весне поют –
Гимн пробужденья человека…
И спать спокойно не дают
Девчонкам, по уши влюблённым,
Мальчишкам, встретившим любовь,
И стаи птиц неугомонных
Заводят трели вновь и вновь.
Упруги на деревьях почки –
Им распуститься – дважды два.
И вот уж первые листочки –
Ребёнка первые слова.
От солнца лица в озаренье –
Никак улыбки не сдержать.
Идёт апрель… И вдохновенье
Нахлынет вдруг, чтоб написать:
Как день хорош и настроенье…
Как расцветает всё вокруг.
Неповторимые мгновенья:
Смеётся солнце, лес и луг.
Апрель… Природы песнопенье –
Запомним каждый день и час.
Апрель… Такое устремленье
Всего того, что движет нас!

Идёт весна

Как воздух чист – не насладиться,
Не надышаться допьяна.
Вот-вот капелью разродится
Отяжелевшая весна.

Она шагает сквозь сугробы –
А это, братцы, нелегко:
Она ж не в валенках. Еще бы –
В сапожках с каблучком. В пальто.
И вязнут ноги по колено...
А на душе – светлым – светло.
И воробьишки ошалело
Кричат взахлеб: «Идет тепло!».
Земля вздыхает облегченно:
Дух из-под снега, словно пар.
А я давно такой влюбленный,
Киплю, как медный самовар.
Мне не унять тревог сердечных –
Во всё и всех я враз влюблен.
Лицо ласкает ветер встречный,
Видать, весну так любит он!
Забила жизнь в замёрзших жилах,
Всё, просыпаясь, бьет в набат.
А кто сказал, что я бескрылый?
С мечтой мы вместе в облаках.
Седьмое небо недалеко –
Его я вижу, как тебя.
Оно, как ты же, – синеоко.
Друзья мои, идет весна!

Весенний лес

Задумчиво стоит весенний лес.
Жизнь зимняя его «текла» по плану.
Он помнит снежную поляну
И эту – чудо из чудес –
Сосну, что смотрит прямо в небо.
Весенний лес! Ты быль и небыль,
О чем задумался, скажи?
Молчишь... Синицы и стрижи
Тебе поют во славу песни –
Ты зиму выстоял сполна.
Вот так же точно с ними вместе

Ты оживёшь, когда весна
Зелёный цвет тебе подарит;
Когда листвою зашумишь.
Как с другом, ты заговоришь.
И как-то лес воспрянул духом –
Уж почки первые пробились.
Он сбросил «зимние» недуги…
Деревья все принарядились.
И тут грачи вдруг загалдели.
Скворцы запели в унисон.
С зимой простился лес, с метелью –
Весне отвешивал поклон.
Хоть лес задумчиво стоит
И эти думы мне понятны,
Он с «оптимизмом» вдаль глядит,
И планы строит, вероятно!

Кукушка

Пришла весна, и вновь светлы опушки.
И слышен издалека звучный гимн.
Да это, по традиции, кукушка
Птенцов передоверила другим.
Ну, а сама… сама взялась за дело:
Легко сказать – всем годы угадать!
Она и часу без работы не сидела –
С покон веков – не каждому понять.
«Вот эта мать!» – идет молва людская.
К кукушке отношусь и я не очень.
Опять-таки: такое нагадает!
Опять-таки: такое напророчит!
Что Бог один, наверно, знает!
А верить ей, признаться, каждый хочет.
Когда с детьми ей нянчиться, когда?
Ведь доверяет птице вся Россия –
Ведь каждый хочет знать свои года.
Спешат, бегут стремительно года –
Когда с птенцами нянчиться, когда?

Апрель – трудяга

Апрель не в красках акварельных –
Он в первоцветии весны.
Он в обретеньях и потерях,
Но так хотят ему все верить,
Все, кто в апреле рождены!
Он иногда такой обманщик,
Шалун-мальчишка средних лет.
Он, словно солнечный был зайчик,
Придет, появится – и нет…
А для меня апрель – трудяга:
Он расплавляет льды, снега…
Апрель… Любовь… И на бумаге
Уже начертаны слова…
Слова любви и восхищенья,
Слова открытости души,
Слова земного всепрощенья,
Слова безмолвия в тиши.

Горит рябиновый костер

Идёт весна и льдинки топит.
Растоплен уж последний пласт.
Зима снега зачем-то копит,
Потом весне все их отдаст.
Хоть зимний лес меняет облик,
Но неизменна тишина.
В душе, остывшей, все же отклик
Находит ранняя весна.
Как всё продуманно и строго!
Морозный блеск, как серебро.
И не всё сразу… Понемногу
Раздарит зимушка добро.
Лишь гроздья спелые рябины
Висят узлами ярких бус.
И снега мощные лавины
Ее попробуют на вкус.

И семена рябины красной
Под снег летят, оцепенев.
А на душе тепло и ясно:
Взойдёт весною их посев.
Богата красками. Брось взор…
И ты увидишь, что в Урае
Горит рябиновый костёр.

Хочу воспеть живое все стихами…

Идет весна… Меняются деревья –
Их будет через месяц не узнать,
Когда они на солнечном пригреве
Начнут листочки нежные пускать.
И потеплеет суть их, сердцевина –
За зиму было много непогод.
Они, расслабясь, веточки раздвинут,
А вскоре и дадут свой первый плод.
Они, как люди, плечи расставляя,
С осанкой гордой встанут во весь рост.
Идет весна… Их души оживают.
Идет апрель… А с ним – Великий пост.
Не зря весне поэмы все слагают,
А я хочу сложить деревьям гимн:
Они, как женщины, весною расцветают
Под треск последних запоздалых льдин.
Идет весна… Любовь не за горами…
И ярче солнца луч, и горячей.
Хочу воспеть живое все стихами
И души сонные согреть.

Март

Март на дворе сосульками трезвонит,
Закрыты окна шторками из них.
А южный ветер птиц потоком гонит
Назад, домой, на Северный массив.

Луч-несмышлёныш – прыг на кромку лужи.
Осколком льдинки поигрался в ней.
И я, стряхнув с души остатки стужи,
В немом молчанье встала у дверей.
И первый день, что Бог послал нам в марте,
Проделками кичился, как ребёнок:
«Мол, поглядите март уже на старте:
Он сбросил кучу войлочных пеленок!».
Грачи сидят на веточках несмело:
Март озирается и хочет он назад.
Но почка, раздобревшая задела
Его стыдливо-оробевший взгляд.
И не смотрел он больше виновато
На все, к чему он взором прикоснулся.
Друзьям своим, вернувшимся пернатым,
Сквозь слёзы радости невольно улыбнулся.
Все распускалось, наливаясь соком,
И чувства зрели, словно на дрожжах.
А солнце, что катило луч с Востока,
На дерево присело. – Просто так.
Роились мысли… Птицы песни пели.
И заполняла грудь любви волна.
И хоть окрест дороги раздобрели,
Но я была с тобою. Не одна!

Весенний стук сердец

Весенний стук сердец – любовь –
И это не простая шутка –
Нельзя прожить одним рассудком,
Когда в тебе играет кровь.
Любовь... Тропинки под луною.
Свиданья, радость и мечты...
И оживает все весною...
И дарят первые цветы.
В садах тропинки – бродят пары...
И сыплют трели соловьи...
И слышен звучный плач гитары –

Все преисполнено любви.
Представьте только: нет любви.
И не пылают жаром взгляды.
И без работы соловьи –
Осталось им уйти в эстраду.
Любовь, мечты и тишина –
Все притаилось, как в засаде.
И желтоглазая луна
Ржавеет – ведь ее не надо.
Вообразите: нет любви...
И люди погрузились в спячку...
Не надо голову терять, пороть горячку,
Забросили читать стихи...
Но ведь недаром есть луна...
Надрывный перебор гитары...
Приходит вовремя весна,
Чтоб по садам гуляли пары.
И даже мартовских котов
Так слышно пенье издалека.
И души те, что на засов,
В мгновенье растворились ока.
Идет весна, а с ней – любовь…
Из века в век – чего есть проще?
В груди, как хмель, играет кровь.
И соловьи поют по рощам!

В преддверии весны...

Проказник-март весну готовит...
Когда все жаждет новизны.
Он каждый лучик солнца ловит,
Чтоб выдать все в разгар весны.
В своей работе – расторопный,
И до всего ему есть дело:
Не форточку, а даже окна,
Он открывает, пусть несмело.
Зато для юных маргариток
Воротнички он гладит ловко.

И шьет, и вяжет он из ниток
Всем капюшончик на головку.
Работа всякая посильна,
И он, усталости не зная,
Стремится кисточкой обильно
Припудрить деревца миндаля.
Природа дремлет безмятежно... –
Он на «ногах» уже чуть свет:
Уж милой розе белоснежной
Из малахита шьет корсет.
Он тут и там – поспеет всюду –
Похоже, вовсе и не спит...
И тайны милых незабудок
Он знает… Но секрет хранит.
Не скажешь: бродит он без цели –
Он весь в заботах и делах:
То запоёт в залесье трелью,
То деву воспоёт в стихах...
Старательно палитру красок
Готовит исподволь... Притих...
И аккуратненько, с опаской,
Цветов головки серебрит.
Апрель приходит на подмогу,
А март, попятившись назад,
На цыпочках – к себе. В дорогу...
И мигом тает на глазах.
Апрель в права вступает скромно...
Но разнотравья аромат
Пьянит нас запахом и томно
Мечты нам... душу бередят.
И сердце трепетное бьётся
И расцветает все вокруг...
Весна… Ей нелегко даётся
Вся эта новизна, мой друг!

ЗИМА

В зимнем лесу

Как хорошо в лесу порою зимней:
Скрипит снежок под лыжной полозой.
Слегка деревья тронул снежный иней,
Подёрнув их серебряной росой.
Стоят берёзки в свадебном убранстве,
Готовы, как невесты, под венец.
Задумчивые кедры постоянством
Невольно завораживают лес.
Вот ель укрылась шалью белоснежной,
И сосны дремлют под покровом тьмы;
На сон грядущий шепчут что-то нежно
Неугомонным правнукам своим.
Вот зайца след, не тронутый лыжнёю,
Запутанный, мудрёный, как клубок.
И дятел приготовился к покою;
Медведь в берлогу на зиму залёг.
Так всё в лесу таинственно и мудро –
Дивишься диву – выдумкам зимы.
Я завтра, чтоб сказать всем: «С добрым утром!» –
Приду опять, нарушив чьи-то сны.

Всей душой принимаю

О зима! О просторы без края
И бескрайних холстов белизна...
Всей душой я тебя принимаю,
Хоть на сердце осталась весна.
Я поспорю с ветрами, с бураном,
Пусть мой локон метель завихрит.
Я озоном твоим буду пьяная –
Свежий ветер мне сердце взбодрит.

Принимаю, зима, принимаю
Твою дерзость, хмельные мечты.
Ты сурова, резонна, я знаю,
Но душа так полна чистоты!
И пускай твои руки прикрыты,
И на плечи наброшена шаль,
Мною осень уже позабыта
И ушедшего лета не жаль...
Все пройдет, холода растворятся
Под дыханием бархатных трав...
Как всегда, я готова признаться:
Всей душой принимаю тебя!

Прелести сибирской зимы

Всё бело, как полотно,
Как холщовая рубашка.
И на всех оно одно
Покрывало, всё в мурашках.
Лес дрожит – ветра сильны,
И луга запорошило.
Спят поля, слегка хмельны,
Дует ветер страшной силы.
У заснеженных осин
Ветки, что рога оленя.
Небосклона только синь
На снега ложится тенью.
И в реке Конде вода
До весны уснула крепко.
Здесь у нас зима всегда
Держит всё в ладонях цепких:
Елей бархат дорогой –
Он в цене зимой и летом.
Проплывает над тайгой
Диск луны с большим секретом.
Видно ей всё с высоты –
От неё ты тайн не скроешь.
Но души твоей мечты

Уж не выдаст – будь спокоен.
Воздух чист, здоров и рьян –
В нём сокрыта мощь и сила.
И дорогу к докторам
Снегом сплошь запорошило.
Не понять мне тех душой,
Кто Сибири не изведал.
Здесь и летом, и зимой
Всяк идёт к своим победам!

Январь

Последний день на земном троне
Январь – на вверенном посту.
И держит на своих ладонях.
Сплошную бездны высоту.
Последний час… И тают сутки.
И сам февраль уж на пороге.
На сердце суетно и жутко:
Сейчас январь уйдёт с дороги.
Порою, что не говори:
Дарил красивые обманы.
И каждому из детворы.
Он сыпал сахара в карманы.
Он белоснежные дороги
Кругом соткал из серебра.
Березке каждой, недотроге, –
Подарок: крона и фата.
И пусть он – не вершина года,
Зато в нём столько новизны!
Девичьих грез! Конец невзгодам!
В нём суть особой белизны.

ОСЕНЬ

Рисунок Матвея Мельника

Бабье лето

Спустив на нитях пауков,
Мол, это признак доброй вести,
Наш край давно уже готов
Поляны вышить в красный крестик.
И бабе лето – на дворе.
Ему к лицу наряд багровый.
Оно кафтан свой в сентябре
Меняет каждый день на новый.
Залитый солнцем, сарафан
Рябит в глазах разливом света.
Так, удивляя тут и там,
Волшебник ходит – бабье лето.
Спеша к собратьям на поклон,
Зардели ветки красных клёнов.
И шелеста стыдливый звон
Тревожит сон листов зелёных.
А снится им в полночной мгле
Ковёр из листьев разноцветных,
Что разместился на земле
В узорах весь, а в них – секреты.
Оно понятно: на дворе –
Не что иное – бабье лето!

Я вышла из леса с поклоном

Белые мухи летят над тайгой,
На желтые листья деревьев садятся.
А лес, как и прежде, стоит золотой,
Но с «золотом» вскоре придется расстаться.
Ну, а пока лес вуалью роскошной покрыт.
Загадочный, нежный, как в сказках бывает.
Он часто вздыхает… И тайны хранит.
Осень, конечно же, тайны все знает.
Знает все тайны она кедрача,
Тайны дубов, также сосен и кленов.

Снег все валит… и все «рубит с плеча» –
Нет уж листвы золотой и зеленой.
Завтра растает октябрьский снежок –
И будут березоньки в прежнем убранстве.
Первому снегу, видать, невдомек
Милых берез постоянство!
Сделали клены к березам свой шаг,
Еще не решительный, первый.
Но «белая краска» все держит «в руках» –
И клены в раздумье застыли «на нервах».
А снег все валИт, и валИт, и валИт –
Как будто бы дал кому слово!
Расслабиться кленам совсем не велит…
«Застыли» деревья на месте с поклоном.
И к ним повернулись березки лицом –
В их взглядах – любовь, пониманье.
А снег принакрыл их фигурки плащом,
Мол, так не пойдешь на свиданье!
Картину увидело солнце с небес –
И тут же возникло решенье:
«Очищу от снега я сказочный лес!» –
Послало на землю свеченье.
И все засияло, как прежде, в лесу.
И прослезились березки от счастья.
Они показали былую красу. –
И не было в жизни их больше «ненастья»:
Ведь сделали клены решительный шаг
К верным подругам своим с предложеньем.
И твердо ступали с подарком в руках,
И суженых ждали березки с волненьем.
И лес, словно в золоте, снова стоял…
Лишь осень застыла в несмелой улыбке.
Я была в том лесу… И верила, и знала –
Природа исправит любые ошибки.
А осень гордилась убранством берез,
И статью, и мудростью кленов.
Картину нельзя было видеть без слез –
Я вышла из леса с поклоном.

Осень… В ней все без обмана

Осень-колдунья взошла над тайгой;
Осень-загадка покрыта туманом.
Лес, будто в сказке, стоит золотой.
Кисти рябины – кровавые раны.
Клин журавлиный чуть виден вдали –
Лес распрощался с «родными жильцами».
«Но по весне все вернутся они,
Лес, не грусти – они будут вновь с нами!».
Лесу тревожно… Он будто не слышит…
Шутка ли дело: «детей» провожать?!
Плачут друзья… Да и лес еле дышит:
«Как нелегко им «свой дом» покидать…»
А листья летят – листопад, словно в сказке.
Он будто бы «золото» сыплет с небес.
Ветер-мальчишка – проказник к развязке
Осень готовит… Ей скоро конец.
«Белые гуси» местами летают.
На желтые листья садятся рядком.
Это снежинки… Они все растают –
Зимняя сказка начнется потом.
Пока ж лес, как терем, стоит золотистый.
У осени радужных красок не счесть.
А воздух ядреный, здоровый и чистый!
У осени много чего еще есть.
Нарядная осень… Не счесть одеяний…
Она припасиха – полны закрома.
Стоит, как купчиха, вся в ярком сиянье –
Нарядом своим не кичится она.
Все лучшие краски дала ей природа –
Их осень своим заслужила трудом.
Любимицей стала она у народа,
И каждый художник пустил ее в дом.
Поэты воспели красавицу-осень.
Для каждого в жизни она, словно мать.
Скромна… Для себя ничего у природы не просит,
Зато для других все готова отдать!
По щедрости с нею никто не сравнится.

Не истощатся вовеки ее закрома.
Ей все благодарны: животные, птицы –
Ничто для людей не жалеет она.
Осень хозяйкой взошла над тайгой.
Осень-загадка, покрыта туманом.
Лес, словно в сказке, стоит золотой.
Красавица-осень… В ней все без обмана!

А лес гордится им!

Один лишь лист на ветке уцелел –
Ветрам сорвать не удалось беднягу.
Он сиротливо на друзей смотрел,
Сорвавшихся от ветра на корягу.
Все, как один, упали вниз лицом;
Смешались все с землей наполовину;
А этот лист держался молодцом:
Его крепила ветки пуповина.
О, как его корёжила судьба!
Как ветры издевались откровенно!
А он все бился за свои права,
И вел себя он, как никто, почтенно!
Весь скрюченный, висел назло судьбе –
Он не хотел стихии покориться.
Хоть кожа вся потрескалась везде,
Не перестало сердце его биться!
И сок по капиллярам все бежал,
Доказывая продолженье жизни.
И как ветрам было его не жаль –
Вот-вот, казалось, слезы его брызнут!
Когда наступит новой осени черед,
Похож лист будет на своих собратьев:
Ему не поменять уж больше «платья» –
Он золотистое свое… сберег!
Оно пожухло, правда, на ветру –
За зиму измочалили метели, –
Но каждый раз с зарёю, поутру,

На мир глаза его с надеждою глядели.
Он на себя стал вовсе непохожим,
Но жив остался, хоть лишился сил.
Да, он боец – пощады не просил,
Жаль одного – зазеленеть не сможет.
По праву лес гордится им, бойцом,
Не ждавшим никогда себе пощады.
Он стойким был! Держался молодцом!
И при стихии вел себя как надо!

Рисунок Алины Шамсуллиной

Природа

Рисунок Юлии Мануйленко

Благословляю вас, леса!

Благословляю вас, леса!
Чтоб вы стояли вечно;
Чтоб птичьих пений голоса
Нам слышать бесконечно.
Я стать берез благословляю,
Что сердце трогают до дрожи.
И вечно вам цвести желаю –
Пусть в трудный час сам Бог поможет!
Благословляю мощь дубов,
Таких надежных, как Россия.
И тут не нужно много слов,
Чтобы воспеть их стать и силу.
Благословляю кедра сон,
Того, что с елью вечно дружит.
Он не предаст – надежный он.
Всегда он верно лесу служит.
Благословляю ваш наряд,
Кокетки-сосны, леса гордость.
Уверенный рябины взгляд,
Чтоб в час отчаянья быть твердым.
Благословляю тополя;
Благословляю липы, клены. –
Вы на земле совсем не зря…
Вас, елей, круглый год зеленых.
Благословляю вас, леса!
Без вас немыслима Россия.
Вы – ее гордость и краса.
Вы – ее мощь. Вы – ее сила!

Я чувствую и верю

Когда губами к травам прикасаюсь,
Я чувствую, что Родина – краса,
Так ровно дышит. Я-то точно знаю:
Ее дыхание в цветах. И голоса
Ручьев и птиц – все в нее соединилось.

И сердце бьется с моим в такт.
Я знаю точно – это не приснилось,
Что счастье Родины моей в моих руках.
Оно в моих, твоих и вместе – в наших.
Любовью нашей Родина жива.
И я хочу, чтоб век от века краше,
Сильней, мудрей страна моя была!
Ей нелегко бывает, прямо скажем.
Ну, если рядом он, и ты, и я,
Мы скрутим все невзгоды; в узел свяжем –
Мы искренние Родины друзья!

Рождество Христово

Я люблю Рождество

Я признаюсь: люблю Рождество я за то,
Что оно посылает мерцающий снег –
Устилает он землю пушистым ковром
И прохладу несёт на ладонях для всех.
Я люблю Рождество за шикарный наряд
Стройных ёлок, с невестами схожих!
Как алмазы, на ёлочках лампы горят,
И как манят они своим видом прохожих!
Серебрятся гирлянды, блестит мишура.
Всё сверкает, как звёздочки в небе.
В сердце счастье и радость… и крики: «Ура!
Я люблю Рождество… Эту быль… Эту небыль!»
Я люблю за звезду на вершине сосны
Иль зелёной красавицы – ёлки.
Она здесь…Она рядом… И снятся ей сны,
Что украшена вся… До последней иголки!
Я люблю Рождество – в нём таится секрет:
Что ж под ёлкой сокрыто искусно?
Я люблю Рождество… Сколько б ни было лет –
Сохраню это нежное чувство!
Я люблю Рождество за вуалевый снег.
Что с его белизною сравнится?!
Рождество! Рождество! Светлый праздник для всех,
Можно в пояс тебе поклониться?!
Рождество не любить не могу я никак –
Моя жизнь. Моё счастье – в Божьих руках.
Как люблю я, признаюсь, Иисуса Христа! –
Он для нас образец: Жизнь Иисуса чиста.
Перед Богом чиста. Перед Матерью Божией.
Как хочу на него быть во всём я похожей!

Звезда Рождества

Всё искрится в волшебных хрустящих снегах.
Ночь свалилась с небес синеватым сугробом.
Тишина отдыхает в стеклянных ветвях,
Притомившись на службе тяжёлой немного.
Чуть подальше – луны немерцающий диск
Вдоль молочной дороги повис и смеётся.
По увалам идти – нескончаемый риск,
Но бывает, что надо, а значит, придётся!
И звезда – не случалось такого нигде –
Осветила весь мир, яркий свет разливая.
Жизнь мирская доселе текла, как во мгле.
Но теперь вот наш путь осветила большая,
Несравненная, Божья Звезда Рождества,
Огласившая чудо – Иисуса Рождение.
И, проснувшись, расправилась разом душа –
И разум воспрянул – пошло восхожденье.
Всё искрится в хрустящих волшебных снегах.
Перламутром покрыты верхушки сугробов.
Тишина чуть качнулась на хрупких ветвях,
Замолчала, поведав молчанием много.

Одна особая звезда

Ночь необычно так тиха…
Бегут неслышно облака…
На зыби твёрдой небосклона
Идёт беседа звёзд влюблённых.
И только ангела на страже…
Уже пропели петухи…
Пропели так – в округе даже
Проснулись все… И пастухи,
Сморённые вчерашним зноем,
Понять не могут: что ж такое –
В яслях не гаснет свет? И им
Всем солнце шлёт привет.

И звёздный хор к земному пылко
Приник… Вот это чудо из чудес!
А в небесах горит высоко
Одна особая звезда.
И в дар звезде цари Востока
Несут божественную дань.
А ночь тиха… Не слышно звуков,
Что заглушают звёздный хор.
Стоит Мария… Тихо руку
Вдруг протянула. И простор
Открылся ей столь безгранично
От земли… прямо до небес…
И звёздный хор к земному пылко
Приник… Вот это чудо из чудес!

Будь в мире птицею священной!

Сказала детям Аистиха:
«Должна я в Вифлеем лететь.
А вы себя ведите тихо –
Хочу младенца поглядеть!»
Детей сначала накормила,
Потом их уложила спать.
Поцеловала деток мило,
Взглянув тоскливо на кровать.
И вот она уж в поднебесье
На крыльях радостно взвилась.
В её душе звенела песня,
А в сердце – сладостная страсть.
Искала долго род Давидов…
Вопрос звучал всегда один:
«Новорождённого не видели?
Хочу я повидаться с ним!».
Все отвечали ей почтенно:
«В яслях, на стойле, мальчик спит.
А мать его, святая Дева,
Младенца крепкий сон хранит».

Вот Аистиха опустилась,
Найдя в яслях его постель.
Как мать, любая, прослезилась…
И вот пред ним стоит теперь.
Пылала нежность в его взгляде.
И были слёз глаза полны.
И тут она, младенца ради,
Рвала пух белый из груди
И устилала ясли пухом,
Чтоб были полными тепла.
И согревала своим духом,
Спасая малыша от зла.
Заговорил тут вдруг младенец…
Он Аистихе молвил так:
«Я очень верю и надеюсь:
Уютно будет мне в яслях.
А ты же будь благословенна:
Желанной будь во всех домах.
Будь в мире птицею священной
В простых жилищах и дворцах».
Как пожелал он – так и вышло:
Она надёжный друг семей.
И если сядет где на крышу,
Жди дочек или сыновей!

Просит душа России

Празднично поют колокола.
Медь струится бликами косыми.
К Храму мы идём совсем не зря –
Призывает матушка-Россия.
Храм урайский, устремляясь ввысь,
Горожан зовёт он за собою,
Чтобы выжить, уцелеть, спастись
И набраться силы вдвое, втрое.
Празднично звучат колокола –
Ныне День Рождение Иисуса.

Храм собрал урайцев всех не зря,
Всех собрал с духовным тонким чувством.
Звон плывёт, и слышится вдали
Величавый отзвук над Россией.
Храм небесный Спаса на крови
Возведён из золота на синем.
Празднично поют колокола.
Медь играет бликами косыми.
К Храму поспешаем в День Христа:
Просит нас душа самой России.

Да, я Христос!

Вот ясли… Свежий запах сена,
А в них лежит Иисус Христос.
И месяц, спрятавшись за тенью,
Погладил шёлк его волос.
И смотрит бык в лицо младенца –
И ничего тут не понять…
Он преклонил пред ним коленце,
Ну, а малыш продолжил спать.
О чуде, воробьи прослышав,
К яслям слеталися гурьбой,
Закрыв собою жерди крыши,
Сидели в тишине ночной.
Смиренный пёс, пробравшись к крошке,
Стоял возле яслей бочком.
И малыша лизнув за ножку,
В сторонку отошёл тайком.
В яслях уютно было кошке…
Она, согрев своим теплом,
Чуть слышно напевала крошке,
Что был ей вовсе не знаком.
Тут были все: баран и козлик…
Последний в стороне стоял.
И с любопытством серый ослик
Картину Божью наблюдал.

И вот малыш, открывши глазки,
Был рад друзьям своим до слёз.
И взгляд младенца, полный ласки,
Всем говорил: «Да, я – Христос!»

День рождения Христа

Сегодня небосвод поистине ажурный
Собрал всех звёзд соцветья в хоровод.
А месяц – он всегда дежурный –
Он проводил свой плановый обход.
Поручено Звезде особой было
Округу в полночь осветить сполна.
Вдруг сердце месяца тревожно так заныло:
А справится ль с задачею она?!
– Ответственность – такого порученья –
Да отродясь никто не знал нигде! –
Оповестить Иисусово рождение –
Вовеки раз поручено Звезде!
Чуть потеплело... Купол светло-синий
Вобрал в себя таинственный оттенок.
И ветер сник вдруг, обессилев,
Разбив свой лоб о небосвода стены.
Ходили по земле, колеблясь, тени.
В кострах дрова потрескивали сухо.
Произошло в тот миг как раз рождение
Христа… Отца во имя и Святого Духа.
С тех пор он с нами, хоть глазам не виден.
С тех пор он с нами в радости и грусти.
Зови – придёт, когда тебя обидят, –
Неправды на Земле он не допустит!

С Новым годом!

Рисунок Наташи Ямовой

Волшебный праздник

Новый год… Волшебный праздник…
Ну, а сам ты посуди:
Есть на свете много разных,
Он – с загадкой впереди.
Он такой приходит важный –
Не напрасно его ждёшь.
И как встретишь ты однажды,
Так весь год и проведёшь.
Не забудь поздравить дома
Маму с папой… Всех друзей.
Всех родных и всех знакомых.
Одним словом, всех людей.
Новый год… Весёлый праздник…
И подарков – целый ряд,
Поздравлений самых разных
Здесь под ёлкою лежат.
Новый год – и всё как в сказке:
Шутки, песни, хоровод.
Не узнать уж: кто под маской? –
Можно всё под Новый год:
Поздравления отправить
И здоровья пожелать,
И страну свою прославить,
Образцовым в школе стать.
Щедрым нужно быть на руку,
Все обиды позабыть.
Ложь, все хвори, лень и скуку
В старом нужно схоронить.
Не забудь: ты сын Отчизны
Или любящая дочь.
Всё сумей в короткой жизни!
Будь счастливым в эту ночь!

Нам не поведал

Как-то Дед Мороз в лесу
Встретил рыжую лису.
Побеседовал он с ней:
«В тебе тысячи огней».
Был по нраву комплимент.
А она: «Один момент…
Новый год настанет скоро,
Не узнаешь здесь ты бора:
Я его принаряжу,
Всю смекалку покажу.
Приходи под Новый год –
Ждёт тебя лесной народ».
Дед Мороз пожал ей лапу.
Видит: рядом Косолапый.
А лисица…? – Убежала –
В один миг её не стало.
Он с медведем вел беседу,
А о чём? – Нам не поведал.

Поэтические зарисовки о зиме

Словно сахар искрится,
Под ногами скрипит.
Мне сегодня не спится –
Снег в окошко летит.
Я к окну подбегаю
И снежинки ловлю.
На руках они тают…
Как я зиму люблю!
Ведь она без обмана
Нам даёт белизну.
Снег нам сыплет в карманы –
Обновляет луну.
И я прелести этой
Не могу превозмочь.

Как легко стать поэтом
В зимний вечер иль ночь!
И легко так влюбиться
В зимний сказочный лес.
Нам здесь чудо не снится –
Весь наш край из чудес.
Да, нельзя не влюбиться
В прелесть русской зимы.
Как же нам не гордиться,
Что мы здесь так нужны?!
Воспевал зиму Пушкин,
И Есенин, и Фет…
Нам ценить зиму нужно –
А цены-то ей… нет!
Рождество в ней Христово,
Лучший день – Новый год.
И ей снова и снова
Сердце гимны поёт.
В день весенний, погожий
Зимних прелестей стать
Не устанем, похоже,
Всей душой вспоминать.
Даже солнечным летом
Вспоминаем не раз
Зим сибирских секреты,
Снега чистый алмаз.
Сердце рвётся наружу,
Чтобы зиму воспеть.
Отдаём ей всю душу,
Чтобы словом согреть.
А она отвечает
Тайной вихрей и вьюг.
Где ещё так бывает,
Чтоб зима – лучший друг?!

Каждый год приходит новый год

Здравствуй, долгожданный Новый год!
До свиданья, уходящий старый:
Каждый год приходит Новый год,
Чтобы ближе будущее стало,
Чтоб в Сибири расцвели сады
И светило счастье в каждом доме,
Сколько должен сделать только ты,
Рапорт о работе сдав другому.
Новой песней прозвучи в округе!
Славным делом в каждый дом войди!
Новый год! Тебе жмут люди руки,
Юному хозяину земли.
Новый год шагает стройным маршем,
Чтобы воцарился мир на свете...
Чтобы слёз не знали дети наши,
Чтобы войн не знали наши дети!
Здравствуй, долгожданный Новый год!
До свиданья, уходящий «старый»!
Каждый год приходит новый год,
Чтобы ближе будущее стало.

Проверю, обязательно приду!

Пороша замела дорожки,
Мороз ударил посильней.
Нарисовал мороз в окошке
В снежки играющих детей.
Насыпал снегу в рукавицы
Наш щедрый дедушка Мороз.
И со Снегуркой белолицей
Он ёлку из лесу принёс.
Раздал ребятам по подарку.
Тех, кто учился, что есть сил,
Обнял, как внучку свою, жарко.
Скучающих – развеселил.

Хороших пожелал успехов
Ребятам в будущем году.
А уходя, сказал со смехом:
«Проверю, обязательно приду!»

Я хочу, чтобы Новый год…

Новый год…Кто это слово не слышал?
Все уж встречают его не раз.
В этот день малый становится выше,
А кто был серьёзен – смеётся сейчас.
В этот день не устанут подруги
С Новым годом друзей поздравлять.
Руки жать будут люди друг другу…
Счастья, радости в жизни желать.
Я хочу, чтобы Новый год
Всюду встретили люди с песней,
Чтобы в нашей родной стране
Нам жилось бы ещё чудесней!

Для тебя же стараемся!

Старый год уходил в прошлое. Настольный календарь таял изо дня в день. Вот уж от него оставался последний листок. Не пройдет три-четыре часа, как его словно ветром сдует. В каждом доме шли последние приготовления к Новому году, такому долгожданному, таинственному.

В доме Полины тоже шли приготовления полным ходом: на кухне пахло всякой вкуснятиной. Паркет был начищен до блеска В квартире – ни пылинки. Мама с папой усердно украшали елку, упиравшуюся своей вершиной в потолок. Полина никогда еще не видела таких красивых елок ни у кого в квартире.

Ёлка, однажды купленная за крупную сумму денег, – папа на нее всю свою месячную зарплату «убухал» – стала предметом разговора на несколько часов. И вот она уже готова: её венчает переливающаяся всеми цветами радуги корона.

Разноцветные огоньки то и дело перемигиваются друг с другом, они мигают, как светлячки в витринах магазинов в вечернее время. «Красо-

тища-то какая! – подумала Полина. – Завтра приглашу к себе всех подружек из детского сада!». Она была преисполнена гордости за своих родителей, особенно за папу, который «убухал» всю месячную зарплату на эту красавицу. И все это ради любимой дочери – была уверена малышка.

– Отойди от ёлки, – сказала мама, – для тебя же её ставим, не для кого-то другого!». Полина ничего не поняла. «Обычно мама добавляла «моя малышка, моя глупышка», – подумала Полина, – а тут...?! Да ладно… Лучше так, чем: ты что, глупая? И в кого ты час такая?».

Полина отошла в сторону, вернее, вышла в другую комнату и через щелку следила за хлопотами родителей. В щелку мало что увидишь, и она приоткрыла немного дверь. Конечно, лучше бы было подойти поближе: рассмотреть игрушки, потрогать руками лампочки, которые уже, наверное, страшно накалились... И она, открыв дверь пошире, шагнула в гостиную.

– Сколько раз тебе говорить? Отойди от ёлки! – не выдержал папа.

– Хочешь, чтоб тебя долбануло током как следует?!

И он добавил:

– Неблагодарная! Для тебя же стараемся!

Тут Полина перестала вообще что-нибудь понимать, а как хотелось полюбоваться фантастическими игрушками, которые, как она раньше думала, существуют только в сказках и... Тетя Тамара, соседка, вошедшая на полчасика, прервала безудержные воображения Полины.

«Ей, видите ли, можно подходить к ёлке, которая уже подключена к сети… А ведь это подруга мамы. Разве мама желает ей плохого?» – насторожилась Полина: вдруг долбанет током... Ах, эти взрослые, их не поймешь! Полина быстренько собралась и, по разрешению мамы, пошла к своей подружке Анечке, к дочке тёти Тамары, которая жила с ней на одной лестничной клетке. Анечка несказанно обрадовалась:

– А я уж сама хотела за тобой идти, одной скучно!

Анечка была одним годом постарше Полины – ей уже шёл шестой годик, и её иногда оставляли одну. Ненадолго.

Тётя Тамара одна воспитывала троих дочерей, которые, по её словам, были такие умницы! Три года тому назад утонул у девочек папа. «Тётя Тамара влачит жалкое существование, – так говорила часто мама, – в доме нет ведь кормильца!».

– Да что ты стоишь в сторонке? – гостеприимным голосом сказала Анечка. – Подходи ближе, глянь, какую ёлочку мы поставили к Новому году. Да куда ты смотришь, вот она, на столе!

И она подвела подругу к столу, на котором стояла миниатюрная красавица. Это была искусственная елочка, которую не отличишь от

настоящей. Как невеста в убранстве, грациозна и кокетлива, крутилась она вокруг оси, демонстрируя свою осиную талию.

– А игрушки-то как живые! – не унималась Анечка, с восхищением разглядывая их.

Полина в какую-то долю секунды мысленно вернулась в свою квартиру, где стояла роскошнейшая елка, но, вспомнив, какая она опасная (вдруг долбанет током), постаралась не думать о грустном и потрогала меленького зайчонка, который как-то особо зримо выпячивал себя, удобно устроившись на ёлочке в центре внимания.

– Какая у тебя чудная ёлочка! – вырвалось у Полины.

– Тебе тоже, наверное, уже ставят. Не переживай. Сегодня все дети будут радоваться, — успокоила её Анечка.

Вернувшись домой, Полина застала папу в хорошем расположении духа. Он достал из-под ёлки огромную коробку, протянул дочери и сказал:

– Ты у нас такая хорошая, послушная девочка! И в твоё отсутствие принес тебе Дед Мороз вот это.

И он указал на коробку. Полина принялась поспешно распечатывать упаковку подарка. С замиранием в сердце раскрыла она коробку, а тут еще бой курантов известил о том, что вот оно, чудо, свершается… «Никогда ещё у меня не было такой очаровательной куклы! – со слезами на глазах от радости выдохнула Полина. – Это настоящая принцесса! Да ещё говорящая и ходячая!». Папа нажал на кнопку – и чудо продолжилось.

– С Новым годом тебя, Полина! – сказала кукла, улыбнувшись и подмигнув голубыми глазками. Пусть сбываются все твои детские мечты! Надеюсь, будем с тобой хорошими подругами!

Счастливее Полины никого, наверное, не было на свете... А тут она ещё увидела какую-то бумажку, которая выглядывала из-под платья. Это была этикетка! А на ней... На ней стояло слово «Полина», напечатанное крупными буквами. И только теперь Полина все поняла: вот почему её не допускали к елке – боялись, что она спугнет деда Мороза, который для неё же принес подарок. А родители просто хотели сделать сюрприз и боялись, чтобы не долбануло током. Ей так стало неловко перед ними. «Они для меня же старались, а я, глупая, ещё на них обижалась» – пронеслось в голове. Она хотела попросить у родителей прощения за свою обиду, но им, как она поняла, было не до неё: они были заняты родственниками, которые уже усаживались за стол. Уснуть в эту ночь девочка не могла: сердце было переполнено радостью.

Рисунок Полины Фроловой

Впервые в жизни Полина сейчас подумала о ком-то другом: об Анечке. «Интересно, что ей принёс Дед Мороз?». Как хотелось, чтобы и ей принёс он куклу. Только, наверное, нет, он ей не подарит куклу, коробка просто не уместится под её крошечной ёлочкой. У Полины появилось желание сегодня же начать играть куклой вместе с Анечкой. А лучше пусть будет кукла общая! Но что скажут родители? С нетерпением она ждала утра чтобы узнать, что за подарок принес Дед Мороз Анечке.

Конечно же, и Аня не осталась без подарка: белоснежный зайчонок достался ей от волшебника. Полина решила, хорошенько подумав, что на день рождения она даст Анечке куклу на денёк, с ночевкой. «Насовсем отдавать куклу нельзя, – подумала Полина, – вдруг Дед Мороз отметил у себя в списке, что она уже куклу получила, и ей больше не подарит.

Ёлку, однажды приобретенную за крупную сумму денег, ставят родители Полины уже в десятый раз. Полине давно уже разрешается подходить к ней, а вот младшей сестрёнке Настеньке – нет. Ёлка Полине уже давно порядком надоела, да и подарки кладёт дед Мороз только для Настеньки, вернее, Полина за него это все делает сама, когда Настя спит или нет её дома. Ох, как много лет придется ждать Настеньке, когда наконец ей разрешат подойти поближе к ёлке, – ведь для неё же её в основном ставят, а не для кого-то другого. Да и током может долбануть как следует.

7 глава
Братья наши меньшие

Рисунок Марии Карандашовой

Зеленая мартышка

Ни макияжа, ни прически,
А с виду – будто человек.
Но взгляд её настолько броский,
Поймав, запомнишь ты навек:
Её ужимки и ухмылки.
Её пружинистую стать.
Её напористость и пылкость,
Что часто в людях не видать.
Порой смиренна, словно ангел.
Порой сидит в ней колкий бес.
Глаза горят, как яркий факел, –
Ей африканский снится лес.
С ней соглашаясь и с ней споря,
В реальность, веря и в мираж,
Хлебнёшь и радости, и горя,
Получишь всё, и всё отдашь!
Ну как наш «мини» без мартышки б? –
Она теперь в его судьбе.
Друзья, девчонки и мальчишки,
О ней ещё напишут книжки.
«Зеленый друг! А как тебе
Живётся тут, в суровом крае?» –
Вопрос мой в воздухе повис…
Она, с улыбкою играя,
Свой взгляд послала сверху вниз.

Нет собаки в мире лучше

Сидит на улице щенок –
Он, похоже, одинок.
Лопоухий и голодный,
Его мочит дождь холодный,
Его дождик мокрый мочит…
И помочь никто не хочет –
Все идут поспешно мимо.

Смотрит он на всех уныло.
Он хороший, милый песик,
У него в горошек носик.
Есть он просит своим взглядом,
А вот я – стою с ним рядом.
Смотрит пёсик мне в глаза –
Что-то хочет он сказать.
Я без слов все понимаю,
Его глажу и ласкаю.
В дом к себе его возьму,
Отогрею, накормлю.
Папа понял все с порога,
Хоть взглянул довольно строго.
Накормили мы питомца,
Уголок ему под солнцем
Отвели в прихожей тут же –
Нет собаки в мире лучше.

Мой щенок

У друга Вовы есть щенок,
У меня есть тоже.
Пусть хоть кличка не Звонок –
Есть в них в чем-то схожесть.
Многому обучен он:
Он команды знает
И семьи он нашей сон,
Увы, не нарушает.
Любит мой щенок поспать
В тепленькой «кроватке».
Любит тапок мой таскать –
Он на зубки хваткий.
Очень добрый он душой:
Не обидит киску.
Но когда придет чужой, –
Он скорее к миске.
Мяч умеет приносить,

Куклы – для сестренок,
Но чтоб кого-то укусить,
Он – «ни-ни» с пеленок.
С ним гуляю поутру,
Вечерами – тоже.
Брат мой строит конуру,
На дворец похожую.
А пока живет в квартире.
Нет его красивей в мире!
По породе – пекинес,
А зовут его Рамзес.
Мой Рамзесик добродушный.
Он спокойный и послушный.
Благородный он к тому ж.
Он дождя не любит, луж –
Скажем прямо – чистоплотный.
Грызет косточки охотно;
Любит он котлетки, мясо.
Наступил конец рассказа.

Жук и комар

Однажды отправился жук поутру,
К другу семьи, знатоку-комару.
«Скажи мне на завтра погоды прогноз…
Не будет ли дождь? Что-то чешется нос…».
Подумал комар, а потом и сказал:
«Вчера диссертацию я защищал…
А тема была: «Почему идет снег?».
Работой своей я сразил просто всех!
Погода назавтра прекрасная, друг.
С твоею семьей проведем мы досуг!
А знаешь, кому-то она хороша…
Другим… Истерзается просто душа…
К примеру, мне нравится пасмурный день,
А в теплый и душный… лежать даже лень.
Тогда уж немало я крови попью…
Да, плохо кому-то… А я тем живу!».

Жук выслушал исповедь – мигом домой:
«Господь, сохрани! Слава Богу – живой!».
Привык жук на свете добро лишь творить…
Ну, как же теперь ему с другом-то быть?
Друзья, подскажите жуку-то как быть?
И стоит ему с кровожадным дружить?
Совет: от вампиров подальше держаться,
Чтоб живым и здоровым надолго остаться!

Модники и модницы

У Тузика шарфик зеленого цвета.
И козочка рядом по моде одета.
Чуть дальше от них сидят два петушка,
У них у обоих по два гребешка.
Тут котик в сапожках лиловых сидит.
Лисичка в жилете с хитринкой глядит.
А рядышком в сером костюме – волчонок,
Глаза продирает он – видно, спросонок.
У ежика шортики красного цвета.
Ежиха во все голубое одета.
Расхрюкалась хрюша – ее не унять:
«Во что вы решили меня одевать?
Я не надену холщовый наряд –
Его я носила три года подряд!
Хочу я оранжевый новый жилет,
Хочу, как у кролика серый берет.
Хочу сарафан, как у курочки, желтый.
Еще я хочу разноцветные шорты».
Хозяйская дочь – Маргаритою звали –
Унять эту хрюшу сумела едва ли.
Маргоша купила мочалку и мыло
И долго под душем она ее мыла.
Потом ей надела цветной сарафан,
И приколола сиреневый бант.
Конечно, купила ей серый берет,
Ну, и оранжевый модный жилет.
На голову хрюше корону надела,

«Ну, это другое, конечно же, дело!» –
Прохрюкала хрюша под музыку громко,
И встала она, почему-то, в сторонку.
Возможно, чтоб гости увидели тоже,
Что нынче она на принцессу похожа.
Да, праздник сегодняшний вышел на славу.
О, как прокормить нам всю эту ораву?
Маргоша проснулась, конечно же, рано,
Накрыла на всех она тут же поляну.
Да, ей помогала одна обезьяна,
Друзья веселились, шалили, шумели.
И все с аппетитом огромнейшим ели.
День моды отметили все на отлично.
Был торт приготовлен московский «Столичный».
Довольны все были: шумели и пели –
Запомнят все праздник на прошлой неделе!

8 глава
Сказки, басни

Наш обед

Мы обед сегодня вкусный
Приготовим из капусты.
Быстро, девочки, ко мне!
Все продукты на столе!
Нина с Ирой на подхвате,
В белом кипельном халате.
Варят суп сестрички дружно,
В суп кидают всё, что нужно:
Тут и овощи, и фрукты,
Рыба, мясо – все продукты.
Вот салат готов фруктовый –
Если хочешь, то попробуй.
Лист лавровый, лук, петрушка,
И морковка, и фасоль –
Всё пошло в кастрюлю дружно,
Всё: горошек, свекла, соль.
В супе овощам не грустно –
И картошка тут была.
Разноцветная капуста
Вид особый придала.
Удался обед на славу,
Ну, а яблочный пирог
Улыбается лукаво,
Так и просится сам в рот.
А зажаренная рыбка
Расплылась в своей улыбке:
Знает, что пришлась по вкусу
Уж по первому укусу.
И жаркое из свинины
Красовалось на столе,
Будто к чьим-то именинам

Блюда выставили все.
Тут и ягодки-клубнички
Свои выставляли личики,
Соблазняя детский глаз,
Выставлялись напоказ.
Аппетитный хлеб, румяный
Пригласил семью за стол.
Сели девочки и мама,
И все гости, кто пришёл.

Пощадите нас, люди!

Я хотела бы рассказать о священной птице – аисте.

Я не только наслышана об этой птице, но и смотрела о ней фильмы и видела её воочию.

Аист вообще и дальневосточный аист, в частности, очень большая и красивая птица.

Гнездясь на открытых просторах степной и лесостепной зон в Евразии, аист любит вить гнёзда рядом с человеческим жильём.

До чего же красива эта птица! Представьте себе: вся она белого цвета, а концы крыльев с чёрной отделкой. Отделка настолько симметрична, что, кажется, какой-то мастер высокого класса с ювелирной точностью творил чудесные раскраски, ставя чёрточки и точки без каких-либо погрешностей.

Размах крыльев аиста достигает двух метров. Оно и понятно, ведь длина самого аиста – 110-120 сантиметров. На мой взгляд, вес небольшой: всего лишь 4-5 килограммов.

Безусловно, птица грациозная. Держится аист с достоинством.

На первый взгляд кажется, что эта птица очень гордая (есть чем, конечно, гордиться!), но это не так. Мудрая, умная, к тому же красивая птица, относится ко всему и ко всем, что и кто её окружает, с уважением и некоторым снисхождением, хотя она высокого нрава и «знает себе цену»!

Клюв, шея и ноги аиста длинные – хоть сейчас на подиум! (но у него другое предназначение, как мы знаем).

Преданная друг другу семейная пара аистов постоянная.

Никто, наверное, из живых существ не относится так трепетно к своей семье, как аисты.

Рисунок Матвея Мельника

Ну, например, первым прилетает весной в свои насиженные места самец, чтобы достойно встретить свою избранницу. К её прилёту всё готово: гнездо отвечает всем критериям жилья, где будет проживать пара несколько лет. «Пойдут» детки – жильё увеличится в размерах, а, может быть, рядышком будет свито ещё одно – для старших деток.

Вот у кого надо бы поучиться отношению к избраннице, к жене, к матери своих детей, не так ли?!

Хочется сказать ещё, что белый аист – символ деловитости, процветания, удачи.

Люди любят и оберегают аистов. В Белоруссии, например, птицам дают имена людей.

Особо хочется обратить внимание на то, что аисты, бывает, строят гнёзда на крышах домов, водонапорных башен, на деревьях.

Следует заметить, что люди специально сооружают для гнёзд столбы с площадками.

Но, надо отдать дань справедливости в том, что далеко не на каждой крыше аисты вьют гнёзда. От чего это зависит? От многого. Вероятно, надо как-то, чем-то заслужить, чтобы аист выбрал вашу крышу, а не чью-то другую. Тут целая наука, как я поняла.

Ещё одно любопытное явление: оба родителя целый месяц насиживают 3-5 яиц кладки, никогда не оставляя яйца «на произвол судьбы».

За пищей отправляются по очереди. Чаще всего это делает заботливый самец.

Чем они кормятся? Многое им по вкусу, по «душе»: лягушки, жабы, ящерицы, мыши, насекомые, змеи. Всё это, по их мнению, деликатесная пища и, кстати сказать, добывать её довольно легко.

Месяца два-три пройдёт – и птенцы самостоятельные: они покидают гнездо, обеспечивая полностью себя пищей. Надо добавить, что дети очень благодарны своим родителям за их появление на свет. Они заботятся о своих родителях, если в этом возникает необходимость.

Чайка по имени Джонатан Ливингстон

Он был добровольцем.
Он был волонтёром.
Он лидером стал,
Джонатан Ливингстон…
Ты откуда такой, не как все, ты чужой!
Уходи, улетай, ты не наш!
Ты не наш: улетай, уходи.
Есть у стаи законов немалый багаж.
Не мешай на пути; уходи, не вреди.
Не дано нам летать высоко, далеко.
Далеко улетать, Джонатан, нелегко!
И поверь, Ливингстон,
Тыщи стай на земле –
Ни одна, Джонатан не поверит тебе!
Нам дано всем летать за едой, за кормой.
Возвращаться назад – в этом чаек покой.
И послушай, дружок,
Ты лишь перьев комок!
Все твердили ему:
Он лишь перьев комок, –
А в такое поверить никак он не мог!
Ведь манил его с детства разбег и разгон.
Он себе приказал:
Лишь вперёд, Ливингстон!
День за днём: в бурю, ветер и в ночь
Улетал от насиженных мест
В неизвестность он прочь.

Он устал… Да, устал.
Кровь лилась из-под крыл.
Он летел за мечтой.
Как же счастлив он был!
Был бессмыслен речей, убеждений поток
Он остаться здесь, в стае,
Конечно, не мог.
Он хотел научиться и хотел дать понять,
Как прекрасно в самом
Поднебесье летать!
Он мечтал научиться дружить и любить.
Почему он отвергнут? И как же тут быть?
Не сложил всё же крылья
Он в перья комок.
Он хотел быть со стаей…
Но разве он мог?!
Не хотела она жить на крыльев размах,
Ну а он не хотел
Жизнь влачить просто так!
Но однажды он встретил
Таких же, как сам.
Они верили тоже красивым мечтам.
Они тоже хотели дружить и любить,
Знал теперь Ливингстон,
Как ему уже быть.
Теперь жил Ливингстон,
Уже в новой семье:
И обрёл он семью по судьбе. По себе.
Ту, что страх победила
И усвоила главный закон:
Жизнь – счастье в пути к совершенству,
И он вместе с нею продолжил урок узнавать, понимать.
И всё дальше идти, и всё выше летать.
Он учился у стаи. И сам их учил.
Но, порою, чем дальше,
Тем больше грустил.
Он грустил о далёком:
Забыть бедных чаек не мог
Тех, что думали:
Чайка – лишь перьев комок.

Он твердил: ведь найдется пусть чайка хотя бы одна
Та, что в скорость, как в жизнь,
По инстинкту хотя б влюблена.
И вернулся на землю
Тогда Ливингстон Джонатан,
Чтоб раскрыть и разрушить
Извечный и глупый обман;
Чтоб поверили в правду,
Что чайка – не перьев комок;
Что она от крыла до крыла –
Настоящий рывок;
Что она воплощеньем
Свободы на землю дана;
Что небес украшением
Послана Богом она!
И поверили птицы из стаи –
Открыли глаза.
И взмывали за ним высоко в небеса,
Ведь учил Ливингстон их
Лететь за мечтой.
Ведь теперь целой стае он сделался свой.
Он летал высоко, далеко…
Возвращался опять,
Чтобы новых птенцов за собою позвать;
Чтобы их научить верить свято в мечту;
Чтобы их научить полюбить высоту.
И летит он теперь вот уже не один.
Не прервёт свой полёт никогда до седин.
Был у каждой у стаи суровый
Житейский закон.
Я во всём быть хотел бы таким же,
Как он!
Благородным он был,
Джонатан Ливингстон.
Волевым добровольцем –
В нём не слышался стон.
Волонтёром он был,
А иначе… никак!
Он сжимал не однажды
Всю волю в кулак.
Тыщу раз совершал в поднебесье рывок.
Миру он доказал: он не перьев комок!

Сурок

Крепким сном заснул сурок –
Он проспал второй урок.
Вот проснулся, потянулся –
И в подушку вновь уткнулся.
Утром снился ему сон,
Будто в школе лучший он:
Им довольны педагоги,
Все к нему не очень строги.
Хвалят мать его, отец,
Мол, сыночек, молодец!
Подошёл отец к кровати
Уж, наверно, в пятый раз:
«Сколько можно, сын мой, спать?
Посмотри: десятый час!
Побежали в школу мышки,
В рюкзаке – тетради, книжки.
Бегут зайчики вприпрыжку,
Просыпайся, мой сынишка!
Надо грамоте учиться –
Она в жизни пригодится».
«Ты, быть может, заболел
Или на ночь переел?» –
Рядом мать сурка хлопочет,
Разбудить сыночка хочет:
«Милый мальчик мой, вставай.
Умывайся и покушай.
Хоть один урок послушай.
На уроке не зевай!»
Ну, а маленький сурок
Спал, почёсывая бок.
Ему снова снился сон,
Что отличник в школе он.
Глядь – лишь тройки в аттестате,
Зато спит сурок на «пять».
Можно жизнь вот так проспать –
Так не хочется вставать!
Вот он вырос и женился…

Прошлый опыт пригодился –
Стал пожарником сурок.
Тихо! Он вздремнуть на час прилёг!

Великое искусство

«Здравствуйте!» – сказала кошка лисе. Ответа не последовало. «Добрый день!» – повторила кошка свое приветствие.

Лиса была слишком гордая, чтобы разговаривать с простушкой-провинциалкой (Так она думала о кошке).

Кошка, смущенная и обескураженная, хотела уже идти своей дорогой, но лиса остановила её вопросом: «Ты кто такая? Почему ты смеешь разговаривать со мной на равных? Что ты умеешь? Вернее, сколько искусств ты знаешь?».

Вопросы сыпались один за другим. Лиса говорила с кошкой с явной издевкой в голосе.

«Я понимаю только одно искусство, – невнятно «пролепетала» кошка. – Я умею быстро взбираться на дерево, если мне что-то угрожает». «И всё?! Я, например, знаю сто искусств… Не зря меня считают хитрой, находчивой… А хитрость – это проявление ума!» – закончила свою тираду лиса.

И вдруг – надо же тому случиться! – появились две собаки и сразу же направились к лисе.

Кошка мигом взметнулась на верхушку дерева и крикнула сверху: «Эй, госпожа, ну, как тебе твои сто искусств? Моё единственное – спасёт мне жизнь… а что ещё нужно?».

Кошка не смотрела с дерева вниз – было страшное зрелище: собаки жестоко расправлялись с госпожой-лисой…

Неприятная история, не так ли?

Вот тебе… и сто искусств!

Светофор

Он всегда на перекрёстке:
Не вперед и не назад,
В полосатенькой матроске…
Всем нам папа, друг и брат.
У него три глаза, впрочем, –
Ими пристально глядит.
Он не спит ни днём, ни ночью –
На посту всегда стоит.
Если красный глаз засветит, –
«Стоп!» – движению сказал.
Все – и взрослые, и дети,
Ждут, чтоб жёлтый замигал.
Жёлтый свет включился разом:
«Приготовься!.. Подожди!».
Коль мигнул он жёлтым глазом, –
Путь готовят впереди.
Глаз зелёный загорится, –
Можно в путь скорей пуститься.
Много их идёт, прохожих,
Как и ты, спешат все тоже.
Что за друг на перекрестке
Установлен с давних пор
В полосатенькой матроске? –
Он зовется светофор!

Без него нам – ну никак!

Как нам нужен мягкий знак –
Без него нам – ну, никак!
Без него нам не сказать
Восемь, десять, семь и пять.
Скажем «шесть» – получим «шест»,
Вместо «лесть» – получим «лест»,
В банку банька превратится –
Может многое случиться,
Будут пенками пеньки,

Паренками – пареньки,
Уголками – угольки
И конками все коньки.
Мы не будем забывать
Мягкий знак в словах писать.
О себе он так сказал:
«Я стою в корнях», друзья,
Перед «е», «ё», «ю» и «я»
Соловья, скамья, жильё.
Перед «я», «ю», «е» и «ё» –
Вьюга, вьюн, белье, ручьи,
Птичьи, крылья; стулья, чьи?
Осень, радость, нежность, бровь,
И свиданье, и любовь!
Как нам нужен мягкий знак –
Без него нам – ну, никак!

Дружная семейка

В саду фиалки нежные
И розы белоснежные,
Тюльпаны разноцветные
Под утро расцвели,
Их лилии заметили,
Тепло гвоздики встретили,
И флоксы поклонились им
До самой до земли.
А рядом розы чайные
Головками отчаянно
Кивали невпопад.
Они, вчера рождённые,
Уж в жизни утверждённые,
Дарили аромат.
И васильки с улыбкою
Своей фигуркой гибкою
Попятились назад.
И ветры налетевшие,
Чуть-чуть оторопевшие,
Умерили свой шквал.

А я, слегка смутившись,
К цветочкам наклонившись,
Их аромат вдыхал.
Увидев сцену эту,
Я к милой без букета
Всё чаще прихожу.
На сад, с цветами яркими,
Букетами-подарками,
Я с нежностью гляжу.
Они ж в саду, как радуги,
Вселяют в сердце радость нам –
Откройте лишь глаза:
Они всегда парадные,
Красивые, нарядные.
И в песнях детских радужных
Не их ли голоса?!

Учителю, отдающему себя детям

В чем он, учитель?
– В тропинке знакомой,
Исхоженной сотнями ног?
А может быть, в том, он, учитель,
Всем дорог, как первый звонок,
В своем беспокойствии вечном?!

Склонились Вы над нашими тетрадями…
Нет времени хоть часик отдохнуть…
Поспать часов пять – шесть хотя бы надо Вам,
Ведь Вам на завтра снова в трудный путь:
Учить нас выразительному чтению;
Культуре речи, русскому учить.
И закрепить в нас знания, умения;
И научить родной свой край любить.
Наш каждый шаг волнует Вас и радует,
Как будто бы мы Вами рождены.
Проходите по классу и заглядываете

В тетрадки наши… И улыбкою горит
Лицо, такое – всем до боли нам любимое.
На нём не мало можно что прочесть…
Родная наша, близкая всем, милая,
Как повезло нам: Вы на свете есть!
Да, повезло: Вы – нам,
Мы – Вам представлены.
Вы, словно мать родная, всем навек.
Пройдут года – Вы будете прославлены –
Из нас ведь выйдет добрый человек.
Ну, а пока мы Ваши подопечные –
Душа у Вас о каждом ведь болит.
«Спасибо Вам, большое и сердечное!» –
Родительское сердце говорит.
И мы: Амир, Камила, Аделина,
Егор, Карина, Валя, Искандер
Прославим дорогое Ваше имя,
Ведь нас не раз поставят всем в пример!
Вы в наши души доброе вложили.
И искренности учите всех нас.
И где бы мы ни были и ни жили, –
Мы будем вспоминать с любовью Вас!
Чуткая, любимая, родная…
Вся в заботах каждый день и час –
Искренне сегодня поздравляем
С Днём Учителя всем сердцем Вас!

Лесной огород

По лесу всю зиму бегал зайка –
Почту он зверюшкам разносил.
«Что тебе сегодня, ну, узнай-ка?» –
Волка он однажды так спросил.
Ухмыльнулся волк: «Совсем не знаю…
Может, бандеролька иль письмо?».
Зайка добивался: «Угадай-ка!
Да не мучься. Вот, держи, оно!».
Волк был на расплату жадноватый:
Лишненькой копеечки не жди.

Тут же пригласил зайчишку в хату:
«Заяц, благодарствую, бери!» –
Протянул большой вилок капусты,
Одарил зайчишку он рублём.
Было на желудке зайца пусто,
Ведь не близко был отсюда дом!
Но теперь была в «руках» капуста –
Ею разговеется потом.
Не было теперь зайчишке грустно –
Он готов бежать в соседний дом.
«Нынче разговеюсь я на славу», –
Облизнувшись, заяц молвил вслух.
Волку похвала была по нраву:
«Рад, что угодил тебе, мой друг!».
Зайка-почтальон помчался снова –
Был не рядом домик барсука.
«Жду тебя, приятель, ну, здорово!».
«Нынче вам письмишко лишь пока!».
Угостил барсук его морковкой,
Мол, поешь; немного отдохни...
Почтальон её засунул ловко
В отделенье сумки… «Полпути…
Полпути осталось мне, дружище.
С ног валюсь… Не близок путь домой».
А барсук: «Возьми вот корневище.
Есть ботва от свёклы… Дать с собой?».
Сумка оттянула зайке плечи…
Вот сейчас зашёл в последний дом.
Скажем, стала сумка уж полегче –
Он же волочил её с трудом.
Он вздохнул: «Тяжёлая работа!
А кому, скажи, сейчас легко?!
Да, тружусь я до седьмого пота –
Почта от берлог-то далеко!».
Получил скворец письмо последним –
Чаем почтальона угостил.
Встретил как-то зайку он намедни –
«Мне пока что пишут?» – он спросил.
«Обижаться вам, скворец, негоже:
Бандероль была позавчера.

Завтра письмецо подкину, может,
Ну, пока, любезный! Мне пора!».
Еле ноги волочил трудяга…
Наконец, когда весна придёт? –
На пенёчке думал. И бумагу
Вытащил и написал он в ней: «Вот,
Вот зима чего-то затянулась.
Жду, весна! Ну, приходи скорей!
Ты, весна, наверно, не проснулась?
Ждать уж нету силушки моей!».
Мимо пролетал попутный ветер –
Заяц с ним и передал письмо.
Говорят, что нет чудес на свете…
Может быть, и нет… Но только… Но…
Зайка-почтальон не верит в это.
Знает: существуют чудеса.
Ждал после зимы весну, не лето –
И пришла красавица-весна!
Солнышко согрело землю разом –
И зазеленело всё кругом.
Заяц не успел моргнуть и глазом,
Как весна «вкатилась» прямо в дом.
Зайца осенило свежим ветром:
«Заведу себе я огород!».
Он помчался к ёжику: «Поверь мне, –
Жить хочу, как все, как весь «народ»,
Как живут все звери и как птицы…
Дай-ка мне немножечко семян?
Я хочу, как все, весной трудиться –
Стану я выращивать всё сам!».
«Нет семян, – ответил ему ёжик, –
Яблоньку ты лучше посади.
Вырастет она – столь дней погожих! –
Яблоки люблю… Ты погляди,
Сколько их не съедено за зиму!
Хочешь, угощу тебя сполна?». –
Ну, а заяц, прихватив корзину,
Вдаль помчался… Мысль была одна:
Вырастить капусту иль морковку,
Чтоб зимой опять не голодать.

Он уверен, что с его сноровкой
Можно всё… Но где рассаду взять?
Осенило: Домик медвежонка
Где-то рядышком с ежовой дачей.
Заяц постучал в окно так громко,
Что проснулся тот от зимней спячки.
«Что тебе? Зачем ты потревожил?
Ты же знаешь: я проснусь весной».
«На дворе весна… Ты мне поможешь…?
Огород хочу иметь я свой!
Дашь семян немного для посадки?».
Медвежонку ясен был вопрос…
«Там они… Возьми у ближней кадки
И посей себе, мой друг, овёс!
Ничего вкусней овса и мёда нету.
С этой пищей не берёт недуг…».
Заяц понял из его ответа:
Не поможет… Хоть и лучший друг.
Быстро побежал он к поросёнку:
«Дай каких-нибудь семян посеять!»
Хрюша у двери стоял спросонья:
«Для тебя, мой друг, не пожалею.
Тыквы, свёклы семена дам… Кабачков –
Поделиться я с тобой готов».
«Хрюша, я хотел морковь посеять…
И салат…
Ну, пока… Был повидаться рад».
«Рад и я с тобою повидаться.
Жаль, что я не выручил тебя.
Ну, куда ж теперь тебе податься?
Ты к крольчихе загляни… Она
Даст тебе, конечно, семена,
Ведь она, все знают, припасиха –
Добродушная, весёлая крольчиха».
Вдруг крольчиха перед ним предстала,
Словно в сказке… Зайке стыдно стало:
«Ты прости… Морковь таскал
Я с грядки…
(Он хотел пуститься без оглядки),
А пришёл я семя попросить»…

Тут она сказала: «Погоди!
У меня рассады нынче много.
Вон за той широкою дорогой
Место огородное. И пусть
Всё растёт. Она, зима, сурова».
Заяц «благодарствую» сказал –
Так они друзьями стали снова.
Взяв рассаду, – рысью поскакал,
А вернее, поскакал вприпрыжку.
Грыз дорогой заяц кочерыжку.
Выбрал место он для огорода
И рядами высадил рассаду.
Из колодца натаскал он воду –
В общем, делал зайка всё, как надо!
Потрудился заяц наш на славу –
И богатый урожай собрал.
Прокормил он всю свою ораву –
Он безбедно зиму зимовал.
Всех друзей он потчевал изрядно.
Каждый к нему в гости заходил.
Но медведь не ел морковь – досадно,
Хоть и лучшим другом зайке был.

Рисунок Матвея Мельника

Осень – это реальная сказка

Осень милая, вся ты в задумках –
И задумок этих не счесть!
В лес спешишь ты с грибною сумкой –
Ты хозяйка – хвала тебе, честь!
Да, задумок – во сне не снилось!
От природы добра ты, мудра.
Вот ко мне поутру явилась –
Принесла с собой много добра!
Тут и фрукты, грибы, орехи…
И не счесть всех лекарственных трав…
А в лесу раздаётся эхо:
«Да, у осени добрый нрав!».
Ничего для других не жалея,
Раздаёшь ты дары сполна.
Друг, не спи! Просыпайся скорее!
И тебя ждёт в лесу она!
В ярком ситцевом платье, пёстром,
Она выйдет тебе навстречу.
Осень любит детей и взрослых –
Всех с улыбкой хозяйкою встретит.
Вот раздаст все дары природы –
И уснёт до другого года.
А её будет помнить каждый –
Всем несла добро не однажды!
Осень, осень, ты в ярких красках:
Жёлтых, рыжих, красных, лиловых.
Осень – это реальная сказка…
Каждый год повторяется снова.

Добряк-медведь

Однажды на лапу медведь наступил…
От боли зайчишка в лесу завопил:
«Спасите! – кричал. – Умираю от боли» –
Вернуться медведю пришлось поневоле.
«Прости меня, заяц, ведь я не нарочно!
Малыш, извини, я прошу…
Если можно!».
А заяц в ответ: «Я теперь без ноги…
Ну, как теперь мне жить?
Медведь, помоги!».
Понёс косолапый зайчишку в берлогу…
Просил домочадцев беднягу не трогать…
И стал он косого кормить и поить,
Настойками разными, медом лечить.
И вскоре совсем стало зайцу легко.
А мишка ходил промышлять далеко.
И если уж честно, нога не болела…
Зайчишка валялся на койке без дела.
Капризным, ленивым он стал. Лоботрясом.
Хозяин за дверь –
Он петь песни с приплясом:
«Ты кормишь морковкою,
Мёдом и грушей –
Мне все надоело…Топтыгин, послушай:
Коль ты уж так сильно мне лапу сбедил,
Пошёл бы на рынок – капусту купил».
Медведь был добряк…
Да и совесть чиста…
Пошёл он на рынок – навстречу лиса:
«Ты чем озабочен, наш милый хозяин?».
И он рассказал всю историю… «Знаю», –
Смекнула лиса – и скорее к берлоге –
Наш заяц – притворщик унёс еле ноги…
«Хозяин» простил все проделки. Признаться,
Он зла не таил… Он мечтал отоспаться.
Ведь он в самом деле, все дни эти, ночи
Все думал: по правде:
Зайчишке нет мочи….

Встревожилась осень…

Встревожилась осень – раздумий хватает:
Снег выпал вчера… Он лежит и не тает…
Пернатые ищут под снегом еду…
И я им навстречу с кормушкой иду.
В пакетах моих – крошки хлеба и зёрна.
Смотрю я на птиц –
До чего же проворны!
Всё ищут чего-то; о чём-то воркуют.
Наверно, о лете, бедняги, тоскуют.
А осень тут рядом со мною стоит.
За мной наблюдая, она говорит:
«В беде ты поможешь, я знаю, Иван:
Пакеты с едой…И твой полон карман…»
Я так удивился: Откуда всё знает?!
Ведь вправду Иваном меня величают!
Знать, держится Русь
В основном на Иванах…
Я завтра приду… Встану утречком рано –
Скворечник повешу… Еды принесу –
И этим хотя бы кого-то спасу.
А рядышком осень с улыбкой стояла,
Хвалила меня… И советы давала.
Я понял: придём в воскресенье
Всем классом –
И многих пернатых
Спасём одним разом!

Белка и волк

Белка прыгала с ветки на ветку
И упала на сонного волка.
Волк вскочил, хотел съесть ее…
Где там! –
От улыбки растаял он только.
Он сказал: «Улыбаюсь впервые…
Меня сызмальства зло так и гложет.

Но гляжу я на вас – не похоже,
Что грустны и скучны белки тоже.
Отчего в вас веселье вселилось?
Отчего ваше сердце в покое?».
И тут белка перед волком взмолилась:
«Отпусти! И секреты раскрою».
Волк хотел разузнать все секреты…
Отпустив ее, крикнул он: «Где ты?».
А она с высоты отвечала:
«В тебе злости, дружище, немало!
Тот, кто зол, быть веселым не может.
Доброта… Что бывает дороже?».
Волк подумал: «Права, видно, белка…
Как я зол…! И мрачнее я ночи»
Его мучила с совестью сделка:
Но ведь кушать он каждый день хочет…
Он ей крикнул: «Хочу быть веселым!
Ну, и добрым, к тому ж, не иначе!
Ну, скажи, что мне делать с собою? –
Есть! Так хочу – сердце плачет»
Слов последних она не слыхала:
Она с ветки на ветку порхала,
Но была уж теперь осторожна:
Волку в пасть угодить эдак можно!

Я скрашу вашу жизнь

Какие ж вы забавные,
С усами и хвостами!
Вы добрые, вы славные –
Живёте рядом с нами.
Когда везёт вам истинно, –
Вы в чьей-нибудь семье.
Вот я, к примеру, искренне
Ведь отношусь к тебе,
Красавчик мой, щеночек,
Мой ласковый дружочек!
С тобой я днем и ночью…

Когда ты занемог
На улице, близ дома,
Бродил, скулил, визжал –
Не мог я по-другому:
Тебя в квартиру взял.
Откуда появился ты –
Я не хочу и знать.
«Он заново родился!» –
Сказала моя мать.
Спасибо моей мамочке:
Она тебя лечила.
И вскоре твоя лапочка
О боли позабыла.
Сестричка тебя любит,
И брат с тобой играет.
И дедушка, бывает,
Возьмет и приголубит.
Кормлю тебя котлетками
И косточки даю.
И, знаю, краше нет тебя –
Живешь у нас в «раю».
Ты благодарный малый,
Обидчивый слегка,
Налью тебе, пожалуй,
Парного молока!
Ты кушай, мой хороший,
И не грусти…приду.
Я просто брата Гошу
В детсадик отведу.
А ты поспи на коврике
Иль с куклой поиграй.
Примчусь домой я вовремя,
Ну, слышишь, не скучай!
С тобой мы погуляем,
Поищем мяч в траве.
Дружок, ну, ты же знаешь,
Как отношусь к тебе?!
Потом на речку сходим,
Возьму тебя на пляж.
Ну, все, пожалуй, вроде.

Бегу я …Лапу дашь?
Вот видишь, я вернулся.
Заметил? Я пришел!
Да ты мне улыбнулся!
Нам будет хорошо.
А ты грустишь... мечтаешь...
О чем же, мой малыш?
По мамочке скучаешь? –
Ты плохо ешь и спишь...
Найдем мы твою маму –
Домой себе возьмем.
Какой же ты упрямый! –
Ну, хорошо: пойдем,
Пойдем по нашей улице,
Заглянем во дворы.
Она, поди, волнуется
С зари и до зари.
Определив по запаху,
Она тебя найдет.
Вот если бы нам знать еще,
В каком дворе живет?!
Смотри, возможно, вот она
В траве густой лежит,
Вся проволокой замотана
И жалобно скулит.
А рядом с ней щеночек,
Наверно, он твой брат.
Он есть, конечно, хочет.
Смотри, тебе он рад!
Гляди, ты в мать красавец.
Здесь вся твоя семья.
Вдвоем уж вряд ли справимся –
Тут помощь нам нужна!
Мой папа, добродушный,
Всех мигом приютил.
«Грешно быть равнодушным!» –
Не раз он говорил.
В нас мама с папой с детства
Вселяют доброту,
А с нею по соседству

Живет в нас так же труд.
О братьях меньших наших
Я позабочусь сам!
И жизнь, конечно, скрашу
«Усам» я и «хвостам»!

У каждого из них своя семья

Речь пойдет о грибах. Грибы, как люди, живут семьями. В этом году их столько уродилось – просто диву дивишься! Зайдешь в лес, а тут – крепыши-молодцы один краше другого! Держатся рядом – все, как положено в хорошей семье! Вот добродушная ольха зазывает под свои кустики братцев и сестриц-сыроежек. Их тут столько – целых хоровод! Сестрицы – в льняных сарафанчиках. Братцы – в серых рубашках. Загляденье… да и только!

Гордые, высокие сосны только с виду такие... на самом деле они добродушные: ведь пускают же под свои разлапистые ветки братцев-масляток! А как хороши на них картузники и желтоватые рубашечки!

А вот и светлые осинки... Строгие отцы-подосиновики стоят на страже под ними: они стерегут своих детишек, чтобы далеко не убегали от дома – от осинки. Детки послушны – они тут, рядышком. А если и отойдут куда-то подальше, то отцы-подосиновики сразу их найдут по мохнатым серым курточкам и красным шапочкам. Чуть подальше – темные ели... Под их разлапистыми ветками прячутся деды-боровики. А, впрочем, они вовсе не прячутся. Кого им бояться? Они гордо смотрят и наблюдают за своими детишками-озорниками. Детки далеко не убегают... Да хоть и будут вдали, все равно строгие «папаши» увидят их. Белые кафтаны и богатые шляпы заметны издали.

Да, много грибов в этом году уродилось! Возьму-ка я их домой... семьями... Чтобы скучно им не было!

Кошка и ёжик

Однажды у речки ежа я нашла.
Колючий клубочек домой принесла.
Его напоила парным молоком,
И он закатился под шкаф далеко.

А кошка подумала: «Ниток клубочек».
Смотрю: поиграть с этим «мячиком» хочет.
Она с ним и эдак, и так – не поймёт:
Да что ж он не катится, этот клубок?
Вот это клубочек… Весь в острых иголках!
Так лапу поранить, пожалуй, недолго!
Её осенило: клубок-то... живой! –
Он пил молоко и питался листвой.
И тут же смекнула: к обеду он выйдет –
И, как он катается, сразу увидит!
Вот ужин уже наступил, не обед,
А гостя квартирного нет всё... И нет.
Он ночью проснулся – и сразу же к миске –
И тут все секреты раскрылись для киски...
Она поняла: он, как все, в самом деле...
А острые иглы? – Чтоб звери не съели.
В квартире у нас два созданья прекрасных:
Ну, кошка, конечно, и ёжик... уж, ясно!
Живут очень дружно два друга давно –
О них мы отсняли недавно кино.

Лиса и Козёл

Перевод в стихотворную форму русской народной сказки

Бежала лиса.
На ворон зазевалась –
Попала в колодец –
Да там и осталась.
А мимо козёл
С бородищей идет
Он песни о жизни хорошей
Поёт.
Подходит к колодцу напиться…
Водицы
И диву не может козёл…
Надивиться:
В колодце плутовка-лисица-
Сестрица.

С вопросом к нему: «Что и ты…
Прохладиться
Желаешь сегодня – Ведь день – то…
Так жарок...».
И мысль у лисы: «Вот это…
Подарок!
Подарок судьбы привалил…
Не иначе!».
«Прыгай скорее – ждёт здесь нас
Удача!».
Он сдуру и прыгнул...
На дно угодил.
Еще бы немножко…
Лису задавил.
Она же – на спину скорей…
На рога... –
И вон из колодца –
Была такова.
Был умным козёл...
Ну, а чуть…
Не погиб
От холода, голода, лисьих
Интриг.

До весны ещё не скоро

Без какой-нибудь тревоги
Засыпал медведь в берлоге.
Думал: будет до весны
Спать спокойно... Видеть сны.
Оказалось: лесорубы
И строители тех мест
Близ берлоги клали трубы –
Треск и шум стоял окрест.
И бурили трубобуры,
Ставя вышки до небес.
Возмутился тут наш бурый...
Встал, осматривая лес.

И нашёл «хозяин» строгий:
«Во владеньях непорядок:
Стоят вышки вдоль дороги...
Близ столбов – земля для грядок».
Михаил не думал долго –
Заревел он во всю мощь.
Птицы тут остались только –
Мужики пустились прочь.
Побросали вездеходы,
Разбрелись они по бору,
А медведь побрёл к берлоге:
До весны ещё не скоро…

Сова

Над рифмой бьёмся целый час,
И не нашли ее сейчас,
Сове б сложить хотелось оду:
Все чаще мудрость входит в моду.
Ведь раньше как? Да пустяки!
Хоть так, хоть эдак – всё стихи.
И у маститых лишь поэтов
По праву мудрость так воспета!
Сова… Мудра и мысль, и голова!
Но в чём же мудрости секрет?
Над этим бьёмся много лет,
Но уловили суть едва.
А суть вся в том, что поняла
Она еще спокон веков,
Что это, братцы, не дела –
Спать по ночам, а думать днём!
Ну, день... Ну, что такое день?
Все белым днём бросает тень.
Все мельтешит, все суетится, –
Так изрекла примерно птица.
И ей сказал Господь:
«Сова, ты, как всегда, права,
Права во всем: и по сей день
Мешает в жизни чья-то тень.

Но нелегко все изменить.
Всему ведь я назначил быть!
И я назначил ночь и день,
Луну и солнце, свет и тень.
Я прежде думал, что создать,
И не намерен отменять.
Тебе добавлю я ума,
Иди к себе, решай сама!
Она решила, хоть не сразу,
Ночь так заполнить до отказу:
Планировать дела, мечтать,
Не суетиться, не летать,
А белым днём все время спать.
Она мечтает в тишине
О том, что снится ей во сне,
И громадьё проблем и планов
Она решает неустанно
Не белым днём, а по ночам.
Дружок, попробуй так же сам!

Рисунок Алины Шамсуллиной

Я рисую

Как мне нужен карандаш,
Чтоб закончить свой пейзаж.
Карандаш зелёный взял –
И траву нарисовал.
Синим небеса покрасил,
Ну, а речку – голубым.
Чёрным контур обозначил
И в коробку положил.
Розовый пока отложим –
Он понадобится позже.
Нужен цвет ещё какой? –
Белый, бледно-голубой.
А коричневый и жёлтый –
Предо мною наготове.
Жёлтым я раскрашу солнце
И подсолнух – над рекой.
Белым крашу облака –
Нет на небе туч пока.
Фиолетовым раскрашу
Яркий солнечный закат.
А кирпичным – крышу нашу.
Светло-синим – самокат.
А оранжевым, конечно,
Апельсины на подносе.
Бежевым – для птиц скворечник,
А багряным цветом – осень.
Ну, а розовым, пожалуй, –
Щёчки пухлые сестрички,
Яблочки покрашу алым,
Серым – крылышки у птички.
Шоколадным – цвет загара.
Моей мамы, что с Канаров
Прилетела третьим днём, –
Мы рисуем с ней вдвоём.

Бабушки за внуками следят

Носятся малышки в парке с шумом,
Но направлен взор на них – пригляд.
На скамейках с видом мудро-умным
Бабушки за внуками следят.
На внучат бросая свои взгляды,
Лясы точат: «Что? Где? И когда?».
Их внучатки, как ягнятки, – рядом –
Здесь уж не коснётся их беда!
Но смотрите... Что это такое?
Чудище болотное ползет.
В лужу с головой упали двое –
Детство верх над разумом берёт!
А других сейчас манили клумбы
Красками багрянца, кумача.
А бабули не могли подумать:
Вмиг один исчезнет красота.
«Отойдите, детки, от газонов!
Не губите красоту гвоздик!».
(Прервались бабульки на Кобзоне)...
«Что? Оглохли?» – раздавался крик.
А малышки искренне-влюбленно
К красоте тянулись всей душой.
В их ручонках был уже довольно
(Так казалось им) букет большой.
С радостью к бабулям подбегая,
Сердцем всем дарили им букет,
Не поняв, за что же их ругали?!
Что, цветов на клумбе больше нет?
Завтра эти бабушки-старушки
Приведут внучат сюда же снова.
На повестке будет тема – «Пушкин»
И жена – «Наталья Гончарова»!

Зайчиха и ёжик

Зайчиха учила зайчонка-сыночка,
Где нужно поставить тире, а где – точку.
Учила его математике тоже –
Он мог уже два на четыре помножить.
Он мог к трём морковкам прибавить четыре.
Родители сына с пелёнок учили.
Он технике бега обучен был тоже.
А рядом, ежонка учил папа-ёжик,
Учил папа-ёжик хорошему тону;
Своих различать по сапу и звону.
Зайчиха твердила: «Сыночек, не ври,
Морковки, капусты чужой не бери.
И что сам имеешь – с другим поделись.
Она не простая, сыночек мой, жизнь!».
Твердил папа-ёжик: «Запомни, сыночек!
Коль рядом опасность, свернись-ка в клубочек.
Лисе не протягивай мягоньких лап –
Лисица за лапки тебя – цап-царап».
Зайчиха сынку повторяла не раз:
«Будь храбрым, малыш, но этим не хвастай –
Запомни, скорость – спасенье для нас,
Чтоб нас не догнал волк зубастый».
А ёж: «Умывайся холодной водой.
Не смейся, малыш, над чужою бедой.
Родителям, сын мой, во всём помогай,
А ночью, сынок, не ложися на край!».
Ежонок внимательно слушал советы.
Был папиной лаской, заботой согрет он.
И вскоре он вырос – ежатам твердил:
«Ваш папа послушным ребёночком был,
Учил ваш дедуля быть экономным.
Весёлым и добрым, отзывчивым, скромным.
Учил он на зиму еду запасать.
И жизнь от лисицы хитрющей спасать.
Внимательно слушал я все назиданья
И шёл к вашей маме когда на свиданье,
Шёл чинно и важно, с букетом цветов,
И к жизни серьёзной уже был готов».

И вырос зайчонок, стал весел и смел.
От лисьих и волчьих он лап уцелел.
Женился он вскоре – зайчата родились.
От папы немалому все научились.
Вот так поучали родители деток…
От них не таили житейских секретов.

Ждёт меня он

В нашем веке, напряжённо гулком,
Я иду по улицам Урая.
В самом тихом месте переулка
С псом, любимцем друга, поиграю.
Ждёт меня он искренне и нежно –
Знает: не с пустыми я руками.
На ковре дворовом белоснежном
С косточкой он долго не играет.
Он в неё вгрызается мгновенно,
Как я летом – в сочные арбузы.
Он грызёт с достоинством, почтенно,
Хоть себя считает и обузой.
Понапрасну не бичуй, дружище,
Ты себя... Всяк знает: ты на страже.
Только звёзд рассыплет месяц тыщи,
Ты ни на минутку не приляжешь.
Будешь охранять от хулиганов
Звёздочку, что вдруг промчится мимо.
Завтра, мой дружочек, утром рано
«Сахарную косточку» подкину.
В благодарность ты лизнёшь мне руку.
И посмотришь преданно, безмолвно.
Ты усвоил важную науку:
Честным быть при исполненьи долга.
У тебя учусь я откровенью –
Никогда душой не покривишь.
И с каким же искренним волненьем
Ждёшь хозяев трепетно, молчишь..?!
Я же знаю все твои повадки...

Уж без дела не раздастся лай.
Дай поглажу я по шёрстке гладкой?
Скушал кость? – Ложись и отдыхай.
Впереди нелёгкая работа –
Ведь не зря зовётся переулок –
У тебя всегда одна забота:
Не забрёл чужак бы в закоулок.
Ты хозяйский сон оберегаешь.
Собранность – твоя черта с рожденья.
Чувствуя нутром, ты твёрдо знаешь:
Я твой друг... Вне всякого сомненья.
Повезло мне в жизни несказанно:
У меня два искреннейших друга:
Ты – Чарон. И друг мой – твой хозяин...
Что ещё мне надо для досуга?!
Ну, и я, конечно, весь в заботах –
Радовать тебя мне чем-то надо?!
Не грусти, дружок! Ну, что ты! Что ты!
Озари меня весёлым взглядом!
Завтра я приду. Ты мне не веришь?
Принесу тебе кусочек мяса!
Будь ко мне и ты с большим доверьем –
Я же не подвёл тебя ни разу!
Не грусти! Приду я скоро.

Шла тут речь: быть иль не быть?!

Так доверчив был зайчишка –
Он по лесу – прыг да скок.
Испугался, бедный, мышки.
Да и мышка – наутёк!
И дрожат с испуга оба:
Мышка – в норке; он – под пнем.
И рябит в глазах дорога –
Не найти зайчишке дом.
Всё в глазах перекосилось –
Отдышаться бы скорей...
Бедный зайка! Он пустился

Что есть сил, к семье своей.
Шла лиса за ним по следу:
Ей хотелось пообедать.
Быстро к дому!
У окна затаилася она.
Все ждала его... Лежала...
Мол, когда ж пойдет гулять?
Но, увы! – какая жалость –
Ей придется голодать.
Двери крепко на запоре.
Занавешено окно,
Знать, семья вся дома, в сборе, –
Ей домой пора давно.
Поплелась домой лисица,
А за нею – серый волк.
Не возьмёт она все в толк –
Волку с голоду не спится.
Но медведь расставил точки:
Серый волк – домой по кочкам,
И к лисе явилась прыть –
Шла тут речь: быть иль не быть?!

Бабочки

Шевелились у цветка
Все четыре лепестка.
Я сорвать его хотела.
Он вспорхнул – и улетел.
Цветок – бабочка, понятно,
Вы, ребята, угадали!
Как на вид она приятна!
Раньше что о ней вы знали?
Есть ведь бабочка – Психея –
Необычной красоты.
Также есть и Галатея –
Отличишь их сразу ты.
Есть коварная Цирцея,
Подалир есть, Махаон.

Также есть Идинозея,
Великанша-Аполлон.
Кто не знает: Адмирал есть.
И Лимонница-подружка,
А Крапивниц-то не счесть.
И Капустниц с тонким ушком.
Красотою как блистают!
Глазу так они приятны!
Смотришь – сердце замирает.
Вот летят уже обратно –
Сердце полно вдохновенья
От природной красоты.
Я свечусь от восхищения –
Посмотри на них и ты!

Рисунок Матвея Мельника

И нам уж завтракать пора

Поверьте, это не обман –
В лесу открылся ресторан
А блюда в нём – на вкус любой
И в будний день, и в выходной.
«К примеру, дятел, вам какой
Салатик больше по душе?».
«Салаты кушал я уже.
И мне не нужен никакой!
Мне лучше мясо отбивное...
Желательно, к тому ж, парное».
«Ну, хорошо… А вам какой?» –
Официант лису спросил:
«А мне простой российский сыр.
Ещё хочу мясной салат».
«А я, конечно, был бы рад,
Вот если б нынче на обед
Вы принесли мне винегрет», –
Сквозь зубы процедил гусак.
Ну, хорошо. Пусть будет так!
«А вам, зайчишка, из капусты
Иль из морковки принести?» –
Официант спросил по-русски
В ответ услышал он: «Мерси.
Мерси. Мерси, милейший друг.
Мне кушать нынче недосуг
Пришёл я музыку послушать.
Я сыт. И не хотел бы кушать».
И тут спросили воробья:
«Вам чёрный чай или зелёный?».
Ответил он: «Хотел бы я
Покрепче чай. К тому ж – с лимоном».
Ворона перец заказала –
Его просила подсолить –
И небольшой кусочек сала
Погуще кетчупом полить.
Синичка попросила пончик,
А ёж с семьей – грибы с подливом.

Вошёл павлин с сынком и дочкой
Все в оперении красивом.
Для них накрыт был стол из «каши».
Компот из яблок на десерт.
И тут промолвил вдруг папаша:
«Не ел такой обед сто лет!».
Сидели все в банкетном зале:
Журавль нахваливал свой плов.
Всех перечислить их едва ли…
Конец сей сказочки таков:
За ширмой кушал волк барана.
А тигр косулю уплетал.
Зашёл барсук: «Я к вам не рано?
Сегодня я не опоздал?».
Официантом был петух.
Его помощницы-голубки
Вдруг в дверь – звонок. И свет потух –
Вошёл хозяин: «Было утро.
Все прославляли музыкантов –
Звучала музыка на «бис».
Бобры, раскрыв свои таланты,
Отменно танцевали твист.
Зашёл сурок, продравши глазки, –
Себе бифштекс он заказал.
Не знаю, как в другой,
Но в этой сказке
Три ночи уж сурок не спал.
Все танцевали, ели, пили
И веселились до утра.
Сказать «спасибо» не забыли…
И нам уж завтракать пора!

Чемодан и башмак

Чемодан лежал на свалке.
Думал думушку свою
«Ой, какой же здесь я жалкий –
Сам себя не узнаю!
А ведь я объездил страны…
Побывал и за границей.
А теперь вот, как ни странно,
Жизнь былая только снится…
Был в любом краю России…
Как хозяину служил!
И меня ведь не просили
Набивали со всех сил.
И коленом нажимали –
Аж трещали все замки!
А теперь… я стал уж старый –
Погибаю от тоски.
Хоть в горах я – сам в порядке…
Пусть в загранку не гожусь,
Но, признаюсь был бы рад я
Облететь родную Русь.
Был, по праву, я гламурный,
Как хозяин мой Кирилл.
И вопрос звучал дежурный:
«Ты за сколько отхватил?».
Стоил, помню, поллимона…
Говорили: это вещь!
Был я очень редко дома,
Был в пути… И не прилечь.
Кто ногой меня хоть малость,
Ну, хоть чуточку заденет,
Мой хозяин тут же – в ярость:
«Мол, немало стоит денег!».
Любовались все по праву…
Где б я ни был – только честь.
Я снискал такую славу,
А сейчас есть то, что есть.
Ездил часто к англичанам –

По привычке тянет к ним.
Старый я… Но без изъяна –
Пору дам и молодым!
На Майями часто тянет…
И в Лос-Анджелес… В Нью-Йорк.
Сердце, знаешь, не обманет…».
На мгновенье он замолк…
И башкам из чистой кожи
Был судьбой обижен тоже:
«Вспоминаю те года…
Была кожа молода.
Я, как зеркало, лоснился
Был хозяину под стать.
Честно я всю жизнь трудился…
Отдохну денек – опять
Отправляюсь в путь-дорогу
Истоптал тропинок много.
Жил в чести я, в неге, в холе…
Мной хозяин дорожил.
Но, видать, по Божье воле,
Мне на свалке век дожить!».
«Что мы все о грустном, впрочем?
Мы здесь просто отдыхаем.
А вчера я слышал ночью
Один дядька так сказал:
«Чемодан мне нужен очень,
Но я занят. Не искал.
Пару раз слетать в загранку –
Там у бабки дом пустой.
Я поезжу спозаранку
Поищу…».– «Да ты постой, –
В разговор вступил товарищ, –
Тут на свалке их не счесть!
Хорошенечко пошаришь –
И, считай, уже он есть».
Чемодан не лыком шитый:
Мигом понял: что к чему!
«Тут не буду я забытый…
Приглянусь, авось, ему!
Встану я к дороге боком –

Он уж мимо не пройдет!
Тут шоссейная дорога…
Может, в город увезет?».
Не терял башмак надежды:
«Мол, наступит «белый день»,
Заживу и я, как прежде –
Рядом много деревень!
Цель – кому-то быть полезным,
Ведь не зря я жизнь прожил?!
Ну, а ты уж, друг любезный,
Жизнь по праву заслужил!».
И на свалке их не стало –
Кто-то радуется им!
Да и мы уже устали –
Завтра дальше сочиним!

Три бабочки

Под дождь попали бабочки-подружки –
Домой намокшими уже не улететь.
И вот одна из них тюльпанчику на ушко
Давай шептать, просить его согреть.
Тюльпан был горд и крайне неприветлив;
Сказал он просто, не поняв подруг:
«Простите, не в моем вы цвете;
Поймите, я не брат вам и не друг.
Куда ни шло – я смог пустить бы эту,
Ее согрел бы я теплом души.
Но две другие – чужды мне по цвету,
Коль хочешь, красная, согреться, поспеши!».
Другой тюльпан готов пригреть другую,
Но белую, уж извините, нет!
Кто белым цветом бабочек малюет?!
Он, желтый, не поймет такое… Нет.
И рядом было множество тюльпанов –
О них не хочется сейчас писать стихи:
В расцветке крыльев, находя изъяны,
Они отстранились… Мотыльки

Понять пытаться суть саму их нрава:
Причем тут цвет, окрас и внешний вид?!
И увидали лилию – она была по нраву –
Вот эта уж нас точно приютит!
О, как сердца надломлены, разбиты
У трех подружек были в этот час! –
Не поняты, остались позабыты:
От лилии последовал отказ.
Но солнышко картину наблюдало
И ярких три луча своих послало –
И просушило крылышки бедняжек.
Они уж вместе на лужайке пляшут.
А рядом веселятся мотылечки –
На этом надобно поставить точку,
Ан, нет. На этом завершать нельзя…
Послушайте, друзья!
Встречать привыкли мы друг друга по одежке,
Но так ведь можно протянуть и ножки,
Коль с чьим не совпадет твой цвет!
Даю совет: так в жизни сам не поступай, дружок! –
Не то как перст, ты будешь одинок!

9 ГЛАВА

Лирика

Как бы научиться...

Как бы научиться мне не ранить
Словом, что «слетает» сгоряча, –
Так ведь можно душу протаранить,
Наповал сразить без кирпича.
А потом польются оправданья:
Как же так? Мол, вовсе не хотела...
И самой мне служит назиданьем
Собственное сердце, где «прострел»,
Не было там пороха и пули,
Ну, а боль... – физической сильней.
Разум мой всегда на карауле,
Чтоб слова не ранили людей.
Ведь не раз случалось, пусть невольно,
Будто дробью душу решетила.
Поняла тогда, когда мне больно
Слово в сердце друг, как нож, вонзил.
А на свете нет такой пилюли,
Чтобы эту боль угомонить.
Да... Слова порой похлеще пули
Могут сердце надвое разбить.

Моим выпускникам

Уйдете вы со школьного двора,
И наши души сразу опустеют.
И школьники другие повзрослеют,
Но мы запомним ваши имена.
Мы будем помнить вас по именам –
Спасибо вам большущее за это.
Когда вам трудно, вы пишите нам,
Мы вам поможем дружеским советом.
Частицу вас мы в сердце несем...
Вы всюду с нами зримо и незримо.
И мы за вас ответственность несём –
Да будьте Богом вы всегда хранимы!
Мы вас запомним всех по именам.
В пример другим поставим не однажды.
И вы поверьте: дороги вы нам
Как вместе все, так дорог сердцу каждый.
И думать будем: вот приедет скоро
Андрей, Евгений и Элеонора.
Иль говорить: не едут что-то долго
Кирилл, Наташа, Юля, Дима, Ольга.
Вся ваша жизнь – единая картина.
На фото Софья, Лена и Марина.
Как дороги нам эти ваши лица!
И будем вами мы всегда гордиться.
Хотим, чтоб вам везло во всём, всегда.
Пускай вас ждут счастливые билеты.
И на душе всегда пусть будет лето,
И будут пусть открытые сердца!
Ко всем мы к вам с распахнутой душой,
С участием и сердцем самым чистым.
И наш поклон, особый и большой,
Вам, нашей гордости и чести – медалистам!
Все веселитесь ныне до утра.
И ничего пусть душу вам не гложет.
Ни пуха в жизни вам и ни пера!
Пускай сам Бог вам в трудный час поможет!

Мы без «Свежего ветра» теперь никуда

(V городской фестиваль-конкурс творчества трудовых коллективов «Свежий ветер»)

Жажда к жизни и к ней – неуёмная страсть.
Жизнь – раскрытый ларец многоцветий и таинств.
Словно свежий глоток ветра горечь и страсть,
Околдует и бросит в затейливый танец.
Где на каждом шагу в завихреньях судьбы
Буду вечно любить, открывать, удивляться,
Верить в святость добра, славить счастье борьбы,
Свежим ветром всегда по утру опьяняться.
Свежий ветер уносит нас в дали и ввысь,
Парашют раскрывает над бездной в пространстве.
Его свежий глоток – полноценная жизнь.
Свежий ветер, всели постоянство!
Свежий ветер, сплотил нас, дав новых друзей.
Свежий ветер помог наши крылья расправить.
И сегодня на пятый его юбилей
Мы торопимся «Юность Шаима» поздравить!
Осенил свежий ветер родную культуру,
Осторожно припав к первозданной красе.
И широкой души нашей русской натуру
Показал свежий ветер не верящим всем.
Свежий ветер сродни нам, такой же трудяга, –
Сил не раз он вдохнул в человека труда.
Свежий ветер – теперь не какой-то бродяга.
Мы без свежего ветра теперь никуда!
Свежий ветер нас учит борьбе и победам.
Свежий ветер Урая, как мы; патриот.
Стороной с ним проходят невзгоды и беды.
Свежий ветер, входи в юбилейный свой год!
Всколыхнул свежий ветер сердца наши, души.
Ты на мирные подвиги всех нас позвал.
И сегодня, в твой праздник, признаться нам нужно:
Это ты нас возвёл на большой пьедестал.
Полистал свежий ветер афиши кино,
Панорамой искусства нам дал насладиться,
Освежил нашу память. Что было давно,
Ты приблизил. Как можно тобой не гордиться?!

Свежий ветер открыл нам Югры многоцветье
И поздравил любимый наш город Урай
С славной датой пятидесятилетья,
Новой песней воспел легендарный наш край.
Мы без свежего ветра теперь никуда.
Он давно обозначил все наши маршруты.
Ну, а если упал... Что ты скажешь тогда?
Свежий ветер, прошу: будь попутным!
Ну, а если упал… Если вихрем беда…
Сник один и другой – и нет силы подняться,
Свежий ветер, прошу: будь со мною тогда.
Научи, свежий ветер, меня не сгибаться.
Не жалеешь ты прыти своей и участья,
Растворя душу настежь, как дверь.
Свежий ветер – глоток настоящего счастья!
Свежий ветер, и ты в меня нынче поверь!
Свежий ветер, поём тебе песни и гимны.
И желаем мы вечно тебе процветать.
И надеемся, ветер, мы все на взаимность,
А сейчас поздравляем. Тебе уже пять!

Полевые цветы

Подари мне букет полевых цветов –
В них столько тепла, аромата.
Подари мне букет полевых цветов,
А городских – не надо.
Подари мне букет цветов полевых –
С дыханием солнца и луга.
Подари мне букет цветов полевых,
А с ними – и сердце друга.
Подари мне букет, где небесная синь
Васильков, очень ярких и строгих.
Колокольчиков, звонко поющих «дзинь-дзинь»,
И растущих цветов у дороги.
Я надолго букет полевой сохраню,
Ароматов неистощимость.
Полевые цветы... Я их с детства люблю,
Как и душу твою, любимый!

Ты смог бы так?

Ему с рожденья на века
Дана недюжинная сила,
Ведь вяза крепкая рука –
Еще ни в чём не подкосила!
Он вгрызся в твердый грунт корнями,
Связав его тугим узлом.
И держит берега излом
Своими мощными руками.
И хватка этих рук мертва,
Верней сказать, живая хватка!
А вяза нежная листва –
Постель, приют для всех пернатых.
Кому он только ни помог
В земле и небе утвердиться!?
Ключам помог вперед пробиться,
Открыв им тысячи дорог!
Он от жары спасал ручей,
А сам внутри сгорал от жажды.
Стоит столетьями ... Ничей...
Хоть друг ему любой и каждый!
Лобастый выступ он прикрыл,
Спасая берега от бури.
Кто дал ему так много сил,
Чтоб вечно был при карауле?!
Во время сильных водополий
Бушуют волны пьяных вод.
Крепчает вяз теперь тем более
И рек своих не отдаёт.
Вступает в схватки со стихией
Он, не жалея своих жил.
И потому спешу стихи я
Бойцу бесстрашному сложить,
Сказав: «Вот так держать, дружище!
Не предсказуем день и час.
Светло в твоей душе. И чище
В сердцах становится у нас.
Тебе стоять века на страже,

Встречать напасти. Рваться ввысь,
Чтоб на высокой круче даже
Жизнь новой жизни сохранить!».
И гимн ему ключи поют,
И прославляют его птицы.
Природа им всегда гордится
За вечный бескорыстный труд.
Дал Бог ему и сил, и состраданья,
Терпенья, милосердия, ума.
Чужих проблем глобальных пониманье.
Я думаю: смогла б я так сама
Творить добро все время, неустанно,
Ну, а верней, всегда его творить?
Любить свирель, рожок, гармонь, гитару,
Чтоб новой песне душу отворить?!
Жить – все прощать, не помня зла, обид;
Бояться лжи и трудностей , проказы.
И быть самим собой, не делать вид,
Чтоб тем, кто рядом, легче стало сразу.

Анкета

Я вся вспотела, заполняв анкету,
Ведь за спиной лет было шестьдесят.
Хотелось рассказать про то, про это…
Про то, что было столько лет назад.
Родители… Лишь про отца полстрочки –
Погиб он в самый первый год войны.
Про мать лишь строчку? И поставить точку?
Как без нее войну прожили б мы?!
Кто дал бы нам ту ласку и заботу?
Тепла жило в ней столько и тревог!
А про друзей ни строчки нету что-то…
А разве бы без них кто выжить смог?!
И, разложив всю жизнь свою в анкете,
Как вещи аккуратненько в шкафу,
Заметила: любви не отвели графу!..
А без нее ведь… не прожить на свете!

Ветка черешни

Однажды с улицы принес
Черешневую веточку,
А мама задает вопрос:
«Откуда этот, деточка?!».
И смело я ответил ей:
«Что за вопрос? – Из сада!».
Лица не видел я бледней…
«Сынок, не лги, не надо!».
Совсем забыл ведь я о том,
Что наша красным плодоносит.
Стою и лгу с набитым ртом,
А мама забежала в дом,
И слезы у нее ручьем.
А я, ту ветку бросив, за ней бегом!
Кричу: «Прости, тебя хотел я угостить!
Прости, родная, что солгал…
Я из чужого сада взял.
Черешен черных так хотел!».
Она в ответ: «Как ты посмел!?
Неси назад! Иди во двор –
Признайся всем: ты лгун и вор!».
С плодами черными ту ветвь
Понес я в сад обратно.
«Возьми себе! – сказал сосед, –
Понравились? И рад я!».
Я понял ироничность слов…
Вымаливал прощенья.
А он: «Я дать тебе еще готов
Такого угощенья!».
И я… Ну, как побитый кот,
Поплелся от соседа…
Я чувствовал: внутри все жжет –
Не стал даже обедать.
Поступок этот послужил
Навек большим уроком.
Стараюсь честно жизнь прожить:
Без всяческих упреков.

Все тайны знает – с ними и уснёт

Стихает птичий гомон понемногу,
Не спит еще, а дремлет тишина,
Чтобы услышать, как на звездную дорогу
Выходит любопытная луна.
Вот пожелтеет; постоит немного –
И вдоль опушек скатится чуть вниз.
Присядет она тихой недотрогой
На дом, ну, а вернее, на карниз,
Где девица-душа не спит ночами:
О чувствах своих милому «строчит».
Душистого попьет луна с ней чаю –
И к дому друга девы поспешит.
А в доме том ее любимый парень
Портрет желанной пишет до утра.
Вот полюбуется луна на эту пару
И тихо скажет: «Мне уже пора!».
Уйдет она тихонько восвояси –
И растворится в млечных облаках.
Не скажет никому, что Дрёмин Вася
Портрет любимой за ночь написал.
Она не скажет, что девица Маша
Стихи всю ночь писала напролет.
Луна все знает – никому не скажет…
Все тайны знает – с ними и уснет.

Лес гордится

Сосны в небо упираются –
Вот уж первые проколы.
Неба синь сопротивляется
И готовит сто иголок,
Чтоб заштопать все до дырочки,
За дела берясь с поспешностью –
А туман идет на выручку,
Чтоб загладить все погрешности.
Ну а лес? Ему не совестно…

Так, по крайней мере, кажется.
Он гордится статью сосенок,
Вековых дубов размашистых.
В небо сосны упираются,
Прорывая кроной тучи.
Лес гордится… А не кается,
Что взрастил таких могучих.

Не дай Бог!

Была всего лишь тут опека –
Не дай, Господь, вот так для человека:
Семь нянек на одну малютку –
Не отдохнет ни на минутку!
Однажды тридцать три язя
И столько же акул
Учили плавать карася,
Чтоб тот не утонул.
Карась в учебе был прилежен –
Впитал науку от язей.
В себе немного был небрежен:
Изматывал учебой сей.
И каждая, поверьте, из акул
Ему твердила: то не так зевнул,
То не туда совсем взглянул.
«Не так шевелишь плавником!» –
У карася аж в горле ком.
Карась «наш» выбился из сил…
Прервать учение просил.
Просил хоть на часок отсрочку,
Иль вообще поставить точку…
Но педагоги были строги…
Не внемля просьбам карася,
Считали, что на «полдороге»
Ученье прерывать нельзя.
Дать инструктаж язи старались
И каждая, понятно, из акул.
На утро же недосчитались
Бедняги-карася… Он утонул.

Не всегда из тропинки выходит дорога

Мой товарищ тайгу исходил не робея,
И на тропах пускай не его первый след –
Он по тропам ходил, большой опыт имея,
Побеждая стихию, но… не был воспет.
Кто не знает: законы таёжные строги;
И, увы, в жизни правильный путь – не любой.
Всю тайгу исходи – и порой не проложишь дороги,
Коль в проложенный след не наступит другой,
И другой, и другой, и другой.

Отдохнут – и вновь за дело!

Белый мел на свете жил.
С красным, синим, он дружил.
Был он с доброю душой.
Желтый мел был не чужой.
Был он розовому рад
И зеленому, как брат.
Но однажды белый мел
Оказался не у дел:
Красный вызвался к доске,
Чтоб исправить «а» в «таске».
Синий что-то штриховал.
Желтый рядом рисовал,
Молча делал все, без слов –
И подсолнух был готов.
Белый – чистая душа –
На краю доски лежал.
Тяжело дышал бедняга,
Был он бледный, как бумага.
Откровенным был он, честным,
Людям был всю жизнь полезным.
А теперь-то… Посмотри:
У доски один, два, три…
Каждый, впрочем, норовит
Белому испортить вид.

Но отличник в классе был –
Все мелки он вмиг сдружил:
Текст списал он без ошибки –
Белый парню подмигнул.
Красный, как всегда, с улыбкой
Все основы подчеркнул.
Ну, а синий обозначил
Орфограммы четко, ловко.
Дружно, и никак иначе,
Все живут в одной коробке.
Голубой, зеленый, красный,
Желтый, розовый и белый –
Столько их цветных, столь разных,
Отдохнут – и вновь за дело!

Розовую чайку не губите!

Не губите розовую чайку!
Не губите эту красоту!
Будьте осторожны. И случайно
Не спугните чайкину мечту!
А мечта – быть вечно в поднебесье.
Иль над морем Северным летать.
Ведь ее полет подобен песне –
Разве можно песню прерывать?!
Кружится над Баренцевым морем –
Кажется, нет проще ничего.
Ожерелья тонкие узоры
Украшают шейку у нее.
А гнездятся сказочные чайки
В Якутии, в низовьях Колымы –
Там их можно встретить в конце мая –
На гнездовье возвращаются они.
И на фоне неба голубого
Розовые чайки в небесах –
Все спешат они в Европу, чтобы
Вывести потомство – и к морям
Снова устремиться, чтобы всюду

Показать блистательный наряд.
Осень на исходе, значит, к «вьюгам»
Выстроились все чайки на парад.
Видела я их на Сахалине,
В Охотском и Беринговом морях.
Помню их полет я и поныне –
Трудно описать его в словах!
Не губите розовую чайку!
Не губите эту красоту!
Будьте осторожны и случайно
Не спугните чайкину мечту.

Великий Лермонтов

Он слышал колокола звон унылый…
Через века не умолкал тот звон.
Хоть думал Лермонтов до самой до могилы
О вечности… В надежду верил он!
А звон вечерний колокольный
Ему о Родине вещал.
И приглушенный бас невольно
Поэта разум потрясал.
И путник, ветер одинокий,
Его души совсем не холодил.
Порой смотрел ему открыто в око
И по траве кладбища проходил.
Казалось, ветер пробирался вглубь нутра,
Стараясь сути суть убить живую:
Но суть в поэте глубоко была,
Ведь полной жизнею жила, надеясь и тоскуя.
И чувствовал поэт: судьба не умертвит
С годами возвращающий в нем гений.
Росли сомненья… Что же сохранит
Его от хитрой клеветы и наслаждений?
Он полон был надежды и страстей.
И полон был желаний непонятных.
Внимал умам посредственных людей,
Завистливых, нечестных и развратных.

Без пищи, знаем, даже пламень не жилец –
Готов он на скале сырой погаснуть –
Но Лермонтов… Он слова русского отец –
И слово уж его открыто, зримо, ясно.
И слушатель порой, словно камень,
Холодный, будто айсберг в океяне.
Но мастер слова, Лермонтов, стихами
Будил всем душу – слово не обманет –
Дарил источники блаженства,
Ведь толковать учил он; ощущать.
В простом, учил он, видеть совершенства
Едва-едва заметную печать.
Привык он по-особому ценить
Красу людской души, ее природу.
И высоко он поднял над земным
Безбрежную, как неба высь, свободу.
Великий Лермонтов! В сердцах ты не умрешь.
В них колокольный звон не сокрушится.
Еще ты двести с лишним «проживешь»,
Поднявшись в небеса свободной птицей.
К тебе, поэт, тропа не зарастет –
Она в сердцах людей восходит круто.
Тропа по жизни каждого ведет
К победам над собой ежеминутно.

Давайте, люди, сбережем!

Давайте, люди, сбережем
Землю – голубой наш дом!
Пусть игривые касатки
Не исчезнут в море.
Спят дельфины сладко-сладко
Там, в глуби просторов.
Давайте, люди, сбережем
Землю, наш зеленый дом!
Пусть растут леса, а в парках
Птички пусть щебечут!
Для детенышей пусть мамы

Тихо песни шепчут.
Пчелы пусть кругом жужжат.
В облаках орлы кружат.
Давайте вместе сбережем
Наш огромный общий дом!
Много ль для того нам нужно?
Просто жить разумно, дружно.
Просто чувствовать по взгляду,
Что кому-то плохо рядом.
Просто меньших наших братьев
Заключать душой в объятья.
Не жалейте теплоты!
Дать ее ей должен ты,
Ну, конечно, я и он,
Ведь в природе есть закон:
Помогать тому, кто слаб.
Счастье где? – В твоих руках!
Тебе имя – человек. Не забудь о том вовек!
Давайте, люди...!

Достоевскому Ф. М.

Когда мы произносим «Достоевский»,
То об улыбке речь и не идет.
Все слажено, все взвешено и резко,
К примеру, взять хотя бы «Идиот».
Но Достоевский тоже улыбался.
Других своей улыбкой согревал.
Гармонию души создать старался,
Хоть бытие в кошмаре рисовал.
Своей улыбкой грел он оскорбленных,
Униженных, обиженных, больных.
Он ею грел мучительно-влюбленных,
И счастье он пророчил на двоих.
И если сердце капельку хоть билось,
В него он радость как-нибудь вселял.
Истерзанное духом, становилось
Оно таким, каким его «ваял».

И, опрокинутые жизнью навзничь лица,
Подняв с земли, поддерживал их он.
И не давал рукам в кресты сложиться.
И жалость к ближним – вот его закон.
Кто был не черствым сердцем и душой,
Все находили отклик, оправданье,
Прошедшие тернистый путь большой.
Его улыбка? Все ж берет сомненье –
Для многих был он мрачен, нелюдим.
Его произведенья – откровенье…
И Федор Достоевский лишь один.
Тропу к его могиле не забудем –
Он человечество строкою верной вел.
И память чтят о нем простые люди.
Жаль одного: он рано так ушел.

Через столетья гений не угас

Лермонтов любил природу, как дитя,
Он видел в ней покой, уединенье
Порой мятежных душ смятенье
В основу «клал» «железного» стиха.
Неторопливой разговорной речью
И нежным слогом трогательных звуков
Он брал читателя за плечи
И вел к прекрасному за руку.
По речке голубой плывет русалка –
О, сколько музыкальности в стихах!
Поэт – романтик!.. Искренне нам жалко:
Так рано, не понятно ты ушел от нас!
Поэт… Был полон в юности страстей.
Любил всегда душой самозабвенной
И скольких осчастливил он людей
Поэзией тех лет, навеки современной!
Он был готов на подвиги всегда.
В душе пылали героические страсти
Тревоги не пугали никогда –
Он в измененьи мира видел счастье.

Поэт с трагичной и загадочной судьбой,
Он никогда не знал себе покоя.
Стремился жизни изменить устой
Одним стихом. Размашистой рукой.
Во всем он видел радость и блаженства:
В самих крупицах мыслей и мечты.
Лирическое «я» у Лермонтова с детства
Отмечено оттенком чистоты.
Дыша любовью к золотой свободе,
В мечтах счастливой видел он страну.
Он был всегда в одном строю с народом –
Печаль в душе вынашивал свою:
Глядел поэт на будущность с боязнью…
Он так был одиночеством томим,
Во всем обман он видел, безрассудность с грязью.
И этим был в душе он уязвим.
Он видел ранний плод, лишенный сока,
Который на глазах поэта вял.
Творил молитву и взывал высоко,
Но голос до небес не долетал.
А он ловил блуждающие звуки,
Идущие, казалось бы, с небес.
И простирал натруженные руки
Ночным пером. И ждал, и ждал чудес.
Но снам, обрывкам, видимо, не сбыться…
У страшных тайн всегда печальный ряд…
В молитвах видел он неискренние лица.
В бреду любви – обман, а чаще – яд.
Ушел он рано, не успев проститься,
Хотя уход предчувствовал подчас.
Пред именем твоим хочу я преклониться:
Через столетья гений не угас.

Наша Таня

Плачет Таня наша громко –
Потерялся лучший друг.
У реки, у самой кромки,
Мячик выскользнул из рук.
Укатился прямо в речку
И танцует на волнах.
Утешает мама дочку –
Держит Таню на руках:
«Успокойся, дорогая!
Мячик выловим в реке.
Не утонет мячик, – знаю,
Рядом он, невдалеке».
Это дело было летом –
На песочке много деток.
Жаль всем девочку-малышку…
И один из них, мальчишка,
Прямо с ходу прыгнул в воду
И принес Танюшке мяч.
Мяч отдал, сказав: «Не плачь!
Вот он, твой пузатый мяч!».
Улыбается Танюша.
Крепко держит мячик свой.
Говорит: «Мамуля, лучше…
Мы пойдем сейчас домой?!».
Таню можно ведь понять:
Ей три годика…не пять.
С тех пор с Таней мы друзья:
Тем мальчишкой был ведь я!

Ты где была, «мулатка»?

Лежу на диком пляже
И солнцем наслаждаюсь.
Оливой ноги мажу,
В Конде весь день купаюсь.
Вот пес лохматый черный
С разбегу в воду – прыг.
Он держит прямо морду,
Видать, к воде привык.
Жужжат и кружат осы
И жалами кичатся.
Лежу с распухшим носом –
Куда от них деваться?!
Погожих дней у Бога
В сезон – на пересчет.
С утра одна дорога:
На пляж. На солнцепек.
Наступит скоро осень,
А я, как шоколадка.
Друзья, конечно, спросят:
«Ты где была, «мулатка»?».
И я признаюсь честно:
«Я не была на юге».
И на Конде чудесной
Слетают все недуги.
Я, как литая бронза
На тульских самоварах,
Несу фигуру гордо.
Кичась своим загаром.

Надо рано вставать

Я проснусь на заре –
Пахнет солнышко мёдом.
Пробегусь по росе
Вместе с сонным восходом.
Брошу взгляд в небеса –
Небо тонет в улыбке:
Голубые глаза,
Мол, тебе – по ошибке!
Кромка чистых небес
С облаков перламутра
Кисть забросила в лес
Прошептав: «С добрым утром!».
Я проснусь на заре
Утром завтрашним тоже.
Искупаюсь в росе,
Чтоб лицом стать моложе.
Да, природу понять
И раскрыть все секреты,
Надо рано вставать –
С петухами. С рассветом.

Пусть со мною всегда живет!

Я сказала мечте: «Лети!
Отпускаю без сожаленья.
Наслаждайся, живи, цвети,
Радуй новое поколенье,
Но однажды, в мой день рожденья,
Рано утром меня посети!».
Я ее отпустила в полёт –
В моем доме она не живёт.
Но однажды я глянула вниз –
Там присела мечта на карниз.
Я подумала: «Во даёт!
Я её отпустила в полёт,

А она близ меня живёт!
Что тут ищет? Чего она ждёт?».
И я глянула в календарь –
В нём седьмое число! Январь! –
Сколько ж было, друзья, восхищенья –
Это ж день моего рожденья!
Я мечту не пущу в полёт –
Пусть со мною всегда живёт.

Мой друг

Я мчусь на двухколёсном рыжем друге,
Так, что проседает вся земля окрест.
Колёсами круги рисую, дуги, –
Весь день на нём – и некогда присесть.
А мать кричит с балкона в полный голос,
Мол, где же ты, пора бы уж поесть?!
И вдруг встаёт у мамы дыбом волос –
На скорости влетаю я в подъезд.
Сбиваю разом дряхлую старушку,
На «сто частей» любимую игрушку
У девочки-дошкольницы крошу.
Хотел на рыжем друге въехать в хату,
Но всех ступенек всё ж не одолел.
Зашел домой испуганный, лохматый,
А мама мне с порога: «Ты хоть цел?».
На завтра друга выведу я снова,
Чтоб с ветром прокатиться по росе.
Ну, а сейчас узнаю я, здорова ль
Бабуся та и целы ль кости все?
Я рассказал всё дома о старушке.
О том, как я всю куклу искромсал.
Рыдала моя мамочка в подушку,
А я проснулся… И переживал.
Мой сон, конечно, послужил уроком –
Мне жалко стало бабушку и мать.
И заводил в подъезд я «друга» боком,

Чтоб не задеть кого, не замарать.
Летят года… Веду свой джип степенно,
Весь при параде, с трезвой головой.
Сидит в салоне, чуточку надменна,
Та девочка, мне ставшая женой.

А, может быть, цел?

Зонт вчера потеряла вечером,
Оставив в последнем трамвае.
Загляну, будет время, к диспетчеру,
А может быть, нет… – не знаю.
Меня мысли о нём не тревожат,
Хоть и был он красивый, модный.
Я куплю в десять раз дороже,
«Зонтик-писк», складной и походный.
Я о нём уж, по праву, забыла –
Ну, подумаешь, – зонт потеряла?!
И тем более солнце светило
В эти дни все. Дождя не бывало.
Я душой не кривлю нисколько:
Мне не жаль этой вещи чудной,
Вспоминается разве только,
Что его подарил мне Толька.
Или Юрка? Нет, Петька…Сашка.
В день рожденья! Да ну, не важно
Пустяками сердце тревожить –
Да не умное это дело!
Как ты думаешь, завтра, может,
Вместе сходим за ним между делом?
Ну, а впрочем, к чему лукавить,
Чего для счастья зонта не хватает?
Я решила забыть, оставить:
Без него под дождём не растаю.
Был он розовый, весь в горохах,
А кайма вся в жёлтых тюльпанах.
Без зонта в дождь, конечно, плохо…

Что скажу я сегодня маме?
Снова дождь тарабанит по крыше –
Как бы мне от него схорониться?
Нет, пожалуй, я буду выше
Незатейливой этой вещицы.
Я возьму с капюшоном куртку –
И бегом на занятия срочно!
Только скажет, наверно, Шурка:
Почему тебя дождь так мочит?!
И тогда я признаюсь Сашке:
«Вот такая уж я ротозейка!».
Ну, а он мне, наверное, скажет:
«Кто-то радуется… Не жалей-ка!»
Я надеюсь: к 8 марта
Мне подарят – не то, что этот!
А на улице нынче жарко…
Хоть к закату клонится лето.
О зонте я почти забыла…
Только помню: что душу мне грел.
Если время сегодня б было –
За ним сбегала б… – может, цел…?

Равновесие в природе

Зайка, серенький трусишка,
По лесочку – прыг да скок.
Испугался, бедный, мышки –
Мышь пустилась наутёк.
И дрожат с испугу оба:
Мышка в норке. Он – под пнём.
Где тропинка? Где дорога?
Не найти и днём со огнём.
Всё в глазах перекосилось –
Отдышаться бы скорей!
Горемычный, он пустился
Что есть сил к семье своей.
А зайчиха с перепугу –
Не вошёл он, а влетел,

Обняла за плечи друга:
«Весь горишь ты...! Заболел?».
А лисичка шла по следу –
Зайка нужен был к обеду.
Притаилась у окна...
Ох, хитра! Хитра она!
Под окошком пролежала –
Всё ждала – пойдёт гулять...
Но, увы, какая жалость:
Ей придётся голодать.
Поплелась домой лисица,
А за нею – серый волк.
Не возьмёт она всё в толк:
Волку с голоду не спится.
Но медведь расставил точки:
Серый волк бегом по кочкам...
И к лисе явилась прыть –
Шла тут речь: быть иль не быть?!
У животных и в народе –
Равновесие в природе.

Вот видишь… вернулся

Состав пассажирский, виляя хвостом,
С издевкой взглянул на меня под мостом.
Я раньше здесь встречи тебе назначал...
Нас поезд гудком непрерывным встречал.
Любили по шпалам шагать в тишине,
И гасли последние свечи в окне.
А утром с зарей мы встречали рассвет…
Я вновь под мостом, но тебя уже нет.
Однажды пришел я к заветным часам –
И тщетно искал. Тебя не было там.
И вот вдруг мелькнула косынка твоя.
И ты помахала в слезах из окна.
А годы идут… Да уж, годы прошли…
И снежные вьюги пути замели.
А я по привычке стою под мостом,

Насмешливо поезд виляет хвостом.
Мне, может быть, тоже на поезд – и вдаль,
Чтоб мог я по свету рассеять печаль?!
Но как только стоит взять мне билет,
Ревнивое сердце диктует мне: «Нет!».
Видать, полюбил я тебя на века,
Хотя, оказалось: ты так далека!
Но, люди, смотрите: это ж не сон –
Она ведь шагнула сейчас на перрон?!

Я вижу походку! Сияют глаза,
О Боги! Она возвратилась назад.
И мне улыбнулся сам паровоз:
«Дедуля, будь счастлив! Любовь я привёз».
Лукаво потом машинист подмигнул:
«Вот видишь, увёз… и обратно вернул».

Духи – это самые верные руки

А я не согласна: духи – только запах.
Духи – это Север, Восток, Юг и Запад.
Духи – это музыки новой рожденье
И вряд ли найдешь им какое сравненье.
В них столько поэзии, жизненной силы!
Духи – это луг, ароматный, красивый.
Духи – это сказка и новая песня,
И символ, того, что любимым быть вместе.
Духи – это радость. Духи – это встреча.
Духи – это ночь, это утро и вечер.
Духи – это солнце и дождь, и ненастье.
Духи от души – настоящее искусство.
Не верь, коль услышишь: духи – только запах.
Духи – это Север, Восток, Юг и Запад.
Духи – это даже большие дороги.
Духи – огорченье и просто тревоги.
И если их дарят когда при разлуке –
Духи – это самые верные руки.

Полет снежинок

Сотканные из цвета воздушной стихии,
Снежинки божественно спадают с предплечья туч.
А я, зачарованная, пишу стихи им,
Они затронули сердца луч.
Молчаливо и мягко ползут неустанно
С обворожительной высоты.
Вот уж кружатся над забытой поляной.
Над обнаженным лесом стыдливой красы.
Даже если внезапно встревожатся тучи,
Поняв, навсегда уплывает вуаль,
На сердце снежинок ничуть не лучше:
Им тоже прощаться с друзьями жаль.
Летят, спохватившись, они в неизвестность,
Порой, зацепясь на лету за отвес.
И чудом становится всякая местность,
Где разместились платья невест.
И если чье-то сердце разбито:
Твоё иль моё, или наших друзей,
– Уходит печаль, навсегда позабытой,
При виде порхающих лебедей…
А небо питомцев своих с опаской,
С тревогой в груди отпускает вдаль.
Снежинки же, глупые, словно в сказке.
Летят. Их минует тоска и печаль.
И нежась на крыльях воздушной стихии,
Меняя, как в сказке свой силуэт,
Снежинки, собравшись гурьбою, стихийно
Стремятся раскрыть свой небесный секрет…
В секрете – отчаянье, горе и радость.
И в нём не законченный кем-то сонет.
В полёте снежинок – извечная сладость…
И гордость, и нежность…Чего только нет!

Две ракушки

Любуясь бездонным небом,
И веря и в быль, и в небыль,
Морские ракушки на пляже
Вели разговор однажды
О том, что мир так прекрасен,
И день по-летнему ясен,
И щедры морские пучины,
Таинственны моря глубины.
Ракушки еще не знали,
Что день был полон коварства,
И в солнечном пекле едва ли
Им выжить удастся.
А раньше двумя часами –
Они восхищались миром.
И были свои кумиры,
И звезды для подражанья.
Но солнце нещадно палило,
Бока обжигая, души,
И то, что на сердце было,
Выплескивалось наружу.
И блёк перламутра глянец,
И голос звучал все суше;
Застыв, казалось бы,
В танце, умирали ракушки.
А в жизни своей немало
Они повидали, бедняжки.
Знавали матросов бывалых
В просоленных морем тельняшках.
И стон кораблей затонувших
В душе отдавался эхом.
И глохли уши ракушек;
Глаза их и души слепли.
Лежали на пляже ракушки
Бесценным и мёртвым грузом.
А дети, приняв за игрушки,
Бросали их прямо в лужи.
Швыряли, топтали, кололи,

Нутро живьём потрошили –
Малышки, видно, не знали:
Ракушки живыми были.
Собрав последние силы,
Как это бывает однажды,
Всю жизнь свою прокрутили,
Как в фильме малометражном:
Как гладили волны приливов.
Отливы во сне качали
И от опаснейших рифов
Любимцев оберегали.
И не было в сердце упреков,
И совесть их не роптала.
Одна за другой ракушка
Свой дух испускала.
И вдруг тут свершилось чудо:
Голос из ниоткуда,
С морскою волною споря,
Раздался: «Верните морю!
Верните ракушки морю!».
Я знаю: доброе море
Раны ракушек залечит.
Люди! Будьте почеловечней!
Будьте по-че-ло-веч-ней!

Как я стал отличником

Однажды на уроке географии меня попросили: «Докажи, что земля круглая».

Я тут же выпалил: «И доказывать не надо – видно на глобусе!». Все засмеялись (мне стало неловко), а учительница сказала: «Пока – два, а какие научные изыскания ты сделаешь к следующему уроку – посмотрим». Ох, задели меня эти слова, должен я вам, признаться. Учебник по географии я до этого никогда не брал в руки. Как-то раз мама сказала: «Антон, вот тут в кладовке учебник по географии валяется. Что, он тебе не нужен? По другому занимаетесь? Тогда отнеси его в библиотеку».

«Оставь его, мам, на всякий случай, – невнятно пробормотал я, – авось пригодится». Снова я ощутил стыд, так как мы занимались как раз по этому учебнику. Теперь я твердо решил найти доказательства, почему земля круглая. К следующему уроку я подготовился основательно, проштудировав много материала в библиотеке. Там я узнал, как правильно написать реферат и на следующий урок выдал…! Выдал наизусть все, что позволила моя память. Реферат сдал учителю, и большая пятёрка украсила мой дневник.

В тот день, когда я готовился к географии, меня «потеряли» дома. Ещё бы, ведь до самого закрытия просидел в библиотеке. Но когда я пришел домой, гордый и довольный, на меня родители смотрели как на учёного.

А на завтра – разочарование. Я «схлопотал» по химии двойку. Да и вопрос-то был пустяковый: «Что можете рассказать об учёных 18 века?» Я дал лаконичный ответ: «Они все вымерли». Одноклассники крикнули: «Он издевается над нами – знает, но не говорит».

Ох, как это задело мое самолюбие! Ни об одном учёном я не знал абсолютно ничего! Какой стыд!

С нетерпением я ждал конца занятий и на сей раз, не заходя домой, побежал в читальный зал. О выдающихся учёных читал все, что попадалось под руку. Написал сочинение о Ломоносове. «Бог мой, – подумал я, – вот это был человек: головища-то какая! И как только его мозг выдержал такие познания!». Я поглядел на себя в зеркало – голова у меня была тоже немаленькая… «Тоже все могу», – решил я. Вот тогда-то и начал по назначению использовать свою голову. Ведь Ломоносов был физиком, и химиком, и лингвистом, и минерологом, и геологом – да в всех вопросах мастак! Обратил внимание и на заслуги Софьи Ковалевской. Константина Эдуардовича Циолковского тоже особо «зауважал». Ещё бы – отец ракетной техники!

Я так увлёкся работой в читальном зале, что даже забыл о еде. Домой пришел немного раньше родителей. «Ну, как дела у нашего учёного?» – спросил отец с вызовом. И тут мама разрядила некоторые наши смятение: «Труженики вы мои, пора к столу, поди, проголодались?».

Я поел с большим аппетитом и с нетерпением взялся за математику. Но не «по зубам» оказалась для меня задачка. Но на следующий день я у соседа Вовки (он отличник) списал ее и даже понял. Вовка прежде объяснял, а потом уж давал списывать.

На уроке математики я вызвался к доске. Вовка иронично улыбнулся, взглянув на мою поднятую руку. Ну, ещё одна пятёрка украсила мой дневник.

«Да, – сказала Инесса Владимировна, – начинает открываться нам математика? Скоро будем Ломоносовыми и Ковалевскими…?». Я не мог удержаться. Моя рука снова заявила о желании высказаться.

За доклад о Ковалевской – ещё одна пятёрка! У меня за весь год никогда их не было, а тут сразу две. «Что с тобой творится?» – спросил Сережка. Вопрос был понятен, и я ответил: «Голова нужна не только для того, чтобы надевать на неё головной убор, а и … думать».

«Да», – почесал свой затылок Сережка и ничего не сказал.

На урок физики пришёл совершенно неподготовленным. Задачи не решил, параграф не выучил. «Сначала вспомним учёных, чьи достижения позволили выйти человеку в открытый космос», – сказала Антонина Федоровна. Вот где я был как рыба в воде!

Доклад о Циолковском всех сразил наповал. Ещё одна пятерка, с любовью выведенная рукой учителя, «поселилась» в моем дневнике, а моя последняя фраза потрясла всех: «Земля – это колыбель человечества, но никто не должен вечно находиться в своей колыбели», – парировал я. Конечно, некоторые словосочетания и фразеологические выражения я и сам не всегда понимал, но звучали они из моих уст убедительно!

Дома меня зауважали, особенно мама; она подкармливала фруктами, соками, гречкой, которую я раньше терпеть не мог. По выходным дням у нас реже стали появляться гости, дабы лишний раз не отвлекать меня. Телевизор теперь я смотрел только с пользой для дела.

Со сверстниками отношения были двоякие: одни тянулись ко мне, другие держались подальше. Одна девчонка из класса как-то спросила: «Ты случайно ни обо что не ударялся головой?». Намёк был понят. Она имела в виду Ньютона: чтобы стать великим, надо сесть под дерево, чтобы тебя ударило яблоком по голове – сразу осенит. Мне некогда было выслушивать эти «бредни». Я спешил в библиотеку, чтоб подготовить доклад о Моцарте к уроку немецкого языка. Но я так же понимал, что доклады докладами, а математика – царица наук, от знания жизненного пути Ковалевской сама в голову не «полезет».

Мне наняли репетиторов. Педагогами я доволен и готов «грызть гранит науки» в любую свободную минуту. Хорошо репетиторам – у них много свободного времени, так как они все знают, им учиться не надо, а я света белого не вижу. Но я мечтаю прославиться, и по моим зубам – гранит науки.

Скрипач

Однажды скрипач шёл с гулянья домой
Отчасти, быть может, с хмельной головой.
И шёл не прямой, а окольной дорогой,
А путь был не близкий – смотри только в оба!
И вдруг так и стало: он в бездну упал,
Где волк голоднющий глазами сверкал;
Где скрежет зубов, словно лязг, раздавался.
Скрипач, протрезвев, уже с жизнью прощался,
От страха на скрипке скорей заиграл,
Две первых струны он в момент потерял.
Играл на последней, в поту весь от горя,
А волк подвывал, его музыке вторя.
Минуты, казалось, в часы удлинились,
И волки другие на звук торопились.
Их слышался вой очевидным снаружи,
И ранил он разум, и вклочья рвал душу:
«Неужто судьба – быть растерзанным стаей?
О, Боже, спаси, я тебя умоляю!».
Вдруг ночь уступила заметно рассвету,
И голос людской уже слышался где-то.
Всё ближе, всё ярче, отчётливей слово.
Но раньше крестьяне не знали такого:
«Чтоб хищников «пенье» под скрипку звучало,
Что все это, впрочем, теперь означало?!».
В последний момент перед хищником ярым
Спасён был бедняга-скрипач. И ударом
Единым сражён был тот зверь наповал –
Скрипач воскресенье свое ликовал.
Конечно, ему послужило уроком:
Прогулки ночные проходят и «боком».
И впредь он решил: прямоезжей дорогой
Домой возвращаться. Гулять понемногу.

Полынь

«Трава – обыкновенщина,
Не то, чтобы цветы!» –
Сказала одна женщина,
Но с ней поспорил ты:
«Да, не цветы – метёлки,
И горек её вкус,
Но взгляд её не колкий,
Хоть одолела грусть.
И запах не дурманит.
Чужая всем цветам,
Ну, а меня к ней тянет.
За что? Не знаю сам.
Возможно, одиночество
Её слилось с моим.
Порою мне так хочется
Прижать к груди полынь».

Ёжик

Колючий ежик поутру
С охоты возвращался.
Он знал, что вход в его нору
Открытым оставался.
А тут, простите, не поймешь:
Да кто стоит тут в шляпке?!
И молвил тихо боровик:
«Мое почтенье. Здрасте!».
Еж удивился поначалу:
«Зачем стоять подле дверей?
Пролепетал чуть слышно: «Чаю,
Коль хочешь, сам, войдя, налей!».
А боровик стоял спокойно.
И лишь хозяину сказал:
«Я сыт... Испил воды довольно.
Хочу, чтоб кто-то меня снял

С поста у вашего порога.
Устал стоять на одной ножке.
Поразмышляйте хоть немного,
Возможно, в чем-то мне поможете?
Мешать другим я не привык...».
И, поднатужившись немного,
Хозяин срезал боровик.
Разделал он его на части,
На ярком солнце просушив.
Наутро слышит снова ...«Здрасте!».
Глядь – новый боровик стоит.
Ёж малышу дал подтянуться,
Набраться сил... Вот гриб подрос...
А ранним утром ёж проснулся –
Грибочка нет! Где он? Вопрос!

Ода портфелю

Портфель мой в жарких схватках
Надежней был, чем друг.
Растрепанный, лохматый,
Он скрашивал досуг:
И стульчиком бывал он,
Нередко – рюкзаком.
И с виду хоть и мал был,
От ветра защищая,
Служил мне пиджаком.
Мячиком он был футбольным –
Он все умел стерпеть:
Пинали его больно;
На спор хлестала плеть.
Порою, с зимних горок
Он мчал, как санный конь.
Как верный друг, мне дорог:
«Попробуй, только тронь!»
Он, как бесстрашный воин,
Был к схватке начеку.
И чести он достоин,

Он месть таил к врагу.
Носил домой пятерки,
А двойки укрывал.
Портфель калач был тертый,
Хоть и с побитой мордой, –
Меня не выдавал.
Лежал в прихожей часто,
Задрав надменно нос.
Его мой пёс зубастый
Воспринимал всерьёз.
Порою в битвах жарких
Давал друзьям понять,
Что лишь одна Тамарка,
Одна! На две! Не пять!
Висит портфель в чулане
И пряжками кичится.
Он так мешает маме,
Но я в его кармане
Храню записку Тани,
Что встреча состоится.

Кто это? Отгадай

Скажу такую новость:
В шкафу у нас живет
Тот, кто любую кофту,
Жакет любой сжует.
Да, он штаны любые,
Любой костюмчик съест.
Сорочку голубую
Сожрал в один присест.
В кого такой голодный?
Скажи, в кого такой?
Умял костюмчик модный –
Довольно дорогой.
Кто он: он волк, собака?
Давно ль живет в шкафу?
Умял красивый тапок –

Жилетку на меху.
Сожрал он шарфик деда –
Дед так его берег!
Всегда его победа –
Догнать не хватит ног.
Уйдет, и не заметишь,
В какую щель пролез,
Его искали дети,
Отец и старый дед.
А он из шкафа прямо
Пробрался в антресоль.
Искала его мама,
Сестра моя Асоль.
Попытки все напрасны –
Его нам не найти.
Я лгу? Я вру? Напрасно
Так думаете вы!
И тем, кто мне не верит,
Признаюсь честно я:
Обжора – это время!
Вот так мои друзья!

Сам должен быть…

А я, признаться, так хотел,
Чтоб лес меня запечатлел,
Чтоб сохранил веселый лик,
Когда я к дереву приник.
Но сквозь тумана полосу
Я растерял себя в лесу:
Лес не запомнил облик мой –
Я для него, как был, чужой.
Хотел я очень, чтоб река
Ждала меня на берегах.
Но и она, стремясь вперед,
Волною искривила рот.
Я не уверен, что река,

Качнув волной, издалека
Мне мелкой рябью подмигнёт…
Её мечта одна – вперёд.
Я так хотел, чтоб из-за туч
Ко мне явился солнца луч.
И чтобы с ним прошли мы вместе
Мой путь по совести, по чести.
За ус собою поводил,
Улыбкой хитрой засмеялся, –
Как прежде, я один остался.
Решил я: дело всё во мне…
Сам должен слиться я с рекой
В мечтах своих, своей душой.
А чтоб для леса стать родным,
Общаться надо чаще с ним.

Я приняла уже решенье

У нас в подъезде кот живет,
Вернее, маленький котёнок,
Его жалеет весь народ –
За каждым он бежит вдогонку.
На мордочке его прочесть
Нетрудно: «Люди, помогите!».
Ну, дайте что-нибудь поесть!
Закрыв глаза, не проходите!
Ему дала я молока.
Потом поджарила котлетки.
Живёт в подъезде он пока
Дом из коробки, словно клетка.
Нет, я возьму его домой –
Мне тяжко видеть, как страдает,
Один малыш кричит: «Он мой! Он мой!
И мама моя знает,
Что я собрался его взять!».
Из-за двери выходит мать
И говорит: «Бери, сыночек!

Он будет на диване спать
На том, где спать любил щеночек».
Судьба котенка решена –
И все вздохнули с облегченьем.
Коль не малыш, то я б взяла –
Я приняла уже решенье.

А мне не страшны…

Мне пять удивительных слов назовите,
Которые вовсе с другими не ладят.
Мельчайшее сходство меж ними найдите…
Живут они рядом – друг друга не гладят.
Не гладят они по головке друг друга.
Хоть рядом бок о бок по жизни идут…
И в их отношеньях напряг и натуга…
Но снисхожденья они и не ждут.
Ведь дружба с надменностью разве сроднится?!
От Грубости Вежливость разве взойдет?
И от Злодейства Добро не родится…
И Лживость прямою тропой не пойдет.
Глоточек воды ни убогим, ни нищим…
Скупец, хоть умри, из колодца не даст.
Напрасно у Подлости Истину ищем…
Ложь Правду за ломаный грошик продаст.
Уживаются только Любовь и Надежда,
Когда они обе проникнуты Верой.
Но ненависть ходит под той же одеждой,
И суть измеряется равною мерой.
А мне не страшны Лицемерье и Зависть –
Ведь с ними поспорит всегда Добродетель.
Хожу по земле, Зла совсем не касаясь, –
Любовь, Правда, Вера тому есть свидетель.

Теплом и кровом поделись

Когда, дружок, ты закупорен в шубу
И голова – под шапкой меховой,
Когда видны одни глаза, а губы
Ласкает губы шарфик шерстяной,
То нипочём тебе, пожалуй, стужа,
Да дома ждёт ещё горячий ужин,
О тех ты вспомни, кто сегодня бос…
В сорокаградусный мороз!
С ветвей упали белые комочки –
Кому-то ведь они сынки и дочки…
Озябшие… Продрогли крылья воробьишек:
Мороз сегодня озверел под крышей.
А дальше, чуть закопанные в глыбы,
В речушке нашей задыхались рыбы.
Ну, а мороз… Как будто давши слово,
Крепчал час от часу и снова,
Звеня, комочки падали с ветвей…
И гибли все: синичка, воробей.
Нет, распахну-ка я под шубой душу
И растворю окно своё наружу –
Входите в дом, меньшие наши братья,
Надеюсь, всем тепла и места хватит!
Пылал камин… И в нём плясало пламя…
И был я не один: с семьёй, с друзьями.

Вдруг я старое потеряю

Первый снег меня сделал нежней,
И душа чистотою сверкает.
Я не думала: снег для людей
Столько нового предвещает.
Все ж с опаской смотрю на него –
Много нового он обещает!
А боюсь я всем сердцем того:
Вдруг я старое потеряю.

И только слепой…

Палач рассердился на палку:
«Пора бы её уж на свалку:
Такой не убьёшь – искалечишь,
С годами становится легче!».
А пекарь сердился на скалку –
Ему не хватало смекалки.:
«Такой раскатаешь едва ли –
Не скалку, а палку мне дали!».
А был, как и все, он горяч –
Готовил банкиру калач.
Мясник на ножи рассердился:
Конец у ножей затупился.
А мясо … К нему у народа
Особое чувство подхода.
Торговца весы раздражали:
Такая уж точность! Едва ли
Домой на шашлык унесёшь –
Нет прибыли даже на грош!
Врач сетовал на пациента,
Сердился больной на врача.
Учтя эти оба момента,
Всегда выходила ничья.
Ругал музыкант фортепьяно:
«Нечисто звучит, как-то пьяно.
С таким далеко «не уедешь» –
И славой с таким только бредишь.
Учитель грешил на подсказку,
Что «слабому» с мест подавали.
И, взяв в свои руки указку,
Сто раз повторял, чтобы знали.
Был каждый вот так недоволен:
Мечтал заключенный о воле.
Голодный хотел пообедать,
А сытый – чего-то отведать.
Муж на жену грешил – нашла заначку!
Был школьник вне себя – он не решил задачку.
Карманник недоволен был клиентом –

Не улучить удобного момента!
А лесоруб был недоволен топором.
Поэт – гусиным поэтическим пером.
Понятно, дева старая – судьбой.
А звездочёт – подзорною трубой.
Грешил хозяин, что готовят плохо:
Всё суп да суп … Уж третий день подряд.
А поэтесса – что не та эпоха –
И кинуть не на что свой изощренный взгляд.
Слепец на судьбу не роптал.
Пускай он не видел, но знал:
Сыграл он вчера на свирели
Не хуже, чем зрячие пели!

Она была каким-то исключеньем

Она была каким-то исключеньем.
Была своим подружкам не под стать;
Худа, бледна. И с ней одно мученье –
Вовек такую замуж не отдать.
Она стояла скромненько в сторонке,
Была открыта бешеным ветрам.
Уже в годах, ну, а в душе – девчонка,
И, как подружки, не смеялась звонко,
Но ей хотелось тоже помечтать!
И коротала дни она и ночи,
И страшно вспомнить, как грозою жгло.
В ней не было ни радости, ни мочи –
Совсем одной держаться тяжело.
Зимы она боялась, лютой вьюги.
Шальных ветров со склонов ближних гор.
А где-то за бугром её подруги
Вели о ней нелестный разговор:
«Мол, эта вовсе нам не конкурентка –
Ни вида в ней… Куда девалась стать?
Живет… не зная счастья и просвета,
Злой рок над ней давно навис, видать,
И лесоруб тут появился где-то.

Занёс он над берёзкой свой топор…
Он вздрогнул, опустил его и мудрый
Задал себе всего один вопрос:
«Зачем губить мне эту одиночку
Среди полей у склона южных гор?
Когда-нибудь, глядишь, прохладной ночью
Я ею разведу себе костёр».
И он спустился ниже, ближе к круче
И выбрал те берёзки здешних мест,
Что были стройны, лучшие из лучших,
Своим убранством завораживали лес.
И бородищу рьяно раскуделив,
Занёс лесник над прелестью топор.
И с ним вели сибирские метели
Довольно неприятный разговор.
А наша неказистая берёзка
Стояла в стороне совсем одна.
Ручьём из глаз её струились слёзы –
Её было тяжко: гибла вся родня.

Жили-были

Жили-были книжки
У одного мальчишки.
Звали мальчика Федот,
Про него рассказ вам вот.
Книжки были без лица,
Без начала и конца.
А порой без серединки –
Были выдраны картинки.
Если с кем Федот тот дрался,
Значит, книжками кидался.
Стукнет раз по голове –
Вместо книжки станет две.
Ночью сладко спал Федот,
А из книг не спал никто.
Собрались они в ночи:
Как Федота проучить?

Тут сказал великий Гоголь:
«Был я раньше истый щёголь,
А на старости-то лет –
Я совсем разут-раздет».
Все жалели Робинзона –
Кожа содрана с картона.
Даже Лермонтов и Пушкин
Были с выдранной макушкой.
Тут сказали братья Гримм:
«От Федота убежим.
Он с утра пораньше встанет,
В ранец свой, когда заглянет,
Ну, а наш уж след простыл…
До того Федот постыл».
«С вами я, – кричал задачник, –
Я такой же неудачник.
Так меня он покалечил,
Что мне думать вовсе нечем»!
Крикнула литература:
«Я была такая дура:
Его укладывала спать –
Сама летела под кровать».
В гневе тут сказал Толстой:
«Я к Федоту ни ногой!
Был я тучный, был я в теле.
Ну, а он на той неделе –
Потроха мне вырвал с мясом» –
Лев Толстой все вторил басом,
Книжки долго не рядились:
Быстро выстроились в ряд.
От Федота так пустились –
Ну, куда глаза глядят.
Видят: вывеска сверкает,
А на ней – библиотека.
Вот где нас так уважают!
Да и мы – для человека!
Их почистили, одели.
Им сменили переплёт.
Говорят, на той неделе
Их разыскивал Федот.

Я люблю этот мир

Предо мной предстал мир, огромный и звездный.
Только месяц застигнут был чем-то врасплох.
Ну, еще бы: послышался детский пронзительный возглас,
А за ним в одночасье – в унынье ввергающий вздох.
Вздох тяжелый, протяжный и вязкий…
Не светило ему возродиться опять.
Ну, а первый звенел, будто вышел из сказки.
И Вселенной, казалось, его уж ничем, ну ничем не унять.
Все живем мы вот так: где на вдох, где на выдох.
Все куда-то спешим, обогнав времена.
Созидаем, творим и прощаем обиды…
Мы стремимся вперед – отступает стена.
День исчерпан. Зачеркнут под вечер крест-накрест.
Ну, прошел и прошел… Нет, все надо сберечь:
Этот скромный, размеренный жизнью анапест,
И слова, что влились в обыденную речь.
Я хожу по земле, обходя вечных трудностей глыбы,
Ощущая, что мир совершенный, как свет.
Я хожу по земле Счастья, Солнца, Улыбок,
Улыбаясь невольно прохожим в ответ.
Я люблю этот мир, столь изменчивый, разный.
Я врываюсь в него полнотой своих сил.
Дорог прожитый мной день, обычный, вчерашний.
И дороже еще тот, что не наступил.
Я люблю этот мир, полный красок и света.
Мне он мил на заре и вечерней порой.
И прославить хочу смелой строчкой поэта
Шум деревьев лесных, тишину и покой.
Я люблю новый день, полный таинств, загадок.
Я люблю этот час, в день открывший мне дверь.
Каждый миг я ценю – он мне дорог и сладок.
Каждый миг берегу без вражды и потерь.
Я хожу по земле и тревожат вопросы:
Что же мир для меня? А что – я для него?
Я люблю этот мир сквозь улыбки и слезы –
Не случится плохого уж с ним ничего.
Я люблю этот мир!
Я люблю этот мир!!!

Рисунок Карины Ивановой

10 глава

Переводы классиков немецкой литературы

Говорила мать-зайчиха

Мать сыночка посылала
В магазин за молоком.
И совет ему давала –
Быть повсюду молодцом.
Чтоб нигде не зазевался,
Под машину не попал,
Чтоб в носу не ковырялся,
Чтоб в толпе не затерялся,
Допоздна не заигрался
И пакет не потерял.
Сын-зайчонок был умён,
И советам внемлил он:
Был он вежливый с волами,
Поприветствовал свинью.
Помнил он наказы мамы,
Не срамил свою семью.
Зайка носик не разбил,
Он послушен, вежлив был,
Сетку он не потерял
И с косулей не играл.
Соблюдая знаки строго,
Перешел через дорогу.
Был приветлив с продавцом
И держался молодцом.
Подступил вдруг к горлу ком –
Он и сам тому не рад:
Вместо масла с молоком
В дом принёс он мармелад.

Ворон

На камень ворон как-то приземлился,
Чтоб отдохнуть от дальнего полёта.
За лоб когтями камню он вцепился
И принял позу в полуоборота.

И тут случилось, верьте, хоть не верьте:
Наш камень улыбнулся осторожно.
Отнёсся к птице с искренним доверьем:
«Мол, поцарапай здесь ещё, коль можно!».

Вам нравится, друзья, вот этот камень?
Сверкает белизною он… Как чист!
А чистит его ворон коготками,
Прелестный друг и лучший массажист.

Смотри, дружок!
(народная мудрость)

Был дождевой червяк настолько аппетитным,
Он с виду белым был, чуть желтоватым, сытным.
Он весь светился, словно перламутр.
И курицы друг другу: «С добрым утром!» –
Сегодня шепотом произнесли,
А в большинстве своём – и вовсе не сказали,
В сторонке стоя, тихо наблюдали,
Как толстая-притолстая наседка
Свой клюв вонзила в жертву очень метко.
От зависти слюну глотали куры,
Но вот ещё один – какая дурость –
Себя на растерзание явил:
А дождик лил. Бураном всё сметало –
И червяка не стало.
И не было предмета драк и ссор –
И куры повели свой разговор
О том, что вместе им не душно и не тесно,

А весело и интересно.
Но вот поток дождя подкинул червяка –
У жадных кур – ощиплены бока.
Дружок, чтоб у тебя все ребра были целы,
Кусок послаще не спеши хватать. Не дело:
Сдержи себя и поимей терпенье,
Чтобы себя не потерять, как куры – оперенье.

Степная розочка

Мальчик розочку степную
Как-то увидал.
В голове его мелькнуло:
«Что ж я не сорвал?».
Красотой она блистала,
Юностью своей.
Озорной мальчишка, шалый,
Вдруг подкрался к ней:
«Уколю тебя шипами –
Вовсе не шучу.
Я за дерзость твою, шалость
Жизнью заплачу?!».
Но не слушал он бедняжку –
Был напорист, дик.
Изловчился он и надо ж –
Жизнь погибла вмиг.
«Роза, розочка степная!
Всей душой с тобой.
Мы накажем негодяя!
Мир тебе, покой!».

Генрих Гейне

Красавица-рыбачка

Красавицу-рыбачку звал на берег моряк.
Просил челнок оставить, он звал ее, да как:
Присядем на песочке, в моей руке – твоя.

И в отношеньях точки расставим навсегда.
Всем сердцем полюбил я,
Встревожен каждый раз.
Ведь ты рискуешь жизнью
День, ночь и каждый час.
Коварно оно, море, – об этом знать должна…
Порой приносит горе – ты ж мне, любовь, нужна.
Словам она внимала, кипела в сердце страсть,
Но, а в душе мечтала, как к морю вновь припасть.

И. Канцлер
День рожденья

День рожденья был у розы.
К ней пришли цветы
И подарки, поздравленья
Розе принесли.
Вот пришёл тюльпан лиловый –
В розу он влюблён.
Был на нём костюмчик новый,
Весь светился он.
Поздравляли королеву
Все – велик и мал.
И душа у Розы пела!
Василёк скучал.
Танцевали тут и пели –
Пир-то был горой!
И вот двери заскрипели.
– Кто пришел к нам?! Ой!
Это ж милый гладиолус!
Ждём тебя, мы ждём!
Был ухожен: светлый волос,
И жакет на нём.
Тут поник тюльпан пурпурный,
Видно, понял он:
Гладиолус, весь ажурный,
Был в неё влюблен.
До полуночи гуляли.

Раздавался смех,
И к утру друзья узнали:
Роза любит всех.
И, спускаясь с косогора,
Услыхали вдруг:
– Я приду, хоть и не скоро,
В ваш весёлый круг!
Это голос маргаритки
Долетел до них.
Тихо он звучал, но прытко,
Как любовный стих.
Так была мала собою,
Но добра душой.
И блистала красотою,
Яркой белизной.
Тут царица-королева,
Подбежала к ней.
Маргаритка-то не смела
И поднять очей.
Поздравленья прозвучали
Розе от неё.
Раньше и не замечали
Красоты её.
Королева вдруг призналась:
Ты красивей всех.
Это ты царица бала,
У тебя – успех.

И. В. Гёте
Миньона

– Ты знаешь, тот край, где лимоны цветут,
В темной листве пробиваются солнца осколки?
Где ветер, как нега, спокойный, не колкий,
Где небо искусно свою расстилает фату?
Где лавр высоко, выше мирта забрался...
Ты знаешь свой край? Ну, куда ты собрался?
– Я только туда! В этот сказочный край!

Мой милый избранник, меня не бросай!
А хмелем увитый, ты видел там дом? –
Покои сверкают внутри серебром!
Картины из мрамора ждут комплимента,
На каждой вещице – богатства акцента.
Опомнись, дитя, в неразумье своём!
Ведь полон ловушек роскошнейший дом!
– Мне только туда! Мне бы только туда!
С тобой не страшна, мой защитник, беда!
– И горы тебя не пугают, скажи?!
Там недруги точат тупые ножи,
И спуск там отвесный – пути нет назад.
Оттуда и мул был бы выбраться рад.
Там змеи шипят, а драконов-то род
В пещерах своих расчленяет народ.
Истертые скалы готовы упасть.
Поток источает свирепую страсть!
Святое дитя, кто обидеть так смог?
Куда ты? Куда? Ведь там нету дорог?!
– О, милый отец, если был ты влюблён –
Меня отпустил бы. Ведь это ж не сон:
Сердца наши бьются давно в унисон!

Но я возвращусь

Входи же смелей в эту рощу берез.
Входи осторожно, как входят впервые.
Навеет она тебе тысячи грёз –
Мечты запорхают, как птицы живые.
Уйти поспешишь – не сумеешь понять
Задумчивость листьев, что в песнях воспета.
Уйти поспешишь – не сумеешь узнать,
Чем прелесть берёз самой сути согрета.
В чём сила земная красавиц-берез?
О чём же грустят ее первые почки?
Стою опьяненный... А радость – до слёз.
Готов так стоять каждый день я до ночи.
Берёз никогда не коснусь топором.

Рука не поднимется – твёрдо я знаю.
Настала пора – я спешу на паром.
Но я возвращусь к тебе, роща родная!

Р. Шварц

Луна

Луна, луна, ну, загляни в окошко
И освети и стол мой, и кровать.
И я признаюсь, что грущу немножко,
И потому не хочется мне спать.
Луна, побудь со мною вместе
И дай на всё мне лунный свой совет.
Вчера мой друг назвал меня невестой,
Ну, а сегодня затерялся его след.
Луна, луна, развей мои сомненья
И будь подругой мне на каждый день и час.
И прогони напрасные волненья,
Пока в душе пыл страсти не угас,
Луна, скажи, где сил берут для ожиданья?
И всё ли можно милому прощать?
И вот оно, нежданное свиданье!
Луна ушла... Чтоб встрече не мешать!

Р. Шварц

Ты не один теперь

Когда вдруг в сердце жар иссяк,
Стихи не пишутся никак, –
Но зуд тщеславия велик,
В душе остался только крик,
Что позовёт тебя на бой
В единоборство... С кем? – С собой!
Рванись поспешно в мемуары –
Тебе откроется эссе.
Ты не один теперь: ты – парой
С поэтом ходишь... что в тебе.

Ф. Шиллер

Тебя я вовсе не придумал...

Во всем пленительная нега:
В твоей улыбке, на устах.
Как жаль, что я с тобою не был,
Как рад, что я в пути отстал.
Я за тобой не успеваю...
Поток фонтанных брызг – твой смех.
С тобою в мыслях лишь бываю
Наедине. Но не при всех…
Люблю тебя, но не признаюсь
В том ни тебе и ни себе.
Твой томный взгляд поймать пытаюсь –
Он уплывает, как во сне.
И все ж тебя я не придумал:
Всегда твой образ предо мной.
Но вот с норд-оста ветер дунул –
Я вслед кричу тебе: «Постой!».
Не улетай! Побудь мгновенье!
Ты высоко уж в небесах...
Готов стоять я на коленях
Пред точкой, тающей в глазах.
С тобой, поверь, хоть на край света.
Кричу в бреду: «Остановись!».
Хоть сам тебя строкой поэта
Вознёс в заоблачную высь...
Я, может, сам тебя придумал?
Сам возношу на облака?
Но только стоит ветру дунуть,
Как ты прошепчешь мне: «Пока!».

Рисунок Карины Ивановой

Содержание

Биография 3

1 ГЛАВА
Округ
Мой край воспет в легендах и сказаньях 8
Урай
Урай, ты станешь исполином всей Земли! 9
Всегда будь таков! 10
Урай вчера, сегодня, завтра 10
Смогу тебя достойной быть! 13
Пусть весна… Но в сердце – лето! 14
Урай цифровой 15
Моему городу Ураю посвящается 16
Мой город 16
Урай, я с тобою навеки… 17
Урай 17
Не сменяю Урай я на… 18
Нам Россия природой в награду дана 19
Урайский лес, тебя готова слушать 20
Лето в Урае 21

2 ГЛАВА
Нефтяная эпопея
Для подвигов на свете место есть 24
Всё вы делаете правильно! 24
Пускай поведает о нашем крае тот… 25
Если надо, – так, значит, надо! 26
Мёдом вовсе тут не пахнет... 27
А ребята бурили… надо! 28

3 ГЛАВА
Великая Отечественная война
Дорога Жизни – Ладога 30
Памяти павших 31
Нормандия – Неман 32
Мне сегодня уже девятнадцать 33
Мать солдата 34
Победное знамя 34

Советскому солдату, погибшему в Берлине, посвящается 35
А мама верила и каждый день ждала 36
Мой прапрадед защищал страну 38
Не властно время 39
Когда был враг разгромлен в сорок пятом… 40
Могила неизвестного солдата! 42

4 ГЛАВА
Космонавтика
Он первым был 44
И рукоплещет сыну вся Земля 45
И к звездам путь – уже реальность 46
Космонавтике – 50 47
Кто не хотел бы…? 47
Победе – 50 48
Проснулись люди с именем его 49

5 ГЛАВА
Сказки Е. Д. Айпина
Жена с мужем и кулик 51
Кави 53
Клюквинка и Травяная Косичка 54
Ланрели 55
Паки 56
Птичек с Сестричкой 59

6 ГЛАВА
Весна
Апрель 62
Идёт весна 62
Весенний лес 63
Кукушка 64
Апрель – трудяга 65
Горит рябиновый костер 65
Хочу воспеть живое все стихами… 66
Март 66
Весенний стук сердец 67
В преддверии весны... 68
Зима
В зимнем лесу 70
Всей душой принимаю 70
Прелести сибирской зимы 71

Январь 72
Осень
Бабье лето 74
Я вышла из леса с поклоном 74
Осень… В ней все без обмана 76
А лес гордится им! 77
Природа
Благословляю вас, леса! 80
Я чувствую и верю 80
Рождество Христово
Я люблю Рождество 82
Звезда Рождества 83
Одна особая звезда 83
Будь в мире птицею священной! 84
Просит душа России 85
Да, я Христос! 86
День рождения Христа 87
С Новым годом!
Волшебный праздник 89
Нам не поведал 90
Поэтические зарисовки о зиме 90
Каждый год приходит новый год 92
Проверю, обязательно приду! 92
Я хочу, чтобы Новый год… 93
Для тебя же стараемся! 93

7 ГЛАВА
Братья наши меньшие
Зеленая мартышка 98
Нет собаки в мире лучше 98
Мой щенок 99
Жук и комар 100
Модники и модницы 101

8 ГЛАВА
Сказки, басни
Наш обед 103
Пощадите нас, люди! 104
Чайка по имени Джонатан Ливингстон 106
Сурок 109
Великое искусство 110
Светофор 111

Без него нам – ну никак! ... 111
Дружная семейка ... 112
Учителю, отдающему себя детям ... 113
Лесной огород ... 114
Осень – это реальная сказка ... 119
Добряк-медведь ... 120
Встревожилась осень… ... 121
Белка и волк ... 121
Я скрашу вашу жизнь ... 122
У каждого из них своя семья ... 125
Кошка и ёжик ... 125
Лиса и Козёл ... 126
До весны ещё не скоро ... 127
Сова ... 128
Я рисую ... 130
Бабушки за внуками следят ... 131
Зайчиха и ёжик ... 132
Ждёт меня он ... 133
Шла тут речь: быть иль не быть?! ... 134
Бабочки ... 135
И нам уж завтракать пора ... 137
Чемодан и башмак ... 139
Три бабочки ... 141

9 ГЛАВА
Лирика
Как бы научиться... ... 143
Моим выпускникам ... 144
Мы без «Свежего ветра» теперь никуда ... 145
Полевые цветы ... 146
Ты смог бы так? ... 147
Анкета ... 148
Ветка черешни ... 149
Все тайны знает – с ними и уснёт ... 150
Лес гордится ... 150
Не дай Бог! ... 151
Не всегда из тропинки выходит дорога ... 152
Отдохнут – и вновь за дело! ... 152
Розовую чайку не губите! ... 153
Великий Лермонтов ... 154
Давайте, люди, сбережем! ... 155

Достоевскому Ф. М. ... 156
Через столетья гений не угас ... 157
Наша Таня ... 159
Ты где была, «мулатка»? ... 160
Надо рано вставать ... 161
Пусть со мною всегда живет! ... 161
Мой друг ... 162
А, может быть, цел? ... 163
Равновесие в природе ... 164
Вот видишь… вернулся ... 165
Духи – это самые верные руки ... 166
Полет снежинок ... 167
Две ракушки ... 168
Как я стал отличником ... 169
Скрипач ... 172
Полынь ... 173
Ёжик ... 173
Ода портфелю ... 174
Кто это? Отгадай ... 175
Сам должен быть… ... 176
Я приняла уже решенье ... 177
А мне не страшны… ... 178
Теплом и кровом поделись ... 179
Вдруг я старое потеряю ... 179
И только слепой… ... 180
Она была каким-то исключеньем ... 181
Жили-были ... 182
Я люблю этот мир ... 184

10 ГЛАВА
Переводы классиков немецкой литературы
Говорила мать-зайчиха ... 186
Ворон ... 187
Смотри, дружок! ... 187
Степная розочка ... 188
Красавица-рыбачка *(Генрих Гейне)* ... 188
День рожденья *(И. Канцлер)* ... 189
Миньона *(И. В. Гёте)* ... 190
Но я возвращусь ... 191
Луна *(Р. Шварц)* ... 192
Ты не один теперь *(Р. Шварц)* ... 192
Тебя я вовсе не придумал... *(Ф. Шиллер)* ... 193

Берсенёва
Валентина Егоровна

КРАЙ РОДНОЙ – ДУША МОЯ

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО АМБ»
620142, г. Екатеринбург, ул. Фрунзе, 35А, офис 513
Тел: +7 (912) 242-20-73, +7 (963) 449-75-40
www.amb-ural.ru, e-mail: amb@amb.ur.ru
Генеральный директор *Владимир Лобок*
Руководитель проекта, корректор *Татьяна Брехова*
Дизайнер-верстальщик *Светлана Полежаева*

Подписано в печать 14.07.2022. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 12.25. Тираж 50 экз. Заказ 12/07/2022/1
Отпечатано в типографии ИЗДАТЕЛЬСТВА АМБ